

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫПУСК 100

КАВКАЗСКИЕ ЧТЕНИЯ
(памяти проф. В.В. Черноуса)

Отв. редактор
д.ф.н., профессор Добаев И.П.

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2021

УДК 930
ББК 63.3 (29=)
К 12

Рецензенты:

Акаев В.Х., д. филос. н. (Грозный)
Боташева А.К., доктор политических наук (Пятигорск)
Дзидзоев В.Д., доктор исторических наук (Владикавказ)

Редакционная коллегия:

Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Волков Ю.Г. (зам. отв. ред.),
Дьяченко А.Н., Добаев И.П. (отв. ред.), Трапш Н.А., Хунагов Р.Д.,
Зарбалиев В.З. (отв. секретарь)

К 12 Кавказские чтения (памяти проф. В.В. Черноуса). – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2021. – 280 с.

ISBN 978-5-907361-84-3

В юбилейном 100 сборнике научных статей публикуются доклады ученых-кавказоведов и выступления участников круглого стола «Кавказские чтения (памяти проф. В.В. Черноуса)», проведенного 15 февраля 2021 года в Институте социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Адресуется студентам, аспирантам и преподавателям высших учебных заведений, учителям средних и средних специальных учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-907361-84-3

© ЦРИ ИСиР ЮФУ, 2021

© Оформление «Фонд науки и образования», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Добаев И.П.

К юбилейному 100 выпуску
Южнороссийского обозрения, посвященного
памяти ученого-каказоведа В.В. Черноуса 6

Волков Ю.Г.

Социология культуры Ю.А. Жданова
и проблемы культуры Кавказа 9

Трапш Н.А., Бедрик А.В.

Искренний кавказовед: научный образ
Виктора Владимировича Черноуса (1949 – 2018) 20

ДОКЛАДЫ УЧЕНЫХ-КАВКАЗОВЕДОВ

Абдулагатов З.М.

Экстремальности религиозного сознания
в системе исламского образования Республики Дагестан 26

Адиев А.З.

Общественно-политическая и этнокультурная ситуация
в Республике Дагестан в 2020 году (событийный анализ) 47

Акаев В.Х.

Русско-кавказские взаимоотношения: поиск синтеза 62

Алкиева С.И.

Конфликтогенные факторы социально-политических
процессов в Кабардино-Балкарии 71

Билалов М.И. Ценностная интеграция и формирование

национальной идентичности северокавказских народов 84

Боташева А.К.

Проблемы конфликта политических элит в Карачаево-Черкесии ... 91

Джабраилов Ю.Д.

Современная религиозная ситуация в Республике Дагестан
в контексте национальной (гражданской) идентичности 101

Добаев И.П.

Священная война в исламе в концепциях
такфиритов-джихадистов 113

Добаев И.П.	
Этническое и конфессиональное в исламе: так ли религиозно чист «истинный ислам»?	124
Долгиева М. Б.	
Ликвидация неграмотности среди женщин Ингушетии в 20-30-х гг. XX в.	138
Кратова Н.В.	
Власть и церковь в Карачаево-Черкесии в 1980-е	149
Патеев Р.Ф.	
Исламский активизм в России в условиях социокультурных трансформаций	165
Тхагапсов Х.Г.	
Идентичность как навигатор сознания и оператор политических технологий	174
Хунагов Р.Д., Жаде З.А.	
Многоуровневая идентичность: опыт исследования на Северном Кавказе	184

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА

Аристава О.В.	
Турбулентность политических процессов в Абхазии	198
Бабаян Г.А.	
Туристская дипломатия Большого Кавказа (на примере взаимоотношений Российской Федерации с Азербайджаном и Грузией)	203
К. С. Борисенко, Г. Г. Голотвин	
«Роль и место «мягкой силы» во внешней политике Турции на Северном Кавказе»	207
Глазов А.А.	
Геополитика России на Северном Кавказе	213
Гугулян А.Д.	
Нагорный Карабах 2020: отголоски идеологии и практики доктрины пантюркизма	216
Зарбалиев В.З.	
Российско-турецкие отношения в условиях формирования полицентрического мира	231
Кочергин М.К.	
Роль Турции в нагорно-карабахском конфликте	225

Майдибор О.А.	
Геополитические интересы Ирана в Закавказье	228
Марченко Г.С.	
Национальная безопасность России: проблемы обеспечения на кавказском направлении	232
Мындру М.П.	
Южный Кавказ в фокусе геополитических интересов Российской Федерации	235
Палий В.Э.	
Российско-турецкое сотрудничество и соперничество на Кавказе: прошлое, настоящее, будущее	241
Рожков Д.Е.	
Проблемы противодействия идеологии радикального экстремизма на Северном Кавказе	245
Тутин С.М.	
Цветные революции как следствие сетевых войн в Закавказье ...	255
Уразов Ф.Т.	
Чеченский кризис: причины возникновения и социально-политические последствия	260
Черевков О.С.	
Исламский модернизм в России: история возникновения, особенности проявлений и возможные перспективы	264
Шкуренок В.С.	
Проблемы и перспективы развития международного сотрудничества частично признанных государств Южного Кавказа	272

ПРЕДИСЛОВИЕ

К юбилейному 100 выпуску Южнороссийского обозрения, посвященного памяти ученого-каказоведа В.В. Черноуса.

Центр региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета был создан в сентябре 1999 года по предложению Виктора Владимировича Черноуса, кандидата политических наук, профессора ИСиР (17.10.49 – 08.02.18), который вплоть до безвременной кончины являлся директором данной структуры. Инициатива была поддержана председателем Северо-Кавказского научного центра высшей школы, членом-корреспондентом Российской академии наук Юрием Андреевичем Ждановым и директором ИППК РГУ, заслуженным деятелем науки РФ Юрием Григорьевичем Волковым. Первоначально ЦРИ именовался Центром системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН.

Перед Центром его основателями и инициаторами были поставлены следующие основные задачи:

- Создание информационной базы данных по Южному федеральному округу.

- Организация и проведение фундаментальных и прикладных региональных научных исследований.

- Подготовка и проведение научных конференций, симпозиумов, круглых столов и семинаров по регионалистике.

- Разработка образовательных проектов и программ в области регионоведения.

В 1999-2000 годах шел процесс осмысления деятельности Центра, а с 2001 года началось издание серии научных проблемных сборников и монографических исследований под рубрикой «Северокавказское обозрение». В связи с разделением Южного федерального округа и появлением в 2010 году Северо-Кавказского федерального округа название рубрики изменилось на «Южнороссийское обозрение».

Тематика сборников и изданных монографий изначально носила и носит актуальный для России и его южных регионов характер. В частно-

сти, глубоко изучены вопросы ислама и политики, события в Чечне, положение русского населения на Северном Кавказе, современные проблемы геополитики, национальной и региональной безопасности Кавказа, политической мифологии и исторической науки, непризнанных государств Южного Кавказа, инспирации коллективным Западом цветных революций, современные проблемы экономической безопасности и др.

Начиная с 2007 г., изданы четыре сборника научных статей, посвященных политическим процессам на Украине («Юг России и Украина в геополитическом контексте», «Современные политические процессы на Украине», «Украинский кризис: предварительные заметки», «Украина: год после государственного переворота»).

Изданы многочисленные монографии ученых Южного федерального и Северо-Кавказского федеральных округов, а также монографии легендарных ученых РГУ (ныне ЮФУ). Среди последних выделим А.М. Ладыженского («Адаты горцев Северного Кавказа») и М.К. Петрова («Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике», «Регион как объект системного исследования», «Системный подход к организации регионального научного центра» и др.).

Последние 12 сборников были подготовлены и изданы после безвременной кончины основателя Центра – В.В. Черноуса. Его памяти были проведены четыре круглых стола, на основе которых изданы сборники статей по кавказской тематике. В 2021 году был издан очередной, юбилейный, сотый сборник научных статей «Кавказские чтения», посвященный В.В. Черноусу.

Центр выступил соучредителем Международного научного общества кавказоведов (директор А.Б. Крылов, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, гор. Москва). Налажены научные связи с учеными Варшавского университета (Польша), государств Южного Кавказа, всех субъектов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

В последние годы Центром особое внимание уделяется воспитательной функции в работе со студентами Института, направленной на укрепление патриотической позиции молодежи. В частности, в октябре 2021 года проведен студенческий круглый стол на тему «Украина: мифологизированное прошлое, неопределенное будущее». Мероприятие было

посвящено памяти выпускника отделения «Регионоведение» (ныне ИСиР ЮФУ) Александра Анатольевича Проселкова, заместителя министра иностранных дел Донецкой народной республики, трагически погибшего на территории ДНР в июле 2014 года. В январе планируется публикация 101-го сборника на эту тему.

*Добаев Игорь Прокопьевич,
доктор философских наук, профессор,
директор Центра региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета*

Волков Юрий Григорьевич
д.филол.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ,
научный руководитель ИСиР ЮФУ
г. Ростов-на-Дону

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ Ю.А. ЖДАНОВА И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА

Социология культуры представляет одно из самых интересных направлений социологической мысли, и, несмотря на тот факт, что социологический анализ культуры является одной из главных задач социологии с момента её появления, до сих пор не существует согласия по поводу предмета изучения собственно социологии культуры и места этой дисциплины в структуре социологического знания.

Существует точка зрения, рассматривающая социологию культуры не в качестве направления, изучающего некий «сегмент» социальной реальности, а в качестве особого подхода к видению социальной реальности вообще. Этот подход исходит из смысловой природы социальных феноменов. В данном случае социология культуры превращается, фактически, в самостоятельный проект социологии, близкий к понимающей социологии. И особая роль в развитии социологии культуры в таком варианте принадлежит Юрию Андреевичу Жданову – известному ученому, философу, социологу, культурологу, создателю науки, образования и культуру в самых разных их формах.

Следует отметить, что всегда особую озабоченность Ю.А. Жданова вызывало современное состояние культуры, которая, по его мнению, оказалась в опасности. Культуру – этот «остров вечного спасения человечества» – захлестывает, как он считал, океан стихийности, и это может привести ее к разрушению. Гибель культуры – это и есть апокалипсис. Поэтому сохранение культуры является прямым долгом интеллектуальной элиты перед человечеством [1]. Без культуры, считал Ю.А. Жданов, мы все мертвы: и душой, и духом. Быть в непосредственной связи со смыслом своего существования, обусловленным культурой, – это значит следовать своему предназначению, находясь в гармоничных

отношениях с миром, с природой. Именно поэтому и природа тоже всегда волновала Ю.А. Жданова не только как естествоиспытателя, но и как писателя – писателя-философа, писателя-социолога и писателя-культуролога.

Социология культуры уже по самому заглавию претендует на заполнение «стыковой» зоны между собственно социологией и культурологией или, иначе говоря, на рассмотрение содержательной проблематики культуроведения с точки зрения социологической теории и в контексте наполнения форм социальной жизни общества. Отсюда и – дуальная социологии культуры, которая четко прослеживается в творчестве Ю.А. Жданова.

Вместе с тем эта дуальность отнюдь не является зеркальностью; социальный и исторический аспекты культурной жизни есть не только два разных ракурса рассмотрения культуры, но, прежде всего, нормы культурной легитимации и регуляции являются не только институционализированными и распространяемыми посредством системы специальных культурных институтов, но и транслируются исторически, что подчинено определенным социальным закономерностям жизни общества [2].

Можно говорить о том, что социология культуры есть социальное культуроведение. В данном случае культура выступает в ее соотношении понятиями деятельности, общества, этноса, времени и т.д. Этой линии близок проект отечественного автора Б.С. Ерасова [3]. Второй проект – это социология культуры как историческая социальная культурология, которой близка культурологическая и философская компаративистика М.К. Петрова [4]. Надо отметить, что М.К. Петрова по приглашению Ю.А. Жданова работал старшим научным сотрудником Северо-Кавказского научного центра высшей школы в г. Ростове-на-Дону.

Важным истоком социологии культуры Ю.А. Жданова являлась русская литература и музыка. Воспитанный на русской литературной классике XIX в., Ю.А. Жданов особо выделял творчество А.С. Пушкина, «воплотившее в себе целое столетие культурного развития России». Среди писателей XX столетия он отмечал Л. Фейхтвангера и М. Шолохова. По его мнению, их объединяет стремление к широте, историческому синтезу, понимание истинной природы человека и его души. Осо-

бую любовь Ю.А. Жданов питал к народным песням. При этом он считает, что наиболее оригинальные песни созданы итальянцами, грузинами и украинцами, у русских хороши романсы. От бабушки, Е. П. Горской, которая имела блестящее музыкальное образование, Ю.А. Жданову через отца передалась любовь к классической музыке. Ему нравились Брамс и Лист, Моцарт и Россини, Чайковский и Мусоргский, но в духовном плане ближе всех «ясный и прозрачный» Глинка («Пушкин в музыке») и особенно Бетховен, «духовная глубина и фантастическая музыка которого делает композитора таким близким и таким недостижимым».

Итак, в рамках осмысления проблем общества и культуры в творчестве Ю.А. Жданова выделяются несколько сюжетных линий. Так, в первую очередь важно указать на социологию культуры как социальное культуроведение, в основе которого лежит теория культуры Ю.А. Жданова, Данная линия базируется на разработанной им совместно с В.Е. Давидовичем деятельностной концепции культуры. Вторая особая линия – это вопросы истории культуры, прежде всего история культуры народов Кавказа, социокультурное кавказоведение. Особое место в концепции культуры Ю.А. Жданова занимает идея культурного человека. Рассмотрим эти сюжеты более подробно.

Итак, большой вклад Ю.А. Жданов внес непосредственно в развитие теории культуры. В 70-х гг. XX в. он разрабатывает оригинальную теорию культуры как деятельности [1]. Так, Ю.А. Жданов публикует цикл статей, активно выступает на международных и всесоюзных научных конференциях по проблемам теории культуры, вклада отечественных деятелей в мировую науку и культуру. Постепенно вокруг Ю.А. Жданова формируется мощная школа отечественных культурологов и социологов культуры, к работе в которой были привлечены В.Е. Давидович, Е.Я. Режабек, Г.В. Драч, А.Г. Агаев, А.И. Абдуллаев и др.

В 1979 г. совместно с В.Е. Давидовичем Ю.А. Жданов публикует одну из первых в отечественной философии монографий, посвященных сущности культуры [5]. Чтобы понять вклад, внесенный ими в разработку проблемы сущности культуры, надо вспомнить, как в те годы интерпретировалось понятие культуры в советском общественном сознании. В рамках редукционистской методологии она рассматривалась как сфера общества,

производная от социально-экономического базиса. По существу, культуре было отказано в статусе самостоятельного измерения человеческого бытия. Культура рассматривалась как артефакт, как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных в процессе материального и духовного производства. Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович предложили рассматривать культуру на основе марксистской концепции деятельности. Сущность культуры они попытались раскрыть в рамках представления о ней как всеобщей технологии человеческой деятельности. Надо подчеркнуть, что деятельностная концепция культуры и в настоящее время является одной из авторитетных научных теорий.

По инициативе Ю.А. Жданова в РГУ создается первая в стране кафедра теории культуры, а университет стал одним из признанных центров культуроведческой мысли. Проведение конференций по проблемам культуры во всех крупнейших городах Северного Кавказа вовлекло в развитие данной отрасли знания ученых из всех его республик, краев и областей. В СКНЦ ВШ благодаря Ю.А. Жданову, как мы уже отмечали, получил возможность творить один из ведущих, но и опальных в советское время отечественных специалистов в области проблем культуры М.К. Петров.

Многие видные философы на Западе сегодня признают, что именно в области изучения культуры российская мысль значительно опередила европейскую. Поэтому понятна озабоченность Ю.А. Жданова состоянием современной культуры. Культура, по его мнению, оказалась в опасности, поскольку ее – «остров вечного спасения» – может захлестнуть океан стихийности. Разрушение культуры – это и есть, как считает ученый, апокалипсис. Сохранение культуры является прямым долгом интеллектуальной элиты [6, 7].

Особая любовь Ю.А. Жданова – это история культуры Кавказа. Трудно назвать уголок Кавказа, где бы ни побывал Ю.А. Жданов, знакомясь с природой и людьми края, изучая его проблемы и стремясь постичь его *genius locis* («местный дух»). При этом Ю.А. Жданов большое внимание уделял проблемам культурной интеграции русского народа и народов Кавказа. Ему удалось найти базисную идею этой интеграции – идею единства многонациональных культур.

Отталкиваясь от своих теоретических разработок и глубокого знания русской и кавказской культур, Ю.А. Жданов поставил смелую в свое время проблему взаимовлияния и взаимопроникновения культур в регионе. Не отрицая важности изучения влияния русской культуры на народы Кавказа, он стал одним из первых говорить о влиянии культур народов Кавказа на русскую культуру. В 1979 г. на Всесоюзной конференции по проблемам прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Северного Кавказа в Грозном доклад Ю.А. Жданова «Кавказ и передовая русская культура» произвел на участников конференции ошеломляющее впечатление, вызвал массу откликов, во многом определил дальнейшее изучение истории русско-кавказских культурных взаимоотношений. Затем Ю.А. Жданов в блестящих статьях, посвященных М. Глинке, А. Грибоедову, Л. Толстому, конкретизирует и развивает свое видение проблемы западно-восточного синтеза, лежащей в основе российской культуры, опровергая знаменитый тезис Р. Киплинга о невозможности встречи, взаимопонимания Западом и Востоком друг друга.

Его работа, посвященная Кавказу – солнечному сплетению Евразии, отличается изысканной утонченностью эстетического вкуса и глубоким пониманием мифологии, истории и современного развития этого региона [8]. В научно-художественном эссе Ю.А. Жданов воссоздал образ Кавказа как места взаимопроникновения культур цивилизаций Запада, России и Востока. Предложенный аспект рассмотрения культурного взаимодействия на Кавказе нейтрализует дилетантские рассуждения современных идеологов этноцентризма и сепаратизма о несовместимости русской культуры с культурами народов Северного Кавказа.

В рамках деятельности Северо-Кавказского научного центра высшей школы, созданного по инициативе Ю.А. Жданова, в 80-х гг. XX в. стало нормой проводить ежегодные научные конференции по проблемам теории истории культуры, такие, например, как «Культура, человек, гуманизм», «Л.Н. Толстой и Кавказ» (г. Грозный). Интеграционные процессы в гуманитарных науках, постоянный обмен мнениями, дискуссии, участие в которых принимали все творческие представители гуманитарного научного сообщества, подготовили условия для разработки крупных региональных коллективных трудов.

По инициативе Ю.А. Жданова и с его участием началась работа по созданию обобщающих трудов по таким научным направлениям, как история литературы народов Северного Кавказа, история журналистики Северного Кавказа, история крестьянства, история рабочего класса, история Гражданской войны и иностранной интервенции на Северном Кавказе. Началось комплексное изучение казачества Юга России как явления мировой истории и культуры.

Однако задача взглянуть на исторический и культурный процесс в регионе в целом была решена, когда ученые края при содействии со стороны Академии наук взялись за создание капитального труда по истории народов Северного Кавказа. В острейшей борьбе Ю.А. Жданову удалось отстоять идею написания именно истории Северного Кавказа и не растворять историю малых народов в истории Закавказья, как предлагали Институт истории СССР АН СССР и академии наук республик Закавказья. В качестве заместителя главного редактора издания Ю.А. Жданов сумел, несмотря на прямое противодействие, интриги, борьбу амбиций, различия в научных подходах, организовать работу авторского коллектива численностью почти 200 человек. В отличие от распавшихся коллективов «Истории Прибалтики», «Истории Закавказья», «Истории Средней Азии и Казахстана» все четыре тома «Истории народов Северного Кавказа» после 10-летней авторской и редакционной работы были подготовлены к изданию.

За это время бывали ситуации, когда Институт истории СССР и главный редактор издания академик А.Л. Нарочницкий склонялись к прекращению сложнейшего проекта. Однако Ю.А. Жданов смог отстоять идею и найти верные решения многих проблем, и два первых тома увидели свет в 1988 г., что стало важнейшим достижением отечественного кавказоведения. Последующие события резко изменили ситуацию в стране, и тома, посвященные советскому периоду истории народов Северного Кавказа, остались в рукописях.

В ходе подготовки труда выявилось немало новых проблем, в осмыслении и решении которых проявились незаурядные научные и гражданские качества Ю.А. Жданова. Он обратил внимание на тревожную тенденцию затухания русского кавказоведения, некогда ведущего направления российской науки, и передачу кавказоведческих исследований

почти исключительно в руки национальных ученых. К сожалению, это предупреждение не было вовремя осознано, что сказалось на принятии политических решений по проблемам Кавказа в 90-е гг. прошлого века.

В 80-х гг. были изданы также сборники «Кавказ в русской поэзии», «Пригорошня жемчужин», в который вошли пословицы и поговорки народов Северного Кавказа. Затем в рамках СКНЦ ВШ приступили к созданию библиотеки «История Северного Кавказа в свидетельствах современников, дневниках и воспоминаниях». На основе труда академика В.В. Латышева был издан первый том этой библиотеки «Кавказ и Дон в произведениях античных авторов». Ю.А. Жданов настоял и обеспечил подготовку в первую очередь именно этого издания, в чем проявилось его особое отношение к античному миру, его культуре как истоку и основе культуры современного общества. Была начата также подготовительная работа по созданию Энциклопедии культуры Северного Кавказа, в которой предполагалось отразить культурные традиции и обычаи, мифологию и религию, образование и науку, фольклор и литературу, все виды искусства, национальные игры и спорт, деятельность средств массовой информации [1]. Было задумано создать многотомные труды, показывающие единство и многоцветие культур Северного Кавказа, такие как «Свод фольклора народов Северного Кавказа», «Свод памятников истории культуры».

В плане развития культуры вообще Ю.А. Жданов отмечал роль университетов – «этих крохотных академий, обеспечивающих столь важные для научного и культурного прогресса контакты ученых разных специальностей». Особую роль Ю.А. Жданов отводил университетам как регионообразующим культурным центрам. Университеты, говорил он, – это «ядра кристаллизации научных и культурных сил края. Они оказывают влияние на уровень преподавания общеобразовательных дисциплин в других вузах, за счет своих выпускников пополняют культурные кадры» [1].

«Через эту призму, – подчеркивал Ю.А. Жданов, – следует рассматривать, по-видимому, понятие “университетский город”, которое означает ведь не только наличие определенного учебного заведения, но и его роль в создании духовного микроклимата» [9]. Рассуждая о том, кого можно считать культурным человеком, Ю.А. Жданов продолжал: «Со-

вершенно очевидно, что научная культура – только часть общей культуры. Можно быть в своей области академиком и не быть подлинно культурным человеком. Культура ведь не исчерпывается суммой специальных знаний. Более того, специалист в одной какой-либо отрасли – личность весьма ограниченная. Есть люди, считающие вполне достаточным хорошо делать свое дело. Все, что лежит вне его сферы, внимания не заслуживает, ибо не учитывается при выведении КПД личности. Но ведь ясно же, что духовная бедность крайне опасна и для дела, которым занимается сей узкий специалист, ибо она порождает узость творческого мышления, и для общества в целом; человек с неразвитой сферой чувств и убогим кругозором зачастую нарушает принципы взаимоотношений в коллективе, снижает его нравственный тонус». Поэтому, как считал Ю.А. Жданов, при подготовке будущих специалистов надо не забывать о «воспитании будущих граждан, полпредов истинной культуры» [10].

Актуальность этой проблемы, по мнению Ю.А. Жданова, «заключается в том, что современное высшее образование таит в себе опасности, связанные с узкой специализацией. Необходимость ее диктуется бурным ростом объема научных и технических знаний. Чтобы изучить свое дело, не стать поверхностным дилетантом, приходится концентрировать внимание на узкой области, сознательно не позволять себе разбрасываться, отвлекаться в сторону». Вместе с тем, полагал Ю.А. Жданов, «узкая специализация в таком случае означает полное незнание других сфер человеческой деятельности или, что часто еще хуже, знакомство с ними по слухам, ходячим мнениям, неточной информации. Тем самым порождается опасность безответственных и легкомысленных решений в случае, если инженерная или естественно-научная проблема выходит за собственные рамки и соприкасается с иными сферами человеческой деятельности. А в жизни такое соприкосновение имеет место всегда» [1]. Широкое гуманитарное образование, как считал Ю.А. Жданов, создает также хороший иммунитет против догматизма и схоластики, против рутины узкоспециального мышления, оно воспитывает молодежь в духе свободного научного исследования [2].

«Культурный человек, – подчеркивает Ю.А. Жданов, – это и человек больших эстетических потребностей, для удовлетворения которых он

стремится использовать каждую свободную минуту всю жизнь. Он, несомненно, должен быть человеком творческим, отдавать людям больше, чем сам получает от общества. И он должен уметь отрываться от земных, чтобы посмотреть на звезды». Здесь я хочу обратить ваше внимание на неразрывную связь понятий «культурный человек» и «интеллигент», на чем всегда настаивал Ю.А. Жданов.

В 1984 г. в университетской газете «За советскую науку» была опубликована статья Жданова «Интеллигентом быть непросто». Это статья о том, кто такой интеллигент и какова социальная ответственность интеллигентов. «Всегда ли можно, – вопрошает Жданов, – специалиста можно причислить к интеллигенции всего лишь по тому, что в его листке по учету кадров проставлен номер диплома об окончании вуза... Ведь нередко можно встретить человека без диплома о высшем образовании, поражающего нас эрудицией, начитанностью, благородством устремлений, корректностью, благородством устремлений, корректностью и душевностью, широтой интересов. О таком скажут настоящий интеллигент. Вот мы и запутались».

Чтобы выпутаться из возникших неопределенностей, Ю.А. Жданов предлагает наряду с термином «интеллигенция» сохранить и понятие «интеллигентность» как некоторую качественную характеристику человеческого духа, ориентированность интересов личности на интеллектуальную сферу, приобщенность индивида к высоким нормам культуры, устремленность к познанию и самоусовершенствованию.

Ясно, отмечал Ю.А. Жданов, что не все лица с дипломом о высшем образовании обладают этими достоинствами. Их приходится долго и упорно развивать, формировать, вырабатывать в себе. Можно ли, например, считать «интеллигентом ученого, затворившегося в келье своей науки, или инженера, не поднимающего глаз от пульта ЭВМ? Конечно, нет. Во все времена истинная интеллигентность означала универсализм интересов».

В овладении культурой Ю.А. Жданов выделял три ступени: «Бывает, человек – хороший профессионал, досконально изучил какое-то одно дело, но то, что за пределами профессии, его не трогает. Это та ступень, на которой специалист технического направления не знает законов искусства, а работник искусства не понимает, что такое компьютерная

революция. Другая ступень – когда профессиональные знания связаны с исторической и национальной традициями, с соседними сферами деятельности, с нравственными оценками, с экологическим подходом. Но и здесь знания технические и знания, скажем, музыки могут не пересекаться, они еще только соседствуют. И лишь на уровне универсальном они становятся органической целостностью» [1].

Говоря о том, что интеллигентом быть непросто, Ю.А. Жданов подчеркивал: «Интеллигентам не уйти от того, чтобы быть центром концентрации, кристаллизации народного гения в его изучении и осмыслении исторического опыта, в сосредоточенных поисках глубинного смысла бытия, в осмысливании всеобщих, всенародных, общечеловеческих целей, в синтезе традиции и новаторства, в провидческих устремлениях и строгих прогнозах...» [1].

Итак, социология культуры Ю.А. Жданова, претендует, как мы уже говорили, на заполнение «стыковой» зоны между собственно социологией и культурологией или, иначе говоря, на рассмотрение содержательной проблематики культуроведения с точки зрения социологической теории и в контексте наполнения форм социальной жизни общества. Выделяются несколько линий социологии культуры в концепции Ю.А. Жданова: социология культуры есть социальное культуроведение; социология культуры как историческая социальная культурология; проблемы изучения культурной личности.

Именно Ю.А. Жданов стоял у истоков осмысления в отечественной социологической мысли мысли деятельностной концепции культуры, в рамках которой понятие «культура» тесно переплетается с понятием «общество», и они противопоставляются природе и природному состоянию человеком (*homo naturalis*). Дело в том, что и по сей день наиболее распространенным подходом в изучении культуры является деятельностный, который связан с пониманием культуры как возделывания, улучшения и земли, и общества, и человека. Этот подход также реализовывали Э.С. Маркарян, М.С. Каган, З.В. Файнбург и др. Культура как способ (технология) деятельности рассматривается в трудах В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова, где отмечается, что культура «и есть способ деятельности людей, а общественные отношения – плацдарм для деятельности» (Жда-

нов, 2005). Они также считали, что культура, детерминированная системой общественных отношений и отражающая место в этой системе субъекта деятельности, представляет собой способ ее регулятивов. Продолжая разработку предложенной Ю.А. Ждановым деятельностной концепции культуры, Э.С. Маркарян определял культуру как «общий способ человеческого существования, способ человеческой деятельности и объективированный в различных продуктах (орудиях труда, обычаях, системе представлений о добре и зле, прекрасном и уродливом, средствах коммуникации и т. д.) результат этой деятельности, который может включать в себя элементы, имеющие как положительное значение для функционирования социальной системы, так и отрицательное значение» [11].

В 2005 г. Ю.А. Жданов серьезно заболел. Он отошел от дел, связанных с непосредственной организацией науки и образования, но беспокойная мысль его продолжала биться и творить, приобретая порой неожиданные и оригинальные очертания. Как-то посещая его в больнице, я спросил: «Юрий Андреевич, что мы можем для Вас сделать?» И совершенно неожиданно прикованный к постели Ю.А. Жданов произнес: «На мой взгляд, хорошо было бы переиздать нашу с В.Е. Давидовичем монографию “Сущность культуры”» [12]. Эта работа, изданная еще в 1979 г., была не только одной из первых в отечественной философии монографий, посвященных сущности культуры, но и не утратила своего значения в настоящее время, поскольку деятельностная концепция культуры, лежащая в ее основе, является одной из современных теорий социологии культуры.

Литература

1. Жданов Ю.А. Избранное. Ростов н/Д., 2001. Т. 2.
2. Драч Г.В. Ю.А. Жданов о культурной ценности науки и образования // Ю.А. Жданов о ценностях науки и образования. Ростов н/Д., 2011.
3. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Москва. 2000.
4. Петров М.К. Социо-культурные основания развития современной науки. Москва. 1992.
5. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Ростов н/Д., 2005.
6. Усенко Л.В. Философия культуры и мир природы глазами Ю.А. Жданова // Научное наследие Ю.А. Жданова и современные проблемы моделирования сложных социосистем (на материалах Юга России). Ростов н/Д., 2012.

7. *Шульман М.М.* Социокультурные истоки концепции культуры Ю.А. Жданова // Культура как фактор развития общества, государства, личности : материалы форума. Ростов н/Д., 2014.
8. *Жданов Ю.А.* Солнечное сплетение Евразии. Ростов н/Д., 1998.
9. *Жданов Ю.А.* Избранное. Ростов н/Д., 2009. Т. 1.
10. *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004.
11. *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
12. *Волков Ю.Г.* Интеллектуальный круг Ю.А. Жданова // В кругу Ю.А. Жданова: учителя, сподвижники, ученики. М.; Ростов н/Д., 2013.

Трапш Николай Алексеевич,

к.ист.н., доцент,
директор Гос.архива РО

Бедрик Андрей Владимирович

к.соц.н., доцент,
директор ИСиР ЮФУ

ИСКРЕННИЙ КАВКАЗОВЕД: НАУЧНЫЙ ОБРАЗ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНОУСА (1949 – 2018)

Виктор Владимирович Черноус достиг блестящих исследовательских результатов в различных областях гуманитарного знания, формируя оригинальные идеи с убедительным эмпирическим фундаментом. Он был ярким полемистом и вдумчивым собирателем значимых фактов, обеспечивающих неизменную привлекательность публичных выступлений выдающегося ученого. Для профессионального историка особую привлекательность представляет уникальная черта В.В. Черноуса – тонкое чувство человеческого прошлого, позволяющее видеть аутентичную картину давно ушедших дней. В данном контексте историческая память о замечательном ученом должна обязательно включать творческий образ, комплексная реконструкция которого невозможно исключительно в рамках рационального познания, исключаящегося чувственную и эмоциональную характеристику.

За прошедшие годы опубликовано значительное число научных и публицистических статей, посвященных неординарной личности и многогранной деятельности В.В. Черноуса. Широкая авторская география, представленная в территориальном и отраслевом измерении, определила последовательное и всестороннее освещение различных аспектов творческой и повседневной жизнедеятельности выдающегося ученого. Каждое новое обращение к масштабному наследию В.В. Черноуса исходно задает высокую шкалу профессиональной оценки итоговых результатов, которые не могут быть сведены к механическому пересказу публичных действий и основополагающих работ. Вследствие указанного обстоятельства представленный очерк не претендует на подробную характеристику интеллектуальных, образовательных и управленческих достижений выдающегося современника, акцентируя принципиальное внимание на отдельных значимых аспектах профессиональной и социальной идентичности.

Применительно к многогранной личности сложно выбрать лаконичное название для историографического очерка, которое должно отразить творческую глубину подлинного ученого-энциклопедиста. Представленный заголовок сложился в последний момент, когда неожиданно вспомнился интересный разговор с Виктором Владимировичем в далеком 2004 году, неожиданным предметом которого стала теоретическая методология исторического познания. В данной области у нас был общий замечательный учитель – А.П. Пронштейн, а потому мы незамедлительно перешли к знаковым фигурам из научного прошлого и Виктор Владимирович заговорил о видимой «простоте» методологических размышлений выдающихся французских исследователей Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, знаковый труд который был только что переиздан на русском языке [1]. Через полтора десятилетия давний диалог неожиданно вспомнился в мельчайших деталях и одновременно появилась неожиданная мысль, которую очень хотелось перенести в тот памятный вечер. Ш. Сеньобос известен и как блестящий знаток собственно французской истории, которая отразилась и в оригинальном труде «*Une histoire sincère de la nation française*» («Искренняя история французской нации»). Выдающийся исследователь великолепно показал последовательное формирование национальной идентичности во Франции, указывая, что

главным критерием современных оценок предшествующей истории является не авторитетное мнение, а живая оценка в народной памяти. В.В. Черноус долгие годы формировал *искренний* [курсив мой – Н.Т] образ Большого Кавказа, воспринимаемого не только как историческое, социальное и геополитическое целое, но и как уникальная экологическая и культурная ниша для каждого регионального этноса и социума. Как представляется, реальный вклад российского исследователя в современное кавказоведение вполне сопоставим с замечательными достижениями французского мыслителя, близкого по идейным устремлениям и органичному взгляду на родную историю.

Цивилизационные факторы, определяющие противоречивое развитие региональной истории, неизменно находились в исследовательском объективе В.В. Черноуса [2; 3; 4; 5]. Обладая особым умением интегрировать теоретические построения с конкретным эмпирическим материалом, он отчётливо продемонстрировал консолидирующие возможности конструктивного взаимодействия русской и горской цивилизаций [6]. По обоснованному мнению В.В. Черноуса, интегрирующий потенциал культурного диалога сохраняется и в современных условиях, а главными движущими силами цивилизационного сотрудничества являются уважительное отношение к сложившимся традициям и последовательное формирование государственной политики на основе научных знаний и экспертных разработок [7]. Однако он видел серьёзную угрозу для мирного и стабильного развития Большого Кавказа, связанную с органичным развитием региональной этнократии в постсоветский период [8]. Как полагал В.В. Черноус, региональные элиты, освоившие националистический дискурс, не заинтересованы в культурном диалоге отдельных народов, не позволяющем вернуться к средневековым реалиям политической раздробленности [9]. Следует заметить, что самобытный мыслитель, не скрывавший собственной этнической идентичности и осознанного гражданского патриотизма, всегда уважительно относился к другим народам и культурам. Глубокая внутренняя толерантность В.В. Черноуса проявлялась не только в академических публикациях, но и постоянном общении с кавказскими учеными, интеллектуальная и социальная интеграция которых была приоритетной задачей ростовского ученого. По справедливому и меткому замечанию одного из ближайших

единомышленников, «он не просто говорил о культурном диалоге, он создавал реальные условия для совместной деятельности кавказских народов».

Кавказоведческие исследования В.В. Черноуса развивались в благо-приятной организационной среде, которая значительной степени конструировалась собственными усилиями талантливому ученого. Кавказоведческие исследования в Ростовском государственном университете были неразрывно связаны с яркой фигурой Ю.А. Жданова, воплотившего идеальное сочетание выдающегося ученого, активного общественного деятеля и талантливого администратора. Он не только являлся постоянным инициатором научного поиска, но и создал эффективный инструмент для комплексной координации региональной исследовательской практики в лице Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ). Опираясь на сложившийся коллектив интеллектуальных единомышленников, Ю.А. Жданов мобилизовал профессиональное сообщество для последовательного решения актуальных задач и сумел сохранить связующие нити даже в период системной дезинтеграции 1990-х гг. В творческой атмосфере СКНЦ ВШ сформировался как крупный и самобытный исследователь и В.В. Черноус, проявивший незаурядные организаторские и дипломатические способности в непростой работе над двухтомной «Историей народов Северного Кавказа». Жизненный путь Ю.А. Жданова завершился в декабре 2006 года одновременно с официальным созданием Южного федерального университета (ЮФУ), открывшим новую эпоху в системном развитии региональной науки и образовательной деятельности. В сложившихся условиях именно В.В. Черноус стал неформальным центром университетских кавказоведческих исследований, достойно заменив ушедшего наставника и старшего друга. Отделение «Регионоведение», а затем Институт социологии и регионоведения ЮФУ, Центр системных региональных исследований и прогнозирования Института переподготовки и повышения квалификации ЮФУ и Института социально-политических исследований РАН, редакционные коллегии журналов «Научная мысль Кавказа» и «Гуманитарий Юга России» стали интеллектуальными площадками, принявшими и реализовавшими многочисленные идеи та-

лантливого кавказоведа. Необходимо отметить и то существенное обстоятельство, что значительная часть молодых ученых, формировавшихся рядом с доступным и доброжелательным мэтром, искренне гордились тем, что являются формальными или латентными учениками В.В. Черноуса. Они сформировали новые кавказоведческие тренды, ориентированные на комплексное изучение сетевых взаимодействий внутри традиционных социумов, последовательного формирования диаспорных сообществ, системного конструирования групповой ксенофобии и искусственной актуализации исторических явлений. В открытой творческой лаборатории В.В. Черноуса генерировались новые идеи, оттачивались оригинальные методы, формировалась новая генерация талантливых кавказоведов. Согласно образной оценке А.В. Серикова, «он [В.В. Черноус – Н.Т.] обладал самой настоящей «мягкой силой» ... способностью, позволяющей руководить без нажима на подчиненных, позволяющей убеждать любого противника в дискуссии силой доводов и собственной уверенностью в правоте» [10].

В «Южнороссийском обозрении» органично воплотились разнообразные стороны творческой и активной личности В.В. Черноуса, определявшие неповторимый образ выдающегося ученого. Продолжающееся издание позволяло публиковать актуальные монографии и проблемные сборники научных статей, интеллектуальное пространство предоставлялось как известным авторам, так и начинающим исследователям, постоянно расширялись географические и содержательные рамки дискурсивного пространства. Указанные черты в полной мере отражены и в юбилейном, 100-м «Южнороссийском обозрении», что является лучшим выражением искреннего уважения к светлому образу Виктора Владимировича Черноуса.

Литература

1. Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Перевод с французского А. Серебряковой. Под редакцией и со вступительной статьей Ю.И. Семенова. - М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. - 305 с.

2. *Chernous V.* Civilizational-cultural dialogue in the Caucasus as the basis of regional stability // Научный альманах стран Причерноморья. 2019. № 1 (17). С. 59-64;
3. *Chernous V.* The genesis of Caucasian mountain civilization // Научный альманах стран Причерноморья. 2019. № 3 (19). С. 61-74;
4. *Черноус В.В.* Цивилизационно-культурный диалог на Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2010. № 7. С. 56-62;
5. *Черноус В.В.* Адыгский мир в исторической судьбе и современной России // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 2. С. 120-124.
6. *Chernous V.* The genesis of Caucasian mountain civilization // Научный альманах стран Причерноморья. 2019. № 3 (19). С. 61-74
7. *Черноус В.В.* Национальная политика: российское и северокавказское измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 1. С. 23-31
8. *Черноус В.В.* Этнонационализм и геополитические игры на Кавказе // Философия права. 2011. № 2 (45). С. 114-123.
9. *Черноус В.В.* Преодоление «конфликтующего кавказоведения» - императив модернизации и ускоренного развития Северного Кавказа // Северный Кавказ: поиск моделей ускоренного развития. Материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2015. С. 60-64.
10. *Сериков А.В.* Памяти выдающегося кавказоведа Виктора Владимировича Черноуса (17.10.1949 - 08.02.2018) // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 306-312.

Абдулагатов Заид Магомедович,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии
и этнографии ДФИЦ РАН (г. Махачкала)

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Процессы становления религиозной образовательной системы в постсоветской России имели свои основания идеологического, политического, правового и другого характера. Изменилась государственная идеология в отношении религии, был принят ряд законов, определяющих место религии, религиозного образования и воспитания в обществе. Появились социальные институты, активно реализующие религиозный интерес в образовательной системе государства. В северокавказских республиках с мусульманским населением религиозное образование и воспитание, наряду со светским образованием, стали двумя главными траекториями социализации молодых людей.

1. Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» устранил имеющее место в Законе СССР от 1 октября 1990 г. N 1689-I "О свободе совести и религиозных организациях" статью об отделении школы от церкви (религиозных организаций) [1]. В Законе РФ «О свободе совести, и о религиозных объединениях» говорится о возможности религиозных организаций «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей», администрации светских образовательных учреждений, органов местного самоуправления, представлять «религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы» [2]. В 2003 г. Приказом Министерства образования РФ «О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ» религиозные организации получили пропуск в школу [3].

2. В России нарушен баланс в пропаганде идей религиозного и светского мировоззрений в обществе. Идеология «Единой России» есть идеология «российского консервативизма», о чем партия заявила в своем 11 съезде, состоявшемся 21 ноября 2009 года [4]. Российский консервативизм, как и вообще консервативизм, делает сильный акцент на вопросах возрождения религиозных традиций. И часто это делается вопреки светским интересам общества. Так, по инициативе религиозных лидеров оказалась закрытой деятельность такой светско-просветительской организации как общество «Знание», которое в новых условиях могло бы продолжить работу по популяризации, распространению научных знаний. Причина весомая: популяризация современных естественнонаучных знаний входит в конфликт с традиционными религиями, например, по теории эволюции, или истории возникновения Земли. Деятельность общества «Знание» способствовала бы укреплению светских основ общественной жизни. Мнению научной интеллигенции о необходимости возрождения общества «Знание» власть не прислушалась. Это дало преимущество религиозным образовательным учреждениям в деле формирования религиозного мировоззрения у молодежи.

3. Государственная политика современной России в сфере образования с самого начала говорила о том, что школа обязана давать только «образовательные услуги». Хотя в последних редакциях закона ставится проблема воспитания, дается определение данного понятия [5], вопрос о его содержании в практике школьного образования остается проблемным и дискуссионным. Из 15 глав и 111 статей закона нет ни одной, где вопросы воспитания рассматривались бы отдельно, конкретно. Школа по закону не несет ответственности за воспитание детей: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» [6]. Признание идеологического разнообразия (ст. 13, п. 1 Конституции РФ), невозможность государственной идеологии в сфере воспитания (ст. 13, п. 2), исключительность прав родителей в воспитании детей (ст. 38, п. 2) ставят сложные проблемы перед общеобразовательной школой. Разумеется, учитель не отстранен полностью от вопросов воспитательной работы с детьми. Но он отстранен от главных вопросов воспитания, связанных с выбором между светским и религиозным мировоззрениями. По сути, бо-

лее 40 тысяч учителей Республики Дагестан, имеющие почти ежедневный контакт с более, чем 400 тыс. учеников общеобразовательных школ, в указанном мировоззренческом смысле воспитательную работу проводить не могут. По данным соцопроса, 31,0 % учителей считают бесполезным воспитательную работу в школе из-за внешних факторов влияния как мечеть, исламское образование и воспитание в примечетских школах, на дому, систематическая воспитательная работа религиозных лидеров в общеобразовательной школе, исламское воспитание в семье и др. Еще 20,3 % опрошенных указывают на то, что школа не имеет четких ориентиров воспитательной работы. «Школа, согласно Конституции РФ, не обязана воспитывать» – 14,2 %, «Школа не знает, как привести различные мировоззренческие установки – религиозные, светские, в единые, общепринятые нормы» – 6,3 %». Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для усиления роли религиозного образования и воспитания. В ряде населенных пунктов РД, в частности в Гимрах, Балахани, Губдене, Гурбуки выявлены факты, когда дети перестали посещать общеобразовательные школы, но обязательно получают религиозное образование [7].

Это одна из главных причин отсутствия должной роли общеобразовательной школы в профилактике экстремизма и терроризма. Она же – благоприятный контекст усиления религиозной социализации в обществе.

4. Религиозными лидерами России вначале были инициированы факультативные уроки по обучению «религиозным культурам» в светской школе. Позже, в 2012 году, в школу были введены обязательные уроки по программам «Основ религиозных культур и светской этики».

5. На школьном образовании присутствие религии в светской образовательной системе не завершилось. С 1 сентября 2014 года в России вступил в силу приказ Министерства образования и науки РФ об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования подготовки кадров высшей квалификации (аспирантура) по направлению «теология». Научная интеллигенция России в лице десяти академиков, среди которых лауреаты Нобелевской премии В.Л. Гинзбург и Ж.И. Алфёров, выступила против внесения специальности «теология» в перечень научных специальностей Высшей аттестационной комиссии (ВАК). В письме поднимался вопрос о невозможности

введения во школах России обязательного предмета «Основы православной культуры», так как речь идёт не о культурологическом предмете [8]. Естественно, то же самое относится и к «Основам исламской культуры».

6. Многообразие исламских траекторий социализации в регионах формирует внутриконтрфессиональные конфликты. Они становятся проблемными как для самих конфессий, так и для светского государства, что имело и имеет место в республиках Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария, Ингушетия, начиная со второй половины 80-х годов прошлого века в связи конфликтами между представителями суфизма и «ваххабизма».

В данной ситуации государственная позиция в решении проблемы исламской социализации выразилась в выборе «традиционного» для региона «истинного» ислама. Таковым в Республике Дагестан среди господствующих суннитских направлений явился суфизм (аскетически-мистическое направление в исламе тасаввуф). Как следствие, официальная система исламского образования в республике оказалась подчиненной «суфийскому» Муфтияту РД. Это несмотря на то, что салафитская оппозиция суфизму в республике неоднократно и остро ставила перед государством вопрос об их правах на свою самостоятельную республиканскую организацию, на салафитски ориентированные учебные заведения. В частности, Ассоциация мусульманских богословов Дагестана «Хайа» (АМБД «Хайа») в своем обращении к Президенту РД [9] выразила свои намерения добиться права на организацию своей системы исламского образования в республике. Эти обращения остались безрезультатными. Данное обстоятельство лишило салафитски настроенных мусульман РД получения желаемого образования. Тем не менее такого рода образование в отдельных примечетских школах, на дому, проводится. Оно бесконтрольно государству.

7. Изменившаяся ситуация в исламских приоритетах государства должна, в согласии с политическими установками, привести к согласованному, мирному сосуществованию в светском государстве религиозных и светских образовательных систем. Тем не менее, это сосуществование есть не тождество, а диалектическое единство, которое предполагает наличие противоположностей. Согласно философским принципам диалектики, одна из противоположностей в единстве противоположностей бывает определяющей, доминирующей. Дуализма сущности нет.

Противоположностям светского и религиозного отдельные эксперты не без оснований дают масштабный внутрироссийский, и даже глобальный, междивизиционный характер. Так, митрополит Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси, утверждает, что основной конфликт российской современности, особенно на Северном Кавказе – это конфликт между светским и религиозным. По его мнению, идет конфликтный процесс, суть которого есть «глобальное столкновение между двумя моделями цивилизации – секулярной и религиозной... Тень этого конфликта недавно легла на Северный Кавказ...» [10]. Разрешение конфликта на Северном Кавказе митрополит Кирилл усматривает в том, что народы, исповедующие ислам, могли подчиниться нормам шариата, а не общероссийским законам. Данная конфессиональная точка зрения находит более широкое выражение в высказывании о неоправданной монополии секулярного гуманизма и либерализма на философское обоснование наиболее значимых общественных решений.

Точка зрения митрополита Кирилла была принята межрелигиозным форумом в ноябре 2000 года в г. Москве, где лидеры основных российских конфессий собрались за одним столом. По сути был принят программный документ, где духовные лидеры России утверждают необходимость исключительности приоритетов религиозных ценностей в общественной жизни и государственном правовом пространстве. Естественно, что эти установки общего характера переносятся на российскую образовательную систему. Общей для конфессиональных кругов России является точка зрения, согласно которой в России нужно бороться против «монополии атеистических взглядов в системе государственного образования» [11]. При этом естественнонаучное, атеистическое, светское отождествляются.

Нужно признать, что религиозные лидеры достаточно объективно оценили, как сложившуюся политическую ситуацию, так и свои интересы, и возможности в образовательной системе России.

Что касается статистики исламского образования, то по данным обзора Дагестанской области, в 1892 году в Дагестане насчитывалось 646 мусульманских примечетских (начальных) школ, где обучались 4306 учащихся. Соотношение мактабов и медресе находилось в пределах 15:1

[12]. Усвоение программы медресе позволяло переводить Коран, грамотно писать на арабском. Медресе имело две разновидности – среднее и высшее медресе.

К 1978 году, официально действующих мечетей в Дагестане было всего 27. Тем не менее, ни одной примечетской школы, тем более медресе, на тот период в Дагестане не было. Кадры мусульманского духовенства России в основном готовили в расположенном в Бухаре медресе «Мир – Араб», а также в исламском институте им. имама Аль-Бухари в Ташкенте. Зарубежное исламское образование могли получать единицы из одаренных учащихся, успешно прошедших соответствующие конкурсы. Как считают эксперты, подпольных исламских учебных заведений на территории России в доперестроечное время было много. На 1998 год зарегистрированы уже 108 учебных заведений, которые в целом были средними учеными заведениями, хотя некоторые из них формально именовались высшими [13].

К началу XXI века количественные показатели исламской образовательной системы в РД резко пошли вверх, о чём свидетельствуют данные следующей таблицы.

Таблица 1

Мусульманские учебные заведения РД на 01.02. 2001 [14].

Всего учеб- ных за- веде- ний	Высшее			Средние		Начальные		
	Ву- зов	Обуч- ся	Фи- ли- алы ву- зов	Обуч- ся	Медресе	Обуч- ся	Приме- четские школы	Обуч- ся
438	17	2835	44	2045	132	5329	245	3306

В общей сложности в исламской системе образования РД к началу 2001 года обучались 13515 чел. Этот показатель в два раза выше аналогичного показателя 1913 года.

К концу 2002 года, как показывают официальные данные, количество обучающихся в исламских вузах выросло. Всего в 2002 году обучались исламу около 17 тыс. чел., в том числе: в медресе – более 5700 чел., в нач. школах – более 4200 чел.

Дальнейшее развитие ИУЗ показывает, что после 2005 года идет снижение количества учащихся в медресе, мактабах, вузах. Резко снизилось количество мактабов.

Таблица 2

Вузы, медресе, мактабы в Республике Дагестан. 2005 – 2012 гг. [15]

Годы	Вузы			Медресе			Мактабы		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Всего учебных заведений	16	16	15	132	116	79	278	94	201
Число обучающихся	2600	2500	1770	4400	3000	2970	4000	700	–

Тенденция к снижению показателей исламского образования в РД продолжалась и после 2012 года. По данным, полученным из *Министерства* по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, на 1 января 2021 года в республике функционируют 6 исламских высших учебных заведений, в которых обучаются 624 студента, 16 медресе и 1 филиал медресе 1310 учащихся, 173 примечетских начальных школ (мактабов) – 4527 учащихся. Всего обучающихся в исламских учебных заведениях на 1 января 2021 г. 6461 человек.

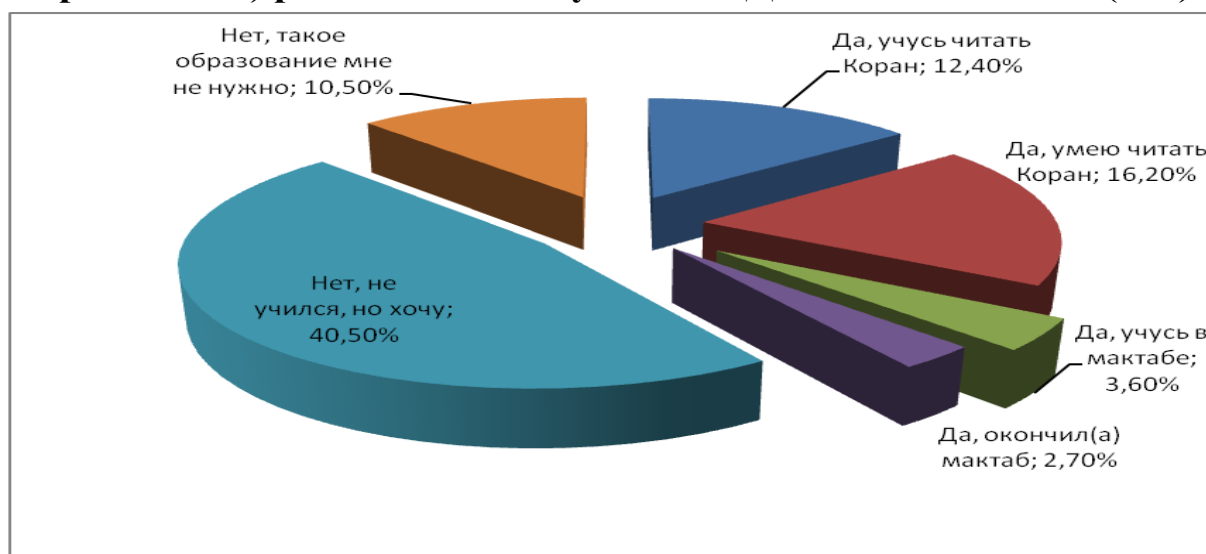
Достоверность статистики по примечетским школам низкая, так как они стихийно возникают и прекращают свою деятельность.

Официальная статистика не интересуется сведениями об исламском образовании, которая проводится отдельными людьми на дому. В то же время, это важный сегмент начального исламского образования. Именно на этом этапе приобретаются и закрепляются фундаментальные мировоззренческие основы становления личности. По данным социологического опроса 2019 года, проведенного автором среди учащихся общеобразовательных школ РД, в начальный сегмент исламского образовательного процесса вовлечены значительно больше молодых людей относительно официально данных по мактабам.

Вовлеченность учащихся общеобразовательных школ РД исламскому образовательному процессу показана в Диаграмме 1.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос «Учились ли Вы, (или учитесь параллельно) религиозным наукам?». РД. 2019г. Ученики. (в%).

Согласно Диаграмме 1, более одной трети старшеклассников общеобразовательной школы (Общий – 34,0%; Мальчики – 41,7%; Девочки – 30,7%) имеют или получают исламское образование. 34,0% от общего количества учащихся муниципальных и государственных общеобразовательных школ РД (всего – 413 230 учащихся [16]) составляет около 27 000 человек. Разумеется, что эта группа не просто учится Корану, арабскому письму, но и получает соответствующие исламу мировоззренческие и нормативные знания. Если учесть, что еще 40,5% хотят получать такое образование, то необходимо признать, что это стремление к сакральным знаниям охватило более трех четвертей (74,5%) школьников. Это важный фактор формирования религиозного сознания молодежи, который на Северном Кавказе, в отличие от Поволжья, не имеет своих научных исследований [17].

Исламская социализация в РД активно проводится религиозными лидерами, используя возможности общеобразовательной школы. По данным опроса, более 60% учеников говорят о том, что в школе «часто» или «редко», беседы с ними проводят духовные лица.

Важным, систематически используемым инструментом исламской социализации является курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), точнее, его модуль «Основы исламской куль-

туры». В 2012 году по исламскому модулю курса ОРКСЭ в школах Дагестана обучались 13 786, а в 2015 – 13 715 учащихся 4-5 классов. Это около 40% всех обучающихся по четырем модулям курса ОРКСЭ, имеющим место в образовательных школах РД. По мнению абсолютного большинства опрошенных учителей, преподающих этот модуль, содержание учебника, по которому ученик обучается «Основам исламской культуры», «в основном формирует религиозное мировоззрение, приобщает детей к религии, учит детей тому, что есть Бог, что вера в Бога необходима человеку» – 53,0%. О том, что оно формирует светское мировоззрение, высказались всего 11,5% опрошенных. Необходимо заметить, что 91,6 % опрошенных учителей считали себя верующими, что свидетельствует о непредвзятости выраженных оценок.

Экспертами, работающими в Российской академии наук, был сделан однозначный вывод о недопустимости использования имеющихся учебников по ОРКСЭ в школах РФ. По мнению А.В. Смирнова, чл.-корреспондента РАН, д.филос.наук, заместителя директора Института философии РАН (ныне – академика, директора Института философии РАН), ученые «фактически были полностью отстранены от подготовки четырех из шести модулей – тех модулей, в названии которых фигурирует название какой либо из четырех религий. Эти модули...целиком, стопроцентно, категорически с самого начала были отданы конфессиям. Их писали не ученые. ...Российская академия наук как организация экспертизы не делала...» [18]. В то же время государство заявляло о том, что курс ОРКСЭ должен быть светским, а не вероучительным.

В ходе исследования были использованы результаты нескольких социологических опросов, проведенных автором. В качестве индикаторов экстремальности религиозного сознания опрошенных, были использованы следующие показатели:

1. Отрицание необходимости адаптации исламских норм к современной общественной, государственной жизни;
2. Негативное отношение верующего к посещению «святых мест» (зияраты, мазары) мусульманами, определение суфиев как заблудших мусульман;
3. Признание верующим приоритета норм шариата относительно законов светского государства;

4. Негативное отношение к светской культуре, признание культуры арабско-мусульманского мира наиболее приемлемой для дагестанца;

5. Признание радикальных салафитов («ваххабитов») «истинными» мусульманами;

6. Одобрительное отношение к деятельности дагестанцев в ИГИЛ (Террористическая организация, запрещенная в РФ).

7. Негативное отношение к совместному проживанию с русским человеком;

8. Негативное отношение к патриотизму из религиозных побуждений;

9. Негативное отношение к светскому образованию.

10. Выражение исключительности религиозной идентичности для человека, второстепенности российской идентичности для мусульманина и др.

В данном тексте, в связи с ограничениями её объёма, для выявления экстремальностей использована только часть приведенных индикаторов.

Главный вопрос, с которым связаны проявления экстремальностей сознания мусульманина, это вопрос адаптации к условиям современной жизни. Это светские нормы, законы, новшества, определенные изменениями в общественных отношениях, глобализационными процессами и др. Хорошо известны проблемы салафизма, который весьма ригористично решает не только вопросы своего отношения к светским нормам, но и отношения к иным течениям в исламе. С точки зрения общих проблем адаптации мусульманина к современным условиям, «традиционный» ислам в Дагестане, под которым сегодня понимают ислам суфийский, тарикатский, имеет почти те же проблемы. В узком смысле под исламским фундаментализмом в данном тексте понимается такое состояние религиозного сознания и соответствующее этому сознанию социальное поведение, которые не соответствуют объективным требованиям жизни, общепринятым нормам, законам государства. Это проявления исламского сознания, который не смог «переварить жизнь», не способен её «переварить» по причинам объективного или субъективного характера. Или, не хочет этого делать из-за «твердости» религиозной позиции. Как следствие, фундаменталистская адаптация понимается как противодействие к существующим нормам, ценностям. Это проявление «фундаментализма» имеет место как в салафизме, так и в «традиционном» исламе, хотя и в разной степени выраженности.

«Основной вопрос фундаментализма» – вопрос об отношении мусульманина к изменениям в исламе с целью соответствия времени в ходе опросов в Дагестане был задан неоднократно. Опрос выявлял исключительно экстремальности сознания, которые лишь в возможности могут препятствовать успешной светской социализации, способствовать экстремальному поведению, экстремизму.

Вопрос респондентам был задан в следующем виде: «Как вы считаете:

а) Исламская религия должна быть такой, какой она была при Пророке Мухаммаде;

б) Мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь;

в) Затрудняюсь ответить»,

По данным опроса 2010 года среди молодежи РД были получены следующие результаты

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос, должна ли мусульманская религия меняться со временем, или должна оставаться такой, какой была при Пророке Мухаммаде. Группы по образованию. Опрос 2010 г. Молодежь. (в%).

Группы по отношению к адаптации Группы по образованию	«Фундаменталисты» (Мусульманская религия должна быть такой, какой была при Пророке Мухаммаде)	«Модернисты» (Мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь)	Затрудняюсь ответить	Ранг
Начальное (4-6 кл.)	50,0	33,3	16,7	9
Среднее базовое (9 кл.)	73,3	6,7	10,0	5
Среднее общее (10-11 кл.)	74,5	11,3	9,9	4
Среднее спец-е.	71,7	6,5	8,7	6
Незаконч-е высшее (после 3 курса вуза)	64,6	11,0	15,9	8
Высшее светское	67,4	5,8	20,9	7

Мусульманское нач. (мактаб, примеч. школа)	100,0	0,0	0,0	1
Мусульманское среднее (медресе)	84,6	1,9	1,9	3
Мусульманское высшее	91,7	8,3	8,3	2
Преподаватель исламского учебного заведения	100,0%	0,0	0,0	1
Духовное лицо	100,0%	0,0	0,0	1

«Фундаментализм» у респондентов с исламским образованием оказался значительно выше, чем у мусульман, получивших только светское образование. Влияние на процесс фундаментализации исламского сознания со стороны носителей исламской нормативности преподавателей ИУЗ, духовных лиц очевидно. Тот же вопрос был задан в 2016 году в ходе исследования состояния исламского образования в РД. «Фундаментализм» среди учащихся и студентов ИУЗ как средний показатель и в данном случае оказался достаточно высоким – 91,1%. Заметим, что по неоднократным опросам населения РД в целом, а не только молодежи, данный показатель был немногим более 50%, максимальный – 52,1% (2007 г.). Кабардино-Балкария – 52,8% (2011 г.), Чечня – 86,7% (2011 г.) [19].

Несмотря на то, что выявленная группа «фундаменталистов» в ответах на другие вопросы анкеты снижала свой уровень «фундаментализма» – в отдельных ответах до 30 и ниже процентов, в ней устойчиво сохранялось жесткое ядро, которое отличало их от других групп опроса худшими показателями социальной адаптируемости.

Опросы затронули актуальный для современного мусульманина и государства вопрос об отношении к законам государства. Смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что они оцениваются как второстепенные, «второсортные», придуманные людьми, меняющиеся со временем. Тем не менее, мусульманин в «традиционном» исламе, в исламе умеренном может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских [20]. В радикальном салафизме, в религиозно-политическом экстремизме, эта

позиция находит крайнюю форму своего проявления: а) мусульманину нельзя судить или присягать суду шайтанских (сатанинских) законов, помимо законов, ниспосланных Аллахом; б) мусульманин не может предоставлять «право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (издает законы только Аллах)» [21]. Практическую реализацию второй из этих позиций мы видим в деятельности радикальных салафитов на Северном Кавказе.

Одним из вопросов, с помощью которых выявлялась экстремальность исламского сознания респондента, был вопрос о шариате и законах государства.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, нормы шариата выше законов государства?» по характеру и уровню образования респондентов. Опрос 2010 г. N – 574. Молодежь. (в %).

Группы по образованию	Варианты ответа	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Ранг
Начальное (4 – 6 классов)		16,7	16,7	33,3	9
Среднее базовое (9 классов)		46,7	26,7	16,7	6
Среднее общее (10 – 11 классов)		50,0	16,8	26,3	5
Среднее специальное		43,5	26,1	21,7	7
Незаконч-е высшее (после 3 курса вуза)		53,7	17,1	23,2	4
Высшее светское образование		43,0	19,8	27,9	8
Мусульманское начальное. (мактаб, примеч. школа)		71,4	0,0	28,6	3
Мусульманское среднее (медресе)		88,5	1,9	7,7	2
Мусульманское высшее		100,0	0,0	0,0	1

Как оказалось, во-первых, для респондентов с исламским образованием нормы шариата имеют значительно более высокую значимость, по сравнению с законами государства. Во-вторых, с ростом уровня исламского образования значимость религиозной нормативности для респондента также имеет тенденцию к росту. В-третьих, по сравнению с респондентами со светским образованием, респонденты, получившие образование в ИУЗ примерно в два раза больше, заявляют о приоритете шариат-

ских норм. Это показывает отрицательное влияние исламской социализации, особенно в сфере исламского образования, на формирование правовой культуры молодежи.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как поступить мусульманину, если выполнение служебных обязанностей противоречит нормам Шариата?». РД. 2016 г. (в процентах к числу ответов). N – 776.

Варианты ответа	Мусульманин не должен при выполнении служебных обязанностей делать что-либо противоречащее Шариату	Выполнение служебных обязанностей обязательно. При этом нарушения норм Шариата допустимы	Соблюдая служебные нормы можно нарушить положения Шариата, но нельзя в душе считать, что эти нормы выше норм Шариата	Затр. ответить	Что другое? (напишите)
Молодежь	52,0	6,6	14,9	21,3	0,7
Старшее поколение	31,6	19,4	19,8	21,7	2,8
Верующий	48,1	8,8	17,2	19,5	1,2
Неверующий	25,6	27,9	11,6	18,6	4,7
Город	39,4	13,9	15,8	24,5	1,6
Село	49,6	9,6	16,2	18,7	1,3
Светские учебные заведения	52,3	6,4	14,8	21,5	0,6
Религиозные учебные заведения	68,2	13,6	0,0	9,1	0,0
Общее	44,7	11,1	16,6	21,4	1,4

О необходимости следования шариату вопреки служебным обязанностям, значительно больше других групп опроса говорят обучающиеся

в ИУЗ 68,2 %. Умеренную для мусульманина позицию – «соблюдая служебные нормы можно нарушить положения Шариата, но нельзя в душе считать, что эти нормы выше норм Шариата», ни одним из обучающихся в ИУЗ не был выбран. В Дагестане неоднократно разоблачали сторонников «ваххабизма» во властных структурах.

Глава республики, министр МВД говорили о «предателях среди своих». Среди них оказались мэр г. Махачкала, руководитель Пенсионного фонда республики, работники МВД РД.

В настоящее время в государственных печатных СМИ РД почти не используется термины «религиозный экстремизм», «религиозно-политический экстремизм». Исламские лидеры активно возражают сочетанию слов «ислам», «экстремизм», «терроризм». 1 декабря 2014 года на встрече с религиозными лидерами в рамках II Конгресса религиозных деятелей Северного Кавказа Глава РД на тот период Р.Г. Абдулатипов заявил: «Я запретил в Дагестане употреблять выражение «исламский экстремизм и терроризм» [22].

Как показано ниже в Таблице 6, религиозный фактор играет существенную роль в возможном протестном поведении молодых мусульман РД, а в ИУЗ он является доминирующим с большим опережением других причин.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «В каком случае Вы могли бы проявить неповиновение государству?». Религиозные и светские учебные заведения. РД. 2013 г. (в %). N- 855.

Варианты ответа Группы опроса	Если законы противоречат моей вере	Если законы, касающиеся моих жизненных интересов, не исполняются	Ни в каком, так как всякая власть от Бога	Если закон не справедлив	Если законы будут нарушать прокуратура, суды, полиция, власть	Затрудняюсь ответить
Религиозные учебные заведения	50,0	1,7	6,9	13,8	12,1	10,3
Светские учебные заведения	18,0	7,9	6,4	25,0	19,6	21,1

Одним из сложных проблем современной России является низкий уровень патриотического сознания населения, особенно молодежи. Госдума не смогло принять представленные в 2018 г. на обсуждение проекты двух законов – «Закона о Российской нации» и «Закона о патриотическом воспитании в РФ», что говорит о серьезных проблемах идеологического характера в сфере воспитания вообще. Факторов негативного влияния на российский патриотизм много. Как показывают опросы, одним из значимых факторов такого характера в мусульманской составляющей Северного Кавказа является состояние исламского сознания. В регионе на страницах печатных СМИ, изданиях Муфтията РД, в деятельности Комитета по делам молодёжи РД имели место открытое противодействие воспитанию российского патриотизма, необходимости для мусульманина надлежащего исполнения служебных обязанностей, если даже они мешают шариатским нормам. Популярная в РД многотиражная газета «Новое дело», отвечая на вопрос читателя «может ли мусульманин быть патриотом не шариатского государства?» дает ответ: нет, не может [23]. Генеральный секретарь Всемирного союза мусульманских ученых (ВСМУ), шейх Али Мухиддин аль Карадаги, пребывая в республике в 2014 г. дал такие наставления дагестанским мусульманам: Дагестан является территорией Ислама, «а значит, на нее должны распространяться законы территории ислама, а ее правители должны стремиться к применению норм Шариата» [24], «вы обязаны жить по Шариату» [25], «соблюдение законов не противоречащих Шариату» [25], «служение Родине с тем, чтобы такой патриотизм не противоречил религиозной преданности в рамках достижения блага» [25]. Результаты опроса о патриотизме в дагестанском сознании представлены в следующей таблице.

По данным опроса наименьший российский патриотизм выражают учащиеся и студенты религиозных учебных заведений, и представители исламского духовенства. Отрицательное влияние религиозного сознания на патриотизм больше выражено в позиции молодежи. Это обстоятельство говорит о возможном усилении в будущем религиозной мотивации в отходе населения РД от позиций российского патриотизма.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, может ли мусульманин быть патриотом не шариатского (исламского) государства?». РД. 2016. (в %).

Варианты ответа	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Группы опроса			
Молодежь	41,0	19,3	21,3
Старшее поколение	53,4	13,8	16,2
Учащиеся, студенты светских учебных заведений	43,3	18,9	23,0
Учащиеся, студенты религиоз- ных учебных заведений	22,7	31,8	22,7
Духовные лица	40	50	10
Рабочие, крестьяне	44,2	23,1	15,4
Служащие	54,5	13,8	15,0
Город	45,5	14,2	20,0
Село	44,1	21,8	18,7
Общее	44,7	18,4	19,3

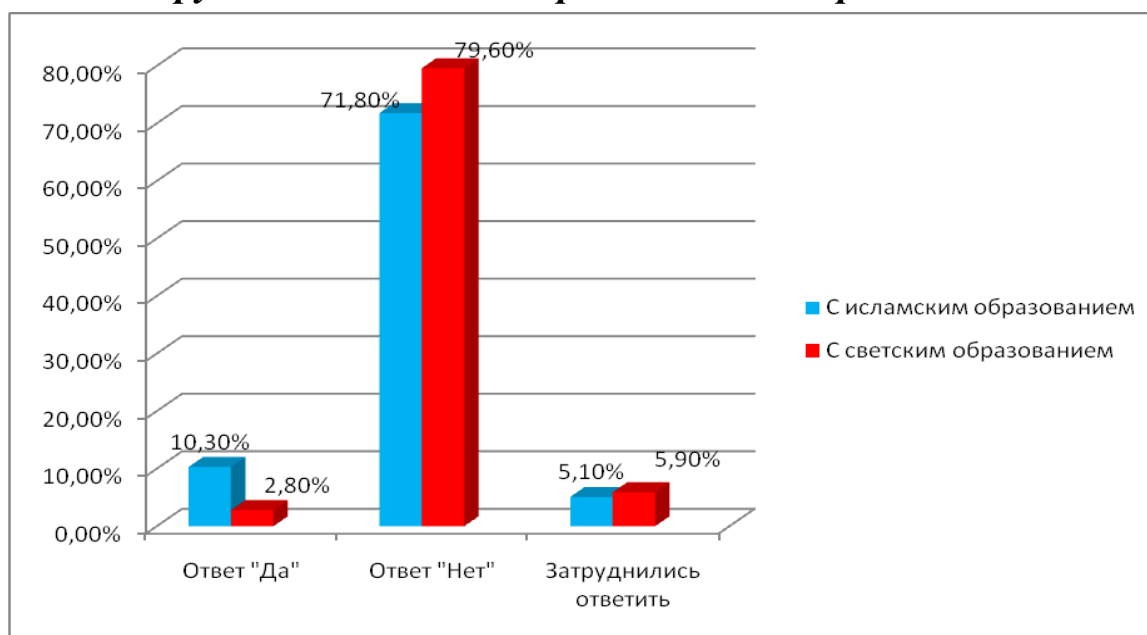
Негативное влияние исламского образования на российский патриотизм в том же опросе подтверждается отношением респондентов к русскому человеку. Отношение к русскому человеку является одним из индикаторов российского патриотизма, российской идентичности. Жить с русским человек в определенных условиях (рядом нет представителя своего этноса) в начале 90-х годов прошлого века изъявили желание от 40% до 50% представителей дагестанских этносов. Они же выбирали друг – друга (аварец – даргинца, кумык – лакца и т.д.) в пределах 4-8 процентов. Через более чем 15 лет, желание жить с русским человек у дагестанцев сильно убавилось – до 14,4% в общей выборке. Причем, что важно в связи с обсуждаемым вопросом, среди тех, кто считает себя, прежде всего, «гражданином России», таковых 17,1%, «мусульманином» – 11,2%. У верующих этот показатель равен 14,1%, у «неверующих» – 11,2%.

щих» – 27,8%. Среди учащихся, студентов исламских учебных заведений не оказалось никого, кто изъявил желание жить с представителем русского народа в условиях, когда рядом нет представителей своего этноса.

В 2016 году деятельность ИГИЛ была весьма активной. Многие молодые дагестанцы уезжали в Турцию, не заявляя о своей цели, а затем переправлялись в Сирию и присоединялись к ИГИЛ. Опрос показал наличие в мусульманской среде дагестанцев поддержки деятельности ИГИЛ – 4,1% в целом по выборке. Молодежь – 4,8%, старшее поколение – 2,0%. В общей выборке заявивших, что они могут по тем или иным причинам оказаться в рядах, воюющих на стороне ИГИЛ оказалось 2,7%. Это в перерасчете на людей составляет примерно 60 000 человек взрослого населения РД. Сравнение светского и исламского учебных заведений в ответах на данный вопрос показало, что у респондентов с исламским образованием экстремальности сознания выражены значительно больше. (См. Гистограмму 1).

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы Вы по каким-либо причинам оказаться в рядах, воюющих на стороне ИГИЛ?» РД. 2016 г. Группы со светским и религиозным образованием.

10,3 % опрошенных с исламским образованием утверждают, что они могут оказаться в рядах ИГИЛ. Еще 5,1 % из их числа затруднились

с ответом, т.е., нет уверенности в том, что они не станут участниками экстремистской, террористической деятельности, которая по сути ведётся против интересов России. Это высокие показатели экстремальности исламского сознания обучавшихся в ИУЗ Республики Дагестан.

Основные выводы

Исламские учебные заведения РД имеют широкие возможности в реализации программ мусульманского образования и воспитания молодёжи. Несмотря на то, что в последние годы наведён порядок в вопросах лицензирования и аккредитации ИУЗ, государственная статистика не даёт полных, достоверных сведений о степени привлечённости молодёжи республики в исламский образовательный процесс. Это касается образовательной деятельности примечетских школ, и, в особенности – домашнего (индивидуального и коллективного) обучения религии.

Общеобразовательная школа потеряла светскость. По оценкам ведущих ученых РАН, а также преподавателей курса ОРКСЭ в общеобразовательной школе, учебники религиозного модуля ОРКСЭ воспитывают в учениках 4-5 классов религиозность. Они имеют не культурологический, а вероучительный характер.

По разным причинам, в том числе и правового характера, более 40 000 учителей школ РД не задействованы в решении вопросов формирования светского мировоззрения учащихся. Это один из факторов усиления роли религиозного мировоззрения молодёжи РД.

ИУЗ усиливают имеющее место в сознании молодежи РД экстремальности исламского сознания. У респондентов с завершённым исламским образованием, обучающихся в ИУЗ выявлены максимальные среди групп опроса экстремальности исламского сознания. В частности, под влиянием исламского образования: а) снижаются показатели российского патриотизма; б) усиливается возможность религиозно-мотивированного неповиновения государству; в) формируется негативное отношение к совместному проживанию с русским человеком; г) снижаются показатели приверженности молодых мусульман к светской правовой культуре; д) исполнение служебных обязанностей становится не обязательным, если они противоречат нормам шариата; д) усиливаются фундаменталистские составляющие исламского сознания.

Литература

1. Закон СССР от 1 октября 1990 г. N 1689-1 "О свободе совести и религиозных организациях". Ст.6 // <https://base.garant.ru/6334103/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (Дата обращения: 09.02.2021).

2. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Статья 4. М., 1997 г.

3. «О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ» // Российская газета 2003. 13 августа.

4. "Российский консерватизм" стал официальной идеологией "Единой России" // <https://ria.ru/politics/20091121/194856090.html> (дата обращения: 11.10.2017).

5. Закон 273-ФЗ Об образовании в РФ. 2018. Ст.2, п.2. // <https://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013/2/> (Дата обращения: 14.09.2018).

6. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 г. Ст. 38, п. 2. // <http://duma.gov.ru/news/48953/> (Дата обращения: 06.02.2021).

7. Магомедов З. Молодежный экстремизм // Молодежь Дагестана. 29.01.2010.

8. Открытое письмо десяти академиков РАН президенту Российской Федерации В.В. Путину // <https://www.skeptik.net/religion/science/10academ.htm> (Дата обращения: 08.02.2021).

9. Обращение АМБД. «Хайа» // Настоящее время. 01. 10. 2010.

10. Право выбора. Новый взгляд на истоки религиозных конфликтов // НГ – Религии. 29.11.2000.

11. Что волнует верующих и власть. – «НГ-Религии». 31.01.2001 г.

12. *Каймаразов Г.Ш.* Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. Издательская фирма «Восточная культура». М., 2001. С. 87.

13. Религии России. Учебное, справочно-аналитическое пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению. М., 2009. С. 61.

14. Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала. 2001 С. 98 – 100.

15. *Ханбабаев К.М.* Состояние и проблемы исламского образования в Республике Дагестан: // <http://>

[//www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/s/pedagog – hanbabeb.htm](http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/s/pedagog%20-%20hanbabeb.htm). (Дата обращения 20.05. 2012); *Гереев Р.* Аккредитовать? Лицензировать? Помиловать? // Настоящее время. 2012.

16. Основные показатели в сфере образования Республики Дагестан за 2019/2020 учебный год. Статистический сборник // http://www.dagminobr.ru/storage/files/2020/ItoGovie_Svedeniya_O_Deyat/statsbor_26_02_20.pdf (Дата обращения: 6.02.2021).

17. *Насибуллов К.И.* Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан // Исламоведение. 2015. №1. С. 29-41.

18. *Черноиванова А.* Новый школьный предмет: «РПЦ выпускает джинна из бутылки». Интервью со Смирновым А.В. // <http://www.infox.ru/authority/state/2010/03/24/intyrvyu.shtml>. (дата обращения: 25.11.2012).

19. *Абдулагатов З.М.* Исламское массовое сознание постсоветской России. Махачкала. 2013. С.164-165.

20. Такфир // *Али-заде А.* Исламский энциклопедический словарь. М., 2007.

21. Из записей ученика ваххабитского медресе. См.: *Ярлыканов А.А.* Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000. С. 7.

22. Цит. по: *Ярахмедова Г.* Встреча с религиозными лидерами // Дагестанская правда. 2 дек. 2014.

23. Новое дело. 14.12.2012. С.27. Рубрика «Вопрос-ответ».

24. Фетва о приемлемости термина дар ас-салам ва ль-ислам к Дагестану и подобным ему областям // [www. Kavkaz-uzel.ru/articles/21435/](http://www.Kavkaz-uzel.ru/articles/21435/). (дата обращения: 3.11.2014).

25. Материалы международной богословской конференции «Российские мусульмане: права и обязанности». Махачкала, 2014 г. С. 47.

Адиев Асланбек Залимханович,
кандидат политических наук,
ученый секретарь РЦЭИ ДФИЦ РАН,
Махачкала, Республика Дагестан, РФ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В 2020 ГОДУ (СОБЫТИЙНЫЙ АНАЛИЗ)

Ауховский вопрос. Самой сложной и потенциально взрывоопасной этнополитической проблемой на территории РД остается вопрос восстановления Ауховского района, упраздненного в 1944 году вскоре после депортации из республики чеченского населения. Активисты общественных организаций дагестанских чеченцев ежегодно проводят публичные мероприятия, призванные ускорить процесс восстановления Ауховского района.

15 февраля в Хасавюрте прошел 11-й съезд дагестанских чеченцев, на котором обсуждались перспективы восстановления Ауховского района. На мероприятии не было представителей дагестанских СМИ, но были журналисты из Чеченской Республики. Поэтому репортаж о съезде был показан в вечернем выпуске новостей ЧГТРК «Грозный» [1]. Согласно заявлениям организаторов съезда, дагестанские власти проигнорировали предложения и проекты, подготовленные общественными активистами чеченцев-аккинцев по восстановлению Ауховского района. «Мы подготовили предложения, в том числе дорожную карту, как решить этот вопрос на 60-70% без расходования бюджетных средств. Однако ни один из пунктов нашего проекта не был реализован, даже не был принят к рассмотрению» [2], – заявил журналистам председатель дагестанской региональной общественной организации «Общественный Совет “Аух”» С. Шавхалов. Действительно, вот уже 30 лет (с 1991 года) принятые региональными властями решения по восстановлению Ауховского района остаются не выполненными. Мы предполагаем, что главная причина, по которой ситуация остается «замороженной» – это невозможность удовлетворения интересов всех сторон конфликта. На сегодняшний день лакское население Новолакского района, согласившееся в 1991

году на переселение с условием воссоздания одноименного муниципального района на новом месте, по факту, проживает на территории двух районов – «старого» Новолакского района и на территории т.н. «Новострой» вблизи Махачкалы, куда должен был полностью «переехать» Новолакский район. Важно учитывать, что с 1991 года кардинально изменился общественно-политический контекст и вызванный этим контекстом подход к решению данной этнополитической проблемы. Если в начале 90-х гг. дагестанская общественность в целом с пониманием относилось к необходимости повторного переселения лакского населения Новолакского района, то сегодня эту добровольно-принудительную миграцию по этническому принципу очень сложно объяснить или оправдать действующим российским законодательством. Между тем, переселение лакской части населения Новолакского района, где помимо лакцев и чеченцев проживают еще и аварцы, - это лишь одно из предварительных условий восстановления Ауховского района. Ведь дагестанские чеченцы настаивают на восстановлении Ауховского района не в границах Новолакского района, а в границах начала 1944 г., т.е. с территорией и населенными пунктами, переданными после упразднения Ауховского района соседнему Казбековскому району. Данное требование чеченцев-аккинцев категорически не устраивает аварцев, проживающих в селениях Ленинаул и Калининаул Казбековского района. Поэтому, как нам представляется, пока аварское население Калининаула и Ленинаула не согласны войти в состав будущего Ауховского района, а чеченцы-аккинцы не согласны на восстановление этого района в границах Новолакского района, «Новострой», куда переселяются лакцы, не получит статуса муниципального района и Новолакский район будет функционировать на прежнем месте. Этот замкнутый круг невозможно разорвать без взаимных уступок и компромиссов.

Другим поводом для проведения 15 февраля протестного съезда чеченцев Дагестана послужила информация о намерении властей РД и руководства Новолакского района передать предпринимателю для строительства рынка 150 га сельскохозяйственных земель, которые, по представлениям чеченской общественности, зарезервированы под восстановление Ауховского района. Как следует из видеоматериала, опубликован-

ного ЧГТРК «Грозный», участники съезда дагестанских чеченцев обеспокоены данной информацией и возмущены планами властей РД передать частному лицу земли, подпадающие под программу восстановления Ауховского района. Председатель Совета старейшин чеченцев Дагестана Х. Абреков, комментируя журналистам проблему восстановления Ауховского района, заявил, что согласно Корану, жить на чужой земле, присваивать себе чужое имущество – это грех. Мусульманская риторика, к которой обращаются представители чеченской общественности в спорном вопросе по восстановлению Ауховского района, адресована, скорее, не к представителям федеральных и дагестанских властей, а к жителям Новолакского и Казбековского районов, к их мусульманской (общей для аварцев, лакцев и чеченцев) идентичности. К этой риторике прибегают участники многих земельных споров на территории республики. В локальных земельных спорах (между двумя сельскими общинами) обращение к нормам шариата еще может привести к мирному и неформальному урегулированию конфликтной ситуации, но в чрезмерно политизированном и бюрократизированном споре по восстановлению Ауховского района нормы ислама, к которым апеллирует одна из сторон, пока не работают как механизм разрешения конфликта. По итогам съезда делегаты приняли решение провести 23 февраля ежегодное траурно-религиозное мероприятие в память о жертвах политических репрессий сталинского периода, а также запланировали на 22 марта всеобщий национальный митинг чеченцев Дагестана, чтобы вновь актуализировать и держать на повестке дня вопрос восстановления Ауховского района.

23 февраля 2020 г. у мемориала жертвам сталинизма возле старого кладбища селения Ярыксу-Аух Новолакского района дагестанские чеченцы провели мероприятие, посвященное 76-й годовщине депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию. Чеченцы Дагестана ежегодно проводят это памятное мероприятие, которое способствует укреплению их этнической солидарности и идентичности. В этот день пожилые люди делятся с трибуны своими воспоминаниями о трагедии депортации 1944 года, а лидеры общественных организаций чеченцев докладывают о своей деятельности, направленной на ускорение процесса восстановления Ауховского района. «Казалось бы, приняты все норма-

тивные акты, решения, из государственного бюджета выделены огромные средства на переселение лакцев на новое место жительства, а вопрос реабилитации чеченцев Дагестана так и не завершен. И потому с каждым годом, с каждой очередной годовщиной нашей национальной трагедии традиционное место траурных мероприятий репрессированных чеченцев Ауха - памятник чеченцам, жертвам сталинских репрессий в с. Ярыксу-Аух нынешнего Новолакского района, привлекает все больше недовольных ауховцев, и именно поэтому тональность речей носит все более рассерженный характер» – заявил один из общественных активистов чеченцев Дагестана А. Мачаев [3]. Заместитель председателя «Общественного Совета “Аух”» Х. Султанбиев в своем выступлении на этом мероприятии раскритиковал руководство РД, заявив об игнорировании дагестанскими властями вопроса восстановления Ауховского района. «С момента возвращения в Дагестан после 13-летней ссылки наш народ добивается восстановления исторической справедливости вот уже на протяжении 63 лет. В 1991 году принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». В том же году принято постановление III съезда народных депутатов ДАССР «О восстановлении Ауховского района». Скоро исполнится 30 лет, как народ Дагестана в лице III съезда народных депутатов принял это решение. За это время сменилось 5 руководителей Дагестана и 6 составов Народного Собрания, от которых мы слышали и слышим обещания, что Ауховский район будет восстановлен. С момента прихода к власти нового руководства вопросы реабилитации чеченцев Дагестана, переселения лакской части населения Новолакского района на новое место жительства не только не сдвинулись с места, но и застопорились во все. Они упорно замалчиваются руководством республики, которым делается вид, что такой проблемы в республике вообще не существует» [4] – заявил Х. Султанбиев. По словам общественника, за последние два года, организация «Общественный Совет “Аух”» обращалась с предложениями по восстановлению Ауховского района к главе республики 10 раз, а к председателю регионального правительства – 11 раз, но получила лишь один письменный ответ о том, что встреча с Главой РД назначена на сентябрь 2018 года. Но и эта встреча, по словам общественника, так и не состоялась.

Заявку чеченских общественников на проведение 22 марта всеобщего национального митинга дагестанских чеченцев власти РД отклонили, указав на угрозу терактов и риски перекрытия трассы вблизи г. Хасавюрта. Министерство юстиции РД не согласилось ни со временем, ни с местом проведения анонсированного чеченской общественностью митинга. В ведомстве предлагали чеченским общественникам подать уведомление о проведении публичного мероприятия с 10 по 25 апреля 2020 года в Новолакском районе. В свою очередь активисты «Общественного Совета “Аух”» пытались оспорить отказ Минюста РД в проведении мероприятия, но меньше чем через неделю в силу вступил Указ Главы РД от 18.03.2020 г. №17 «О введении режима повышенной готовности...», запрещающий проведение массовых мероприятий на всей территории республики из-за рисков ухудшения эпидемиологической ситуации в регионе.

26 марта представители дагестанских чеченцев обратились к председателю Совета алимов Северного Кавказа Х.А. Кадырову с просьбой обсудить проблему восстановления Ауховского района на заседании этой религиозной организации и с руководством Муфтията РД. Чеченские общественные активисты заявили журналистам, что вынуждены обратиться к Кадырову, так как, несмотря на обсуждение этой проблемы с дагестанским духовенством, конфликт до сих пор не урегулирован. Дагестанские чеченцы просят Кадырова «способствовать его окончательному справедливому решению». Комментируя это обращение, активист дагестанских чеченцев А. Мачаев, заявил: «Это было сделано для того, чтобы достучаться до религиозных чувств тех, кто противостоит решению этой проблемы. Мы ведь все называем себя верующими, практикующими мусульманами. В условиях, когда власть не решает эту проблему, а откладывает ее на потом, перед людьми и перед Всевышним было бы благом, если бы религиозные авторитеты попытались разрешить эту ситуацию. Насколько это возможно в сегодняшних реалиях? Это, конечно, вопрос открытый» [5]. Данная встреча, судя по отсутствию на нее реакции со стороны республиканских и федеральных властей, никак не повлияла на вялотекущее состояние процесса восстановления Ауховского района.

7 июля сменилось руководство главной общественной организации, которая выступает от имени чеченцев Дагестана с требованием восстановления Ауховского района. Из организации «Общественный Совет

«Аух»» вышли ее бывший председатель (Шавхалов С.) и его заместитель (Султанбиев Х.), у которых наблюдались разногласия с молодежным крылом организации. Новым председателем «Общественного Совета «Аух»» стал Х. Мусалимов, а его заместителем С. Вагабов. Они представили свою программу действий, обозначили целесообразность более тесного и конструктивного взаимодействия с профильными ведомствами в составе дагестанского правительства, а также заявили о необходимости более активного привлечения чеченской молодежи в общереспубликанские культурные, спортивные и иные общественные мероприятия. Приоритетными направлениями деятельности общественных активистов чеченцев Дагестана, помимо содействия ускорению процесса восстановления Ауховского района, являются: общественный надзор за распределением земельных участков в Новолакском и Казбековском районах; информационно-разъяснительная работа с чеченским населением республики по подготовке к предстоящей Всероссийской переписи населения в целях максимально полного отражения в переписи количества чеченцев Дагестана; сбор информации о чеченцах - участниках Великой Отечественной войны, отправлявшихся на фронт из Дагестана.

7 ноября в селении Ярыксу Новолакского района по инициативе дагестанских чеченцев состоялась церемония открытия Мемориала памяти чеченцев, участников Великой Отечественной войны. Для чеченского населения Дагестана это, безусловно, знаковое событие, которое, почему-то осталось без должного внимания со стороны дагестанского правительства и официальных СМИ РД. Как заявили активисты общественной организации «Общественный Совет «Аух»»: «прошедшая с таким размахом церемония открытия Мемориала оставила больше вопросов, чем ответов. Мы уже привыкли к тому, что республиканские власти, точнее, высшее руководство нашей республики, игнорирует мероприятия, организуемые Общественным Советом чеченцев Ауха (23 февраля), при этом мы достаточно часто видим, как первые лица республики посещают различные мероприятия в других городах и районах Дагестана. Но на сей раз мы были уверены, что такое важное и знаковое мероприятие, посвященное памяти тех, кто защитил нашу Родину, и уж тем более посвященное 75-летию Великой Победы, не останется без внимания, как руководства республики, так и ведущих СМИ, которые также были оповещены о

предстоящем событии и были разосланы соответствующие приглашения. К сожалению, мы обманулись в своих ожиданиях. И теперь перед нами справедливо ставят вопрос – а нас вообще считают гражданами республики и осталась ли у нас надежда, что нас когда-либо в этой республике таковыми признают?!» [6]. Правительство РД раз за разом игнорирует массовые мероприятия чеченской общественности республики, что приводит к ослаблению и без того слабой дагестанской идентичности чеченцев-аккинцев. В сложившейся ситуации чеченцы Дагестана (особенно молодежь) все более ориентируются на Грозный, чем на Махачкалу. Эта тенденция наблюдается в информационной, культурной, религиозной и других социальных сферах. Новому руководству республики, пожалуй, придется выработать свой подход к решению проблем, связанных с процессом восстановления Ауховского района.

Волнения на границе с Азербайджаном. 9 апреля в Магарамкентском районе РД вблизи российского пограничного пункта пропуска «Яраг-Казмаляр» около 100 граждан Азербайджана объявили голодовку. Причиной этой протестной акции стало то, что они не могли уехать на родину, потому что российско-азербайджанская граница была закрыта с 5 по 20 апреля. Азербайджан закрыл свои воздушные и сухопутные границы на этот срок в связи с распространением в стране коронавирусной инфекции [7]. Но эпидемиологическая ситуация в Азербайджане не улучшилась и после 20 апреля. В связи с этим наземные пункты пропуска через государственную границу между Россией (по территории РД) и Азербайджаном стали работать с интервалом в 14-20 дней для выполнения карантинных мер безопасности. Людей, пересекавших границу, помещали на этот срок в приграничные пункты временного размещения (ПВР). В Дагестане по решению оперативного штаба на территории приграничного Дербентского района вблизи селения Куллар для граждан Азербайджана, возвращающихся домой, был разбит ПВР. Для обитателей палаточного лагеря были организованы полевые кухни, подвоз питьевой и технической воды, пожарный пост и медпункт. Азербайджанцы приезжали в РД из разных регионов России, чтобы воспользоваться наземными пунктами пропуска через границу. К началу мая на территории палаточного лагеря в Дербентском районе РД находилось уже около 600 граждан Азербайджана, ожидавших возможности вернуться домой. Официальные

власти в Баку заявили, что возвращение граждан Азербайджана осуществляется поэтапно по мере готовности инфраструктуры для размещения вновь прибывающих лиц и при обязательном карантине. Первая группа азербайджанцев отправилась на родину 18 мая; вторая – 26 мая. К 29 мая стало известно, что 11 постояльцев палаточного лагеря были госпитализированы в Дербентскую городскую больницу [8], а у одного из них обнаружили COVID-19. Третья партия граждан Азербайджана в количестве 130 чел. пересекли границу 9 июня, а на 16 июня планировалась отправка домой еще 240 чел., но накануне вечером в палаточном лагере, где размещались мигранты, произошли массовые волнения, переросшие в столкновение мигрантов с силовиками.

Беспокойства в лагере начались вечером 15 июня после того, как азербайджанцы, ожидающие разрешения на пересечение границы, возмутились списком лиц, для которых должен был быть организован специальный коридор на пункте пропуска «Яраг-Казмаляр». По мнению самих мигрантов в этом списке не соблюдалась очередность отправки между людьми, ожидающими в лагере своего возвращения домой. В новом списке фамилий на отправление в Азербайджан оказались и те, кто прибыл в лагерь буквально несколько дней назад, а многие из тех, кто ожидал своего отправления домой почти месяц, обитая в палаточном лагере, должны были ждать формирования новых списков. Возмущенные мигранты вышли на федеральную трассу «Кавказ» и попытались перекрыть движение автотранспорта. Полицейских, дежуривших на контрольно-заградительном посту «Кулларский», забросали камнями и тяжелыми предметами, нескольким силовикам были нанесены побои. На место событий оперативно были стянуты дополнительные подразделения силовиков. В результате, по официальным данным Следственного комитета России, пострадали семь сотрудников правоохранительных органов, повреждены пять автомобилей, в том числе две машины Пограничного управления ФСБ. Усмиряя недовольную толпу, полицейские вынуждены были открыть стрельбу в воздух. В отдел полиции по Магарамкентскому району РД были доставлены 93 чел. из ПВР [9].

Сразу после этого инцидента пресс-секретарь президента России Д. Песков заявил, что Россия и Азербайджан продолжают контакты,

чтобы урегулировать ситуацию, сложившуюся в РД с гражданами Азербайджана. Он напомнил, что проблема возникла с самого начала режима самоизоляции и власти РД оперативно сделали палаточный лагерь для граждан Азербайджана, которые на тот момент хотели вернуться в свою страну, но границы были закрыты. По оценкам представителя Кремля, «руководство Дагестана много всего сделало для того, чтобы эту ситуацию как-то урегулировать». Песков подчеркнул, что «ситуация не рукотворная, она связана с тем положением, в котором все оказались из-за коронавируса» [10]. Важно подчеркнуть, что списки на возвращение азербайджанцев домой готовились азербайджанскими властями. Для этого в РД приезжали сотрудники азербайджанского МВД и МИДа, а также представитель президента Азербайджана. Поэтому недовольство мигрантов должно было быть адресовано к своим властям, а не к российским. По итогам инцидента были возбуждены уголовные дела в отношении 10-ти граждан Азербайджана о применении ими насилия в отношении представителей власти и умышленном повреждении имущества. В последующем власти Азербайджана увеличили трафик через границу до 400 чел. одновременно с интервалом в неделю. Вместе с тем, к осени, из-за завершения сезонных работ, увеличилось число граждан этого государства желавших вернуться домой через Дагестан.

В процесс урегулирования ситуации на границе подключились и представители НКА азербайджанцев в РД и других субъектах РФ, которые вели учет своих земляков, прибывающих в РД, и помогали тем из них, кто нуждался в срочной материальной, медицинской или иной помощи. «Попасть домой хотят все, люди возмущаются тем, что не могут вернуться. Но помочь им всем мы не можем. Но стараемся, чтобы в список попали хотя бы те, у кого имеются проблемы со здоровьем. Так, нам удалось добиться включения в состав отправившейся сегодня группы мужчину, у которого появилась аллергическая реакция - на что именно неизвестно, но его тело покрылось волдырями. Его удалось посадить в автобус к границе», – заявил 25 августа представитель НКА азербайджанцев в Московской области А. Аллахвердиев [11].

До конца сентября азербайджанцы группами в 400-500 чел. регулярно покидали территорию РФ через наземные пункты пропуска на тер-

ритории РД, пока 28 сентября в Азербайджане не ввели военное положение из-за нового обострения вооруженного конфликта за Нагорный Карабах. Выезд азербайджанцев на родину с территории РД был приостановлен почти на месяц. Только 20 октября возобновилось наземное пересечение границы через РД. С наступлением холодов в начале ноября ПВР для мигрантов вблизи с. Куллар было решено демонтировать, поскольку палатки в ПВР не отапливались. Ожидавших отправку домой азербайджанцев стали размещать в детском лагере «Огонек» в Кайтагском районе РД. К концу ноября там находилось около 250 граждан Азербайджана. По данным на 6 декабря, в РД отправку на родину ожидало порядка 500 чел. Посольство Азербайджана в России объявило 18 декабря о закрытии сухопутной границы до 1 марта 2021 года из-за роста заражений коронавирусом в обеих странах, и призвало своих сограждан воздержаться от поездок в РД для пересечения границы [12]. Оставшиеся на территории РД граждане Азербайджана могли после закрытия сухопутной границы попасть в Азербайджан только авиасообщением.

Профилактика идеологии экстремизма и терроризма. Проблема терроризма, наличия в регионе незаконных вооруженных формирований (НВФ), их «спящих ячеек», чья террористическая деятельность прикрывается и «оправдывается» псевдорелигиозными лозунгами, все еще является наиболее резонансной проблемой в РД. Эта проблема на долгие годы вперед приковала к себе внимание федеральных и местных властей, общественности, духовенства, журналистов, правозащитников и исследователей-кавказоведов. В настоящее время в России, как отмечает проф. И.П. Добаев, «сложилась стройная система противодействия радикальному исламизму, нацеленная, прежде всего, на борьбу с ее наиболее экстремистскими проявлениями, эпицентром которой выступает современный терроризм» [13]. Возглавляет эту централизованную систему Национальный антитеррористический комитет (НАК), который напрямую координирует деятельность Антитеррористических комиссий (АТК) и оперативных штабов в субъектах РФ. На региональном уровне аппараты АТК, формируемые главами субъектов РФ, координируют работу по противодействию идеологии экстремизма и терроризма на территории всего субъекта, внутри которого на муниципальном уровне функционируют

муниципальные АТК. Таким образом, работой по противодействию терроризму в России охвачены все уровни власти, а в РД - и все административно-территориальные единицы региона. В РД реализуется «Комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан» (КП). Ответственным исполнителем КП, рассчитанной на 2018-2020 годы, являлось Министерство информатизации, связи и массовых коммуникаций РД (Минкомсвязь РД). Соисполнителями выступали: Минобрнауки РД, Миннац РД, Минкульт РД, Минмол РД, Минспорт РД; органы местного самоуправления. Участниками КП являлись также: Муфтият РД, Махачкалинская и Грозненская епархия РПЦ, Совет иудейских общин РД, ДФИЦ РАН, Общественная палата РД. Цель программы – снижение уровня радикализации различных групп населения, формирование атмосферы неприятия идеологии экстремизма и терроризма в РД. В рамках реализации КП проводились мероприятия: исследовательского и аналитического характера (соцопросы); мероприятия по созданию и распространению антитеррористического контента (наружная реклама, видеоролики и т.д.); повышения квалификации специалистов в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма (курсы и семинары); конференции, форумы, фестивали; мероприятия индивидуально-профилактической работы с населением; поддержка деятельности граждан и общественных организаций в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма (гранты, субсидии, конкурсы).

Ежегодно в РД усилиями республиканских властей и религиозных общественных организаций проводится международный межрелигиозный молодежный форум (в сентябре 2020 года прошел VII-й по счету форум), направленный на духовно-нравственное воспитание молодежи, информационное противодействие идеологии экстремизма, а также на развитие межконфессиональных и межнациональных отношений молодежи из различных субъектов РФ. В рамках форума проводились и другие мероприятия (22 сентября – научно-практическая конференция «Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма»; 24 сентября – круглый стол в Дербенте с участием актива молодежи города, посвященный вопросам укрепления межконфессиональных отно-

шений и профилактики идеологии экстремизма и терроризма). В республиканском Доме дружбы 23 сентября состоялся VIII-й «Конгресс мусульманских общин Северного Кавказа» [14], посвященный проблемам сохранения мира и стабильности в обществе, противодействия идеологии терроризма, в том числе среди мигрантов. Ежегодно в работе конгресса принимают участие руководители РД, представители органов государственной и муниципальной власти РД, представители АТК в РД, духовенства республик Северо-Кавказского федерального округа, общественные и религиозные деятели.

Многие мероприятия по противодействию идеологии экстремизма и терроризма реализуются в Дагестане с активным участием Муфтията РД. Это, прежде всего, мероприятия идеологического и духовно-просветительского характера, а также деятельность по распространению в республике антитеррористического контента. Кроме этого Муфтият РД проводит важную работу по аттестации и повышению квалификации имамов мечетей в дагестанских городах и селах. Роль личности имама мечети в деле информационно-идеологического противодействия псевдорелигиозному экстремизму трудно переоценить, поскольку имам мечети постоянно контактирует с прихожанами мечети и регулярно читает им религиозные проповеди. В некоторых дагестанских селах до недавнего времени открыто функционировали мечети, которые воспринимались местным населением как рассадники нетрадиционных в Дагестане течений в исламе. В простонародье эти мечети назывались «ваххабитскими», поскольку проповедники в этих мечетях выступали против некоторых религиозных практик, считающихся в современном Дагестане традиционными. Косвенным признаком того, что в этих мечетях велись какие-то провокационные проповеди, стал факт выезда молодых ребят, посещавших эти мечети, за рубеж для участия в деятельности международных террористических организаций. Эти т.н. «ваххабитские» мечети никак не взаимодействовали с Муфтием РД, а чаще всего, имамы этих мечетей были идеологическими противниками официального духовенства республики. Логика появления и укрепления в некоторых дагестанских городах и селах позиций нетрадиционных течений в исламе, связана, в первую очередь, с религиозной деятельностью лиц, получивших религиозное образование за рубежом. Эти дагестанцы, вернувшись в республику,

начинали постепенно завоевывать доверие прихожан в мечетях. Они отличались высокими ораторскими способностями, умением завладеть вниманием аудитории, на фоне прежних малообразованных имамов. Если же местные имамы давали достойный отпор на уровне богословских споров этим выпускникам зарубежных исламских университетов, то они инициировали строительство другой мечети, как правило, на противоположной или отдаленной части села и, таким образом, община села раскалывалась на традиционалистов и на приверженцев новой, нетрадиционной для Дагестана версии ислама. Таким образом, постепенно в дагестанские мусульманские общины внедрялись радикальные религиозно-политические взгляды и мировоззрение. Для выправления ситуации в этой сфере необходима была не только деятельность ответственных органов государственной власти, их межведомственная координация, но и активное участие Муфтията РД, которое совместно с Минобрнауки РД брало на себя функции повышения квалификации и гражданской сознательности сельских имамов. Важным событием в работе по этому направлению стало заключение 26 октября 2020 года соглашения о сотрудничестве между Дагестанским гуманитарным институтом (автономная некоммерческая организация высшего образования, аффилированная с Муфтиятом РД) и Болгарской исламской академией (Республика Татарстан). В рамках подписанного соглашения институты будут поддерживать сотрудничество по следующим направлениям: обмен визитами профессорско-преподавательского состава, студентов и молодых ученых; обмен информацией об учебном процессе и научной деятельности; совместная организация конференций, научных школ, круглых столов, семинаров; проведение совместных научных исследований. ДГИ и БИА являются активными участниками федерального проекта по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, поэтому взаимодействие этих двух образовательных учреждений может принести пользу укреплению позиций традиционного ислама в среде российских мусульман.

К настоящему времени усилиями федеральных правоохранительных и республиканских органов государственной гражданской власти при активном участии Муфтията РД удалось остановить рост количества т.н. «ваххабитских» мечетей и существенно сократить их число через процедуру регистрации мечетей Минюстом РД. МВД РФ по РД проводит

профилактическую работу с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма, а также уже подпавшим под ее влияние. Прежде всего, это выпускники зарубежных исламских университетов, работавшие в «проблемных» мечетях имамами. Их отстраняют от работы с прихожанами, а Муфтият РД направляет в эти мечети, оставшиеся без имамов, новых проповедников – выпускников своих образовательных учреждений. В целом, Муфтият РД проводит огромную работу в области духовно-нравственной профилактики идеологии экстремизма и терроризма, выполняет рутинную и повседневную работу в этом направлении, которую не могут выполнять органы государственной власти.

Успехи государства в противодействии идеологии экстремизма и терроризма в РД связаны с реализацией комплексного подхода, сочетающего силовые операции по нейтрализации членов подполья с информационно-идеологической профилактикой. НАК РФ постоянно совершенствует свою работу, повышает координацию деятельности региональных АТК, где анализируется опыт противодействия терроризму на муниципальном уровне и ведется работа над ошибками. В РД к этой работе активно привлекаются и общественные организации, прежде всего Муфтият РД, а также общественные организации национально-культурного толка, землячества и диаспоры трудовых мигрантов.

Литература

1. В Хасавюрте прошел 11-й съезд чеченцев Дагестана // Официальный сайт ЧГТРК «Грозный». - [Электронный ресурс]. Опубликовано: 15.02.2020 г. Режим доступа: <https://grozny.tv/news/society/36394> (дата обращения 19.10.2020).

2. Съезд чеченцев Дагестана в Хасавюрте вызвал интерес в Чечне // Интернет СМИ «Кавказский Узел». - [Электронный ресурс]. Опубликовано: 17.02.2020 г. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/346029/> (дата обращения 19.10.2020).

3. Выступление члена Исполкома ДРОО «АУХ» Мачаева А. // Социальная сеть Instagram [Электронный ресурс]. Опубликовано 23.02.2020 г. Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/B86jN5IjjuG/> (дата обращения: 18.12.2020).

4. Доклад и.о. председателя ДРОО «АУХ» Султанбиева Х. // Социальная сеть Instagram [Электронный ресурс]. Опубликовано 24.02.2020 г. Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/B88VwGoDuuG/> (дата обращения: 18.12.2020).

5. *Алтаев Р.* «Чтобы достучаться до религиозных чувств» // Интернет СМИ «Кавказ. Реалии» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 26.03.2020 г. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/30510784.html> (дата обращения: 18.12.2020).

6. Заявление «Общественного Совета “Аух”» // Социальная сеть Instagram [Электронный ресурс]. Опубликовано: 08.11.2020 г. Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CHVVmjyDFWS/> (дата обращения: 18.12.2020).

7. В Дагестане граждане Азербайджана объявили голодовку // Интернет СМИ «АиФ-Дагестан» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 10.04.2020 г. Режим доступа: https://dag.aif.ru/society/v_dagestane_grazhdane_azerbaydzhana_obyavili_golodovku_vku (дата обращения: 20.12.2020).

8. Четыре силовика пострадали при беспорядках у границы в Дагестане // Интернет СМИ «Кавказский Узел» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 16.06.2020 г. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/350864/> (дата обращения: 20.12.2020).

9. *Рыбина Ю.* Вирус проходит, а бунт остается // Интернет СМИ «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 16.06.2020 г. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4379601> (дата обращения: 20.12.2020).

10. Кремль рассчитывает на урегулирование проблемы граждан Азербайджана в Дагестане // ИА «ТАСС» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 17.06.2020 г. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/8746811> (дата обращения: 20.12.2020).

11. Порядка 800 человек остались в лагере близ Куллара после отправки очередной группы // Интернет СМИ «Кавказский Узел» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 25.08.2020 г. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/353436/> (дата обращения: 20.12.2020).

12. 350 азербайджанцев остались в Дагестане после закрытия границы // Интернет СМИ «Кавказский Узел» [Электронный ресурс]. Опубликовано: 21.12.2020 г. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/357840/> (дата обращения: 06.01.2021).

13. *Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И.* Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. – Ростов н/Д.: ЮФУ, 2015. С. 343.

14. Национальная политика (ведомственная газета Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан). 2020. Сентябрь. №6 (40). С. 7-8.

Акаев Вахит Хумидович,
г.н.с. КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН,
заслуженный профессор ГГНТУ
им. акд. М.Д. Миллионщикова
д.филос.н., проф.,
Грозный, Чеченская Республика

РУССКО-КАВКАЗСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ: ПОИСК СИНТЕЗА

Кавказ как регион, обладающий значительными природными ресурсами, имеющий важное географическое, стратегическое и геополитическое значение, населенный сотнями народов, говорящих на многочисленных языках, придерживающихся различных верований, создавших оригинальные культуры, ведущие различные образы жизни являлся и поныне является объектом изучения путешественников, ученых, политиков и военных.

Греческий географ и историк Страбон, описывая оживленную торговлю в Диоскурии, находившейся на территории нынешней Абхазии, писал, что народы Кавказа изъясняются на 72 языках. А отчаянные греческие герои во главе с Язоном в поисках богатства, проделали тяжкий путь из Греции в Грузию, выкрали у грузинского царя золотое руно, похитили его дочь Медею и успешно вернулись обратно. В кавказские горы проникали не только в поисках богатства и счастья, но и мудрости, справедливости. Кавказ манил своими богатствами, красотой, а также духом свободы и независимости. Русские поэты, писатели, художники и музыканты так воспели этот райский уголок земли, его народы и культуры, что очень трудно найти подобное творчество в культуре других народов мире.

Интересную версию о происхождении термина «Кавказ» высказали А. Русецкий и О. Дорохина, считая, что имя Кавказ носил пастух-горец, убитый Прометеем, жестоко наказанного богом Зевсом [1, с. 24]. У народов Кавказа известен ряд легенд о Прометее, прикованном по приказу Зевса к горам Кавказа, которого ежедневно в обеденное время к истязанию подвергал могучий орел с железным клювом. Имеются различные версии происхождения термина «Кавказ», между тем они интересны в

познавательном плане и стимулируют научный поиск. Согласно грузинской исторической традиции, идущей от Леонтия Мровели – Кавкас – это седьмой сын из восьми сыновей отца (этноарха) кавказцев Таргамоса.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что иную версию этимологии Кавказа приводит А. Авторханов. По его мнению, Кавкас с греческого переводится как «трон богов», а арабские завоеватели значительно позже греков Кавкас называли «горой языков».

Как отмечает Ю.А. Жданов: «Кавказ... это и золотое руно, за которым плавали аргонавты, и обольстительные амазонки, и главный хлеб Земли, и мудрые традиции Авесты, и прорыв в глубины Космоса» [2, с. 28]. По его мнению, глубокие и древние традиции свободолюбия были родиной для духа русской культуры от Грибоедова до Маяковского» [2, с. 31].

Продвижение России на Кавказ было вызвано геополитическими интересами русского самодержавия, желанием присоединения Закавказья к России, в ходе которого получала богатые и торговые районы, возможность влиять на европейско-среднеазиатскую торговлю и перед ней открывался путь в Иран и Индию. Она, получает земли с большими потенциальными хозяйственными возможностями, горными богатствами и плодородными почвами. Самодержавие пришло на Северный Кавказ с двумя задачами с целью захвата для русского помещика плодородные кавказские земли и обеспечить русскому купцу обладание торговыми путями. «Помещики жадно бросались на Северо-Кавказскую степь, расхватывали её» [3, с. 191-192], - пишет Н. И. Покровский.

Такая стратегия не могла реализоваться без тактики вытеснения с территорий народов, их подавления, что влекло за собой сопротивление, восстания, освободительные народные движения под идеологическими, религиозными лозунгами. Таковыми были антицаристские народные движения шейха Мансура (1785-1791), Бейбулата Таймиева (1825-1826), Шамиля (1834-1859), различные восстания горцев (1860-1861, 1876-1877), абреческое движение конца XIX - начала XX в., их участие в революциях 1904-1905 гг., Февральской и Октябрьской революциях 1917 года, Гражданской войне на Тереке (1918-1920 гг.).

После окончания Кавказской войны многие горцы, в том числе и чеченцы, были депортированы в Турцию, тем самым Кавказ освободили от сотен тысяч непримиримых горцев. Постепенно покоренные

горцы интегрировались в Российскую империю, получали образование, в том числе и военное, наиболее способные становились офицерами и генералами. Они вели торговлю, осваивали русский язык, историю, культуру, законы государства, становились полезными царской власти. Тем самым они становились и частью русского мира.

Буквально через 13 лет после окончания Кавказской войны горские сотни, полки, в том числе и чеченские, сражаются в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на стороне России. Героем этой войны становится генерал Орца Чермоев, который был близок к царскому двору и имел высокие государственные награды. Позже чеченцы и другие горцы Кавказа принимали участие в русско-японской войне в 1904-1905 гг. В Первой мировой войне в составе так называемой Дикой дивизии Российской армии принимали участие чеченские, ингушские, кабардинские, дагестанские, татарские полки, доблестно сражавшимися на стороне империи. Как отмечает С.В. Чекалин: «Рядом с кубанскими и терскими казаками на австрийском фронте воевала туземная конная Кавказская дивизия (Дикая дивизия), сформированная на добровольных началах из цвета горской молодежи – ингушей, чеченцев, черкесов, кабардинцев и представителей других горских народов. Они с доблестью сражались за общую родину – Россию, и эта дивизия в русской армии оказалась самой дисциплинированной и преданной царю воинской честью, на поддавшейся революционной пропаганде» [4, с. 169]. Их боевые заслуги высоко оценены русским командованием, царем Николаем II.

В царское время происходит искусственная поляризация чеченцев, формировался военный, мультисекторный, промышленно-управленческий слой, нередко в аулах старшины назначались из числа самих чеченцев. Такая социальная иерархизация чеченского общества была необходима для разрушения местных традиций, патриархального уклада, успешного осуществления колонизации и эксплуатации народа. Вместе с тем, важно отметить и цивилизаторские преимущества – русские просветители прилагали значительные усилия в деле создания системы образования для безграмотных чеченцев и других горцев. В этой связи нельзя не назвать вклад барона Карла Услара, разработавшего чеченский алфавит на основе кириллицы, написавшего букварь для чеченских детей, подобные буквари им были написаны и для многих кавказских этносов.

Отечественным исследователем О.Л. Опришко опубликована книга «Кавказская конная дивизия», в которой приведены многочисленные имена, фамилии, воинские чины, награды, описаны подвиги, совершенные дагестанцами, чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами, казаками, грузинами, абхазами, геройски сражавшимися с общим врагом. Эти воины, принадлежа к разным народам Кавказа, придерживаясь разных верований, этнокультурных ценностей, сражаясь на поле боя с врагом Российской империи, проявляли безумную храбрость.

В этой связи примечательно высказывание журналиста и писателя Ильи Толстого, сына Л.Н. Толстого. Осенью 1914 года в Галиции он в течение полутора месяцев имел возможность близко соприкоснуться с частями Дикой дивизии, общаться с чеченцами, видеть их в походе, на стоянках, в бою. Он описывал свои наблюдения: «60 лет тому назад эти люди упорно с нами воевали, а теперь они настолько слились с Россией, что сами добровольно пришли сюда для того, чтобы общими усилиями сломать упорство нашего, теперь уже общего, опасного и сильного врага». Он пишет, что «видел их выполняющими самые трудные и сложные военные поручения; и я видел их в боях дисциплинированных, безумно отважных и непоколебимых» [5, с. 59].

В царское время русско-чеченские взаимоотношения характеризуются не только военным противостоянием, они имели и интеллектуальное, культурное составляющие, нацеливающие на историческую перспективу. Дети чеченской знати, офицеров, купцов, аманаты, получали образование в классических гимназиях, военных училищах, университетах. Они становились в последующем военными, государственными, общественными деятелями. К ним относятся: Орца Чермоев, Эрисхан Алиев, Тапа Чермоев, Ш. Эльмурзаев, Турловы, Шамурзиев, А. Саракаев, Таштемир Эльдерханов, Ахметхан и Исмаил Мутушевы, братья Шериповы, Борщиковы и Дубаевы, А-М. Кужуев и др.

В 2003 году издана примечательная книга «Генерал Максуд Алиханов: триумф и трагедия». Этот генерал-лейтенант царской армии – удивительной и сложной судьбы кавказец. В книге описаны высокие образцы мужества, служения своей стране. Защищая целостность государства, находясь на посту Губернатора Кутаисской губернии, он погибает

от рук дашнаков, эсеров-террористов, один из которых метнул в его фэзтон бомбу. С судьбой Максуда Алиханова перекликается трагическая судьба доблестного военачальника старой русской армии, генерала от артиллерии Эрисхана Алиева, расстрелянного в 1920 году вместе со своим сыном в г. Грозный.

В годы советской власти народы страны, в том числе кавказские горцы, вовлеченные в советское строительство, трудились ударно, принесли огромную пользу стране, государству. Но при этом, как и многие народы, испытали жестокие репрессии, связанные с колхозным строительством. Карачаевцы, калмыки, балкарцы, чеченцы и ингуши, принявшие активное участие в строительстве социализма в стране, многие представители которых сражались с фашистами, отстаивая свою родину, были поголовно сосланы со своих территорий без права возвращения. Чеченцы и ингуши были сосланы 23 февраля 1944 года, в праздничный день, что привело к гибели 1/3 части народа в течение 13 лет жизни под прицелом спецкомендатур.

Н. С. Хрущев в 1956 году на XX съезде КПСС прямо заявил, что в депортации народов не было никакой необходимости. В преамбуле закона «О реабилитации репрессированных народов» депортация народов охарактеризована как геноцид, незаконной и преступной акцией. Тем не менее, в стране печатаются исследования, высказываются точки зрения, прямо противоречащие этому закону. Многие представители депортированных кавказцев, сформировавшиеся в годы советской власти, с благодарностью вспоминают своих русских учителей, врачей, инженеров, агрономов, государственных деятелей, приобщавших их к образованию, науке, культуре. О них написаны научные статьи, книги, в их честь названы улицы, учреждения, им ставятся памятники.

Некоторые кавказоведы, пытаясь обосновать историческую предопределенность территориального расширения России, объективный характером имперской политики на Кавказе, выдвинули концепцию «российскости» как некую парадигму политического, культурного единства народов России, «совместничества», взаимного тяготения во всех сферах исторического бытия прошлого. В этой связи любопытно высказывание О. Матвеева о том, что «исследовательскими усилиями В.Б. Виноградова

С.Л. Дударева, Н.Н. Великой, Ю.Ю. Клычникова и др. концепция «российскости» была творчески применена к изучению российско-чеченских отношений, к западнокавказскому материалу, прошлому северокавказского казачества, векам вхождения Кавказа в состав России в целом, конкретным персоналиям, историко-культурным, литературным, реалиям региона и др.» [6, с. 98].

С нашей точки зрения, ситуация не столь однозначна. Концепция «российскости» применительно к русско-дагестанским, русско-чеченским, русско-черкесским отношениям не дает такую благостную историко-культурную картину. Наоборот, концепция «добровольного вхождения чеченцев в состав царской России», как часть этой туманной, расплывчатой идеи не являлась научно выверенной. Но политический эффект от нее был шумным, а в конечном итоге она провалилась. Даже сами авторы от нее отказались. Трудно согласиться с тем, что «российскость» эффективна при анализе событий на Северо-Западном Кавказе. Если под последним подразумевается сопротивление черкесов и их добровольно-принудительное мухаджирство со своей исторической родины, то совершенно не понятно, в чем же состоит эффективность концепции «российскости».

Полагаю, что в концепцию «российскости» не вписываются ни шейх Мансур, ни Бейбулат Таймиев, ни Газимухаммед, ни Шамиль, ни Ташу-Хаджи, ни Кунта-Хаджи (который не сделал ни одного выстрела в сторону русской армии), ни Алибек-Хаджи Зандакский, повешенный в крепости Грозная, ни черкесские, убыхские воины, сражавшиеся за свободу и независимость своих народов, сотни тысячи которых погибли и были депортированы в Турцию. Возникает вопрос, кто они, соотечественники или заблудшие сыны Кавказа? Почему-то отечественная история не отвечает на этот вопрос. То, что они – кавказцы никто не отрицает. Однако соотечественниками никто их не считает. Между тем в этой концепции находят свои места Суворов, Потемкин, Ермолов, Паскевич, Мадатов, Евдокимов, Воронцов, Бяргинский, Раевский, Лазарев, Засс (охотник за головами кавказцев) и др. И с точки зрения «российскости» - последние признаются соотечественниками.

Концепция «российскость» не объясняет революционные события в России, победу большевиков, гражданскую войну, утверждение коммунистической идеологии, годы построения социализма, совершение мощной

культурной революции, репрессии и депортации, многочисленные жертвы, формирование новой исторической общности «советский народ». Ведь все это происходило вопреки методологическим основаниям концепции «российскости». Более того, эта методология не объясняет нынешний вялотекущий кризис в стране, запредельную коррупцию, фантастическое расслоение общества, издевательства над простыми россиянами, в том числе и над русскими.

Глубоко сомнительно, что концепция «российскости» с ее содержательно-методологической нищетой, вульгаризацией позволит дать ясную социокультурную мозаику всех сложных, созидательных, порою конфликтных процессов, протекающих в современной России.

Вместе с тем, в нынешних реалиях, вполне очевидна необходимость укрепления единства народов России на основе разработки новых теоретических, методологических позиций, которые позволили бы найти место народным, национальным героям в российской истории со всеми их плюсами и недостатками. Всякие «патриотические» изыски, гиперболизирующие цивилизаторскую роль России, принижая при этом уровень социокультурного развития народов, подчеркивая отсталость народов Северного Кавказа, контрпродуктивна.

30 октября 2013 года на одной из передач телеканал «Дождь» пресс-секретарь Президента В.В. Путина заявил, что «школьники обязательно должны изучать чеченские войны, годы правления Вл. Путина и процесс восстановления Чечни». Я тоже за это, но против того, чтобы в учебники для школьников вводили некорректный термин «чеченские войны», несущий негативный смысл, формируя соответствующие образы, мифологизируя сознание школьников. То, что в современных учебниках по истории России для школьников и студентов приходится читать о войнах в Чечне, российско-чеченских взаимоотношениях нельзя признать удачным. Здесь явно просматривается односторонняя точка зрения. Между тем, странная складывается ситуация в отечественной истории: термин «татаро-монгольское иго» убран из учебников по истории, но термин «чеченские войны» стали настойчиво вводить.

В 1966 году знаменитый режиссер Георгий Данелия пытался поставить фильм «Хаджи-Мурат», был готов сценарий, написанный Владимиром Огневым и Расулом Гамзатовым. Фильм не дали поставить. Единственно на рукописи сценария Гамзатов написал насмешливо:

«Лихой наиб, в отчаянном бою,
Давно срубили голову твою,
Покоится близ отчего предела,
В могиле обезглавленное тело,
Но почему, хоть ты погиб давно,
Тебя еще боится Госкино? [7]

Возникает риторический вопрос: почему же до сих не дозволено соединиться телу и голове Хаджи-Мурата? Разве сегодня продолжается Кавказская война? Если это не так, то, не желая передать голову Хаджи-Мурата его родственникам для захоронения там, где ныне покоится его тело - глубокое пренебрежение обычаев и традиций народов, которым он принадлежит.

До сих пор кавказоведы сосредотачивали внимание на двух контрарных позициях формирования русско-чеченских, российско-северокавказских отношений - конфронтационной и интеграционной. Каждая из них в своем развитии дает упрощенную схему, линейное описание. Но историческая истина многогранна, многоаспектна, объемна, процессуальна, динамична. Понимая необходимость в новых теоретиков-методологических подходах в анализе российско-кавказских взаимоотношений, В.В. Черноус публиковал работы, в которых нашли отражение такие аспекты: рассмотрение российско-кавказских взаимоотношений через призму цивилизационного-культурного подхода, комплексного осмысления историко-культурного, этнополитического многообразия, диалога разных культур, векторов этнокультурных процессов на Юге России [8, с. 51]. Эти новаторские идеи не должны быть преданы забвению, наоборот, должны быть продолжены, раскрывая, заложенный в них творческий потенциал.

Исследуя события прошлого, а также современную реальность необходимо дать целостное видение проблемы, выявляя ключевые аспекты сложного, противоречивого, нередко трагического бытия народов, становление и развитие российско-кавказских, российско-чеченских взаимоотношений. Ученым, экспертам, политикам сложно добиться единомыслия, но при этом важно выявление в прошлом и в настоящем общих,

интегративных позиций взаимодействия, сотрудничества народов региона, что в конечном итоге формирует их единство, синтез, условия существования в общем государстве.

Надо отметить и то, что ныне явно ощущается потребность в настойчивом патриотическом воспитании подрастающего поколения, учитывая, что такая работа заметна ослабла в семьях, школах, вузах, учреждениях. С нашей точки зрения, формирование патриотизма – это освоение базовых ценностей этнической культуры, этнического языка, движение к региональным ценностям и в конечном итоге - освоение общероссийских ценностей, русского языка, истории и культуры, законов России. Только через понимание каждого из этих компонентов, их глубокой взаимосвязи, взаимоперехода, полагаю, основа для новой динамики формирования русско-кавказского культурного синтеза, российской идентичности.

Литература

1. Русецкий А., Дорохина О. «Архипелаг Кавказ» - мифы и реал-политика. – Тбилиси, 2009.
2. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. – Майкоп, 1999.
3. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009.
4. Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. – М., 1998.
5. Опришко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращения из забвения. - Нальчик: «Эль-Фа», 2007.
6. Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Материалы международного форума историков-кавказоведов (14-25 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: МАРТ, 2013.
7. Огнев Владимир. Скитания Хаджи-Мурата // Дружба Народов. – 2015. - № 9.
8. Акаев В.Х. Кавказские исследования профессора Виктора Черноуса в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы Северного Кавказа: сб. науч. ст. / ЦРИ ИСиР ЮФУ. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – Вып. 97.

Аккиева Светлана Исмаиловна,
доктор исторических наук,
в.н.с. Кабардино-Балкарского
научного центра РАН,
Нальчик, КБР

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Аннотация. В Кабардино-Балкарии сложились институты гражданского общества, которые стали активными акторами общественной жизни. Пандемия внесла существенные изменения в проведение ежегодных празднеств и траурных мероприятий, связанных с историей и культурой народов республики, которые прошли на просторах Интернет, в социальных сетях. Одной из важнейших задач адыгские общественные организации рассматривают вопрос о репатриации потомков мухаджиров на Северный Кавказ и оказывают всяческую помощь в возвращении и адаптации. Большая поддержка и помощь в Кабардино-Балкарии оказывается репатриантам из Сирии, в 2020 году общественные организации адыгов оказали материальную помощь сирийским репатриантам, переселившимся в республику, многие из них адаптировались, занимаются бизнесом, торговлей и т.д., но пандемия привела к снижению их доходов. МЧА проводит значительную работу по формированию позитивного имиджа Кабардино-Балкарии и России среди представителей адыгской зарубежной диаспоры, организует отдых детей мухаджиров в КБР, знакомит их с достопримечательностями и природой региона.

В 2020 г. балкарские общественные организации и активисты еще раз подняли вопрос об установлении памятной даты присоединения Балкарии к России. Балкарцы отмечали 180-летие и 185-летие, 190-летие и т.д. этой даты, но до настоящего времени официально это дата не празднуется. По мнению балкарцев, без утверждения этой даты балкарский народ находится относительно других народов России.

В Кабардино-Балкарии религиозная ситуация в 2020 году оставалась стабильной, ДУМ КБР вновь поднял вопрос о реформировании похоронных обрядов, направленных на запрет проведения затратных поминок, в течение 16 лет провести эту реформу ДУМ не удастся.

Одной из сложных проблем в Кабардино-Балкарии остается земельная проблема. В 2020 году проблема вновь обострилась и земельный вопрос подняли жители селений Екатериноградская, работники колхоза им. Петровых и с. Зольское. Актуальность земельной проблемы была озвучена на собрание активистов в сентябре. Земельная проблема усугублена тем, что колхозники в КБР не получили земельные пай, земли находятся в аренде у крупных арендаторов, что и создает конфликтную ситуацию.

Ключевые слова: КБР, общественные организации, похоронные обряды, коронавирус, экстремизм, репатриация, земельные проблемы, празднование присоединения Балкарии к России.

Власти Кабардино-Балкарии, учитывая полиэтничность республики особое внимание уделяют формированию институтов гражданского общества, как одного из важнейших акторов. В органах власти Кабардино-Балкарии существует специальное ведомство, занимающееся вопросами межэтнических отношений: Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей. Кроме того, действует консультативный орган: Правительственная комиссия по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике [1]. Она создана в целях подготовки рекомендаций по разработке и реализации государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в республике. В каждом муниципальном районе и городских округах созданы и действуют Комиссии по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений. Заседание комиссий проводится по мере необходимости, но не реже двух раз в год.

Вопросами межэтнических отношений долгие годы занимался Кабардино-Балкарский Фонд культуры. Активно занимается проблемами в сфере межэтнических отношений Общественная палата КБР, которую возглавляет Х.А. Бердов. В 4 составе Общественной палаты КБР (создан в ноябре 2018 г.) была сформирована Межкомиссионная рабочая группа

по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в республике. В группу вошли 15 членов Палаты, представляющие этнические и конфессиональные группы в населении КБР [2].

В Кабардино-Балкарии на конец 2020 г. действовали более 40 общественных организаций этнокультурной направленности [3], которые принимают активное участие в общественной жизни республики. Государство оказывает определенную финансовую помощь их деятельности. В 2020 г. финансовую помощь от государства в размере 20,3 млн рублей получили 38 некоммерческих организаций, в том числе и этнокультурной направленности. В их числе: Кабардино-Балкарское региональное общественное движение по укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений «Наша Республика» (400,25 тыс. рублей), Союз общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной» (410 тыс. рублей), Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по оказанию содействия возвращению соотечественников «Пэрыт» (Авангард) (320,88 тыс. рублей), Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по содействию развитию адыгской молодежи «Черкесский Ренессанс» (80 тыс. рублей), Кабардино-Балкарский общественный фонд культуры (1166,582 тыс. рублей), региональное отделение «Союза армян России» (270 тыс. рублей), Терско-Малкинское окружное казачье общество (500 тыс. рублей) [4].

С 1992 года в Кабардино-Балкарии ежегодно 21 мая отмечают День памяти жертв Кавказской войны. Из-за пандемии в 2020 г. был изменен формат 21 мая - Дня памяти жертв Кавказской войны, он отмечался на просторах сети Интернет. Возле мемориала «Древо жизни», где ежегодно проходит траурный митинг, прошла минута молчания руководителей республики и общественных организаций, которые возложили цветы. Президент Международной черкесской ассоциации (МЧА) Хаути Сохровков сообщил ТАСС 21 мая, что программа дистанционных мероприятий, прошла в режиме онлайн и состояла из целого комплекса: видеоконференции, онлайн-уроки и различные встречи. В них приняли участие адыги из разных стран: Турция, Иордания, Сирия, Израиль, европейские государства, а также из многих субъектов РФ [5]. Адыгские активисты,

молодежь подготовили и выложили в социальные сети разнообразные тематические видеоролики, посвященные этой дате, и призвали жителей Кабардино-Балкарии и других регионов Северного Кавказа вспомнить жертв войны дома. Член Совета Федерации от Кабардино-Балкарии Арсен Каноков (глава КБР в 2005-2013 гг.) 20 мая выступил с обращением, посвященным Дню памяти жертв Кавказской войны. Он отметил, что народ «стал малочисленным», разделенным, через какое-то время в результате катаклизмов XVIII - начала XX веков рассредоточился в 40 странах мира, но не растерял язык, культуру и традиции. А. Каноков подчеркнул, что диаспора переняла и впитала самое лучшее из того, что есть у соседей. А. Каноков также подчеркнул важность беспристрастного и честного обсуждения событий и следствий Кавказской войны, проблем репатриации, в решении которых до настоящего времени нет серьезных сдвигов [6].

Актуальность проблем репатриации, культурной интеграции и сохранения родного языка отметили активисты Мадина Хакуашева, доктор филологических наук, ведущий сотрудник ИГИ-филиала КБНЦ РАН, председатель "Адыгэ Хасэ" Адыгеи Рамазан Тлемешок и глава "Адыгэ Хэку Черкесия" Абубекир Мурзаканов. В 2020 г. День памяти и скорби жертв Кавказской войны проходил в условиях коронавирусной инфекции, которая затронула все страны проживания адыгов, и их формат был дистанционной. Федерация кавказских ассоциаций Турции (КАФФЕД) в своём заявлении по случаю Дня памяти и скорби заявила, что в очередной раз требует признания геноцида черкесов всеми странами мира, особенно России и стран, в которых проживают черкесы. Этой позиции придерживаются все организации, отметил председатель общественной организации "Адыгэ Хасэ" Краснодарского края Аскер Сохт [7].

После начала боевых действий в 2011 г. в Сирии многие граждане были вынуждены покинуть страну, часть из них (потомки мухаджиров) прибыли в Кабардино-Балкарию. Только в 2015 году в республику прибыло более 2 тыс. человек [8].

По данным МВД по Кабардино-Балкарии, с 2012 года по 2020 г. различные разрешительные документы для законного пребывания и проживания на территории республики получили 2302 беженца из Сирии. В том числе, разрешение на временное проживание - 495 человек, вид на

жительство – 834 человека, право на приобретение российского гражданства - 306 человек [9]. В 2018/2019 учебном году в КБГУ обучались 138 студентов из числа репатриантов из Сирии, в Аграрном университете – 11 студентов. Власти республики ведут планомерную работу по социально-культурной адаптации этой группы студентов [10]. Более 170 сирийских детей получают образование в школах и обеспечены местами в детских садах республики. Власти республики, бизнесмены из числа адыгов и просто неравнодушные граждане оказали всяческую помощь репатриантам и помогли их скорейшей адаптации в республике. За счет внебюджетных средств для них приобрели более 80 домов в разных населенных пунктах республики [11]. Репатрианты адаптировались, многие занялись бизнесом в сфере торговли и общественного питания (магазины, кафе), которые приносили им доход. Однако в условиях ограничений, обусловленных коронавирусом, многие из них, были вынуждены свернуть бизнес. Активисты из группы «Помощь соотечественникам из Сирии» (ведут одноименную страничку в Facebook) и общественной организации «Пэрыт» оказали помощь сирийским репатриантам, собрав для них 170 продуктовых наборов и 33 – для студентов, обучающихся в КБГУ. В организации помощи сирийским репатриантам также участвуют соотечественники, проживающие за рубежом, собравшие 1200 долларов и земляки, проживающие в Москве. Сирийским репатриантам также была оказана помощь в ходе благотворительной акции, организованной главой КБР с участием местных предпринимателей. Организация «Пэрыт» оказывает помощь репатриантам в получении документов для проживания в России [12]. Большую работу с репатриантами из Сирии и в целом с зарубежной адыгской диаспорой проводит Международная Черкесская Ассоциация (МЧА). Эта организация в рамках проекта «Кабардино-Балкария и соотечественники: народная дипломатия стирает границы» [13], организовала в 2019 г. отдых 38 детям из Сирии в санатории «Курорт Нальчик», отдых 80 школьников из Турции, Иордании и Израиля в КБР был сорван из-за пандемии. По словам президента МЧА Х. Сохрокова, совместный отдых детей из разных стран соответствует задачам проекта и будет способствовать формированию у соотечественников за рубежом позитивного отношения к Кабардино-Балкарии и Российской

Федерации в целом [14]. Вслед за Адыгеей в 2019 г. утверждена программа Кабардино-Балкарской республики «Оказание содействия добровольному переселению в Кабардино-Балкарскую Республику соотечественников, проживающих за рубежом» [15] от 31 июля 2019 г. Программа рассчитана на 2019-2022 годы, по которой планируется привлечь 200 соотечественников («50 квалифицированных специалистов и учёных, занимающихся актуальными научно-техническими проблемами, и 150 членов их семей»). На эти цели из государственного и регионального бюджетов выделяется 1 748 400 руб. и 991 000 руб., соответственно [16].

Балкарцы и балкарские общественные организации на протяжении длительного времени поднимают вопрос о необходимости установлении памятной даты присоединения Балкарии к России. 9 января в Нальчике прошло очередное собрание балкарских активистов, на котором обсуждался вопрос учреждения республиканского праздника - Дня вхождения балкарского народа в состав Российской империи. В мероприятии, анонсированном через социальные сети, приняли участие депутаты Парламента КБР, главы ряда балкарских населенных пунктов, активные граждане.

По мнению собравшихся, без утверждения этой даты балкарский народ находится в неравном положении относительно других народов России. Балкарский народ с 1944 года по 1957 год находился в депортации, история народа все эти годы не изучалась, более того о балкарцах ни в одном историческом труде, подготовленном в эти годы, не упоминалось. В 1957 г. в Кабардино-Балкарии праздновали 400-летие присоединения Кабарды к России, балкарцы отмечали это событие вместе с кабардинцами. По умолчанию получалось, что балкарцы вошли в состав России с кабардинцами. Лишь в 2007 году в республике балкарцы провели праздничные мероприятия в честь 180-летия, со дня присоединения балкарского народа к России [17]. В январе 1927 года балкарские и дигорские князья подали прошение российскому императору с просьбой принять их в состав России. В 2012 г. балкарцы праздновали 185-летие данного события [18], в 2017 году -190-летие [19]. Архивная служба республики устроила выставку в честь 190-летия вхождения Балкарии и в честь 460-летия присоединения Кабарды к России [20]. С начала 1990-х годов присоединение Кабарды к России трактуется как заключение военно-политического союза между Кабардой и Россией [21]) и др.

В январе 2018 года группа балкарских активистов обратилась к тогдашнему главе КБР Юрию Кокову с просьбой официально установить дату вхождения Балкарии в состав Российской империи. По указанию главы КБР была создана рабочая группа, и с того времени вопрос находится в режиме рассмотрения. При отсутствии реакции со стороны республиканских властей республики собрания балкарских активистов приняли решение обратиться к федеральным властям с просьбой об установлении праздничной даты. По мнению депутата Парламента КБР Далхата Байдаева, для установления даты вхождения Балкарии в состав России должен быть издан соответствующий указ. Он также отметил, что фактически балкарцы более 15 лет отмечают эту памятную дату и теперь речь идет только о ее официальном признании. Д. Байдаев сказал, что ранее празднование присоединения балкарцев к России проводилось вопреки желанию республиканских властей, но теперь есть понимание на уровне Правительства КБР [22].

День возрождения балкарского народа и восстановления балкарской государственности отмечается 28 марта. В этот день в 1957 году был издан Указ президиума Верховного Совета СССР о возвращении балкарского народа на историческую родину после 13 лет депортации в Среднюю Азию. Указ воссоздал Кабардино-Балкарскую АССР. Празднование этой даты началось с 1994 г., когда соответствующий указ был подписан президентом КБР В. Коковым [23]. В 2020 году в связи с угрозой распространения коронавируса торжества по случаю возрождения балкарского народа перенесены на более поздний срок. Об этом сообщил глава КБР К. Коков на своей странице в социальной сети Instagram. Он поздравил балкарский народ и отметил, что этот праздник, олицетворяет восстановление исторической правды и справедливости, непоколебимость и непреходящую ценность единства, дружбы и братства народов Кабардино-Балкарии. Под постом жители республики оставили многочисленные комментарии со словами благодарности и поддержки [24].

Религиозная ситуация. Муфтият КБР в январе с.г. в очередной раз выступил против пышных поминок, приверженность к которым большинства жителей региона не удалось преодолеть до настоящего времени. Еще в 2004 г. было принято постановление ДУМ «Об упорядочении по-

хоронного обряда в Кабардино-Балкарии», в котором был наложен запрет на проведение финансово обременительных поминок, но верующие продолжают их практиковать. Несмотря на запрет, продолжается составление списков соблезнующих, которые дали пожертвование и запрет на раздачу милостыни (садака) согласно спискам. Следует отметить, что такую практику проводят, прежде всего, в кабардинских селах. Продолжается практика кормления и раздачи пакетов с продуктами. ДУМ КБР запретил проводить поминки на третий, седьмой, сорокой и пятьдесят второй день после смерти, а также через полгода и год. Но жители республики продолжают придерживаться установившихся правил и порой вынуждены брать кредиты, чтобы провести разорительные похоронные обряды. Имамы ведут разъяснительную работу, некоторые из них отказываются принимать участие в похоронах, однако переломить ситуацию не удается [25].

Коронавирус внес существенные изменения в проведение похорон. В первое время, не осознавая опасности, люди приходили в дом, где был покойник, не одевая масок. Это привело к росту числа заболеваний. Исламские деятели КБР, правоохранительные органы провели большую разъяснительную работу об опасности коронавируса и правилах поведения в этот период. Не сразу, но люди осознали опасность и сократили посещение семей умерших для выражения соблезнований. В практику вошло выражение соблезнования по телефону или посещение родственников после завершения похорон. Принятый Советом улемов Духовного управления мусульман России (ДУМ РФ) документ [26] о порядке захоронения умерших после заражения коронавирусом, которое допускает кремацию тел на Северном Кавказе, было фактически проигнорировано [27]. Жители КБР выражают недовольство запретами ВОЗ и Роспотребнадзора на традиционные элементы похоронного обряда, а также на принуждение хоронить без обмывания и без савана. В социальных сетях пишут о том, что необдуманная политика и ненужные запреты способствовали моральному подавлению верующих старшего возраста, которые не столько боялись умереть, сколько быть похороненными без положенных по мусульманскому обычаю обрядов.

Профилактика экстремизма и терроризма. В Кабардино-Балкарии с начала 2000-х годов отмечались вылазки религиозных экстремистов и

террористические акции. Наиболее масштабная акция была совершена 13 октября 2005 года, когда силовые структуры Нальчика подверглись нападению боевиков. В результате нападения погибли 35 сотрудников силовых структур и 15 гражданских лиц, 129 силовиков и 66 гражданских лиц были ранены. В результате боев в городе были убиты 95 боевиков. В 2006-2008 году ситуация в КБР была относительно спокойной, а с 2009 по 2013 год по числу экстремистских и террористических вылазок республика стала одной из наиболее «горячих точек» в регионе. С 2014 по 2018 год ситуация нормализовалась (отдельные вылазки отмечались, но их частота значительно снизилась), чему в немалой степени способствовали меры по противодействию экстремизму и работа правоохранительных органов.

В марте 2020 года силовики КБР получили информацию о подготовке теракта. При попытке задержать трех подозреваемых близ села Кременчуг-Константиновское в Баксанском районе произошла перестрелка, в ходе которой предполагаемые боевики были убиты [28]. Двое из убитых жители селения Дыгулубгей, которые в прошлом были осуждены по делу о незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств. Спецоперация в Баксанском районе стало первой с февраля 2019 года.

По заявлению правоохранителей 22 июля при попытке задержания в Чегемском районе были убиты четыре члена запрещенной в России судом террористической организации "Исламское государство", которые готовили теракт. Силовики в лесу у села Лечинкай обнаружили в оборудованном для длительного пребывания лагере вооруженных людей, которые на требование сдаться начали стрелять и были ликвидированы ответным огнем [29].

В целом с 2014 года в результате предпринятых правоохранительными органами мер в республике значительно снижена террористическая активность участников религиозных экстремистских групп, бандпополье действовавшее на территории республики, практически ликвидировано. Вместе с тем опасность экстремистских и террористических вылазок сохраняется. Это обуславливает необходимость постоянного совершенствования работы с учетом складывающейся обстановки. В связи с этим в КБР принята Программа «Профилактика терроризма и экстремизма в

Кабардино-Балкарской Республике» (на 2021-2025 годы). Соответствующее Постановление Правительства КБР № 288-ПП от 16 декабря 2020 г. «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» [30] подписано председателем Правительства КБР. А. Мусуковым. Решение проблемы программными методами позволит обеспечить системность, последовательность, целенаправленность и наступательность мер, направленных на профилактику терроризма и экстремизма, контроль за их реализацией.

Одной из сложных проблем в Кабардино-Балкарии является земельный вопрос. В КБР члены колхоза имени Петровых вышли на митинг в защиту хозяйства. По мнению митингующих, 13,5 тыс. га сельхозугодий в станицах Екатериноградская и Приближная Прохладненского района пытаются захватить рейдеры, заявляя, что они «инвесторы». Обращения к муниципальным властям проблему не решили. Люди просят главу КБР К. Кокова и руководство МВД республики защитить их от мошенничества с землями, отметив, что 49-летний мораторий на продажу сельхозземель в КБР был принят еще при первом президенте республики – В. Кокове [31]. По словам председателя колхоза А. Дегтяренко, с 2016 года хозяйство испытывало трудности с денежными средствами из-за засухи, и при этом колхоз не получал никаких дотаций. В этих условиях денежные средства были перенаправлены на выплату зарплаты, на оплату коммунальных услуг, на дизтопливо, на погашение кредита (в противном случае начисляется пени), на семена. Деньги пошли также на оплату лизинга, газа и электроэнергии. На все эти операции имеются соответствующие документы, с которыми ознакомились следователи и увидели, что деньги тратились на нужды хозяйства. Следователи указали, что надо было в первую очередь платить налоги. Надежды руководства на то, что колхоз войдет в инвестиционную программу и получит возможность решить все проблемы, обернулись еще более крупными проблемами, так как предполагаемый инвестор обманул руководство и членов колхоза. Поверив в заверения инвестора, колхозники провели общее в августе 2019 г. общее собрание членов колхоза и одобрили создание нового предприятия ООО «Агрокомплекс «Екатериноградский» со

100%-й долей колхоза. Агрокомплексу должны были на пять лет передать в субаренду массив площадью 7033 гектара для реализации инвестиционных программ животноводства. Председатель колхоза подписал договор, а когда получил копию договора, зарегистрированного инвестором в Росстрестре договоров, обнаружил, что договор по сути отличается от того, за который голосовали станичники. В полученной им копии речь шла переуступке прав и обязанностей на 42 года всего массива земли колхоза площадью 13,5 тыс. га земли. Более того, бенефициаром земель оказывалось созданное в феврале 2020 года ООО «НПК «Новое время» [32]. Председатель колхоза обратился к правоохранительным органам [33]. Судебные тяжбы идут до настоящего времени.

Земельный вопрос в ст. Екатериноградской имеет не только экономическую, но и политическую подоплеку [34]. По мнению лидера коммунистов КБР, депутата Парламента КБР Бориса Паштова, в республике есть только два коллективных хозяйства: имени Петровых и «Ленинцы». В колхозе им. Петровых трудится преимущественно русская часть населения КБР. Теряя экономическую основу своей жизни, люди мигрируют за пределы республики, меняется национальный состав населения региона, а это не способствует его консолидации. Кроме того, небольшие хозяйства гораздо устойчивее агрохолдингов и лучше обеспечивают сельское население работой. Кабардино-Балкарские региональные организации КПРФ и ЛДПР считают, что земля должна быть возвращена колхозникам и хотят оказать в этом всю возможную помощь [35].

Жители села Совхозное на протяжении ряда лет поднимают вопрос о земле. Землю находится в аренде у нескольких собственников, а более двух тысяч гектаров незарегистрированной земли в селе Совхозное Зольского района обрабатываются без проведения торгов, и кто ею распоряжается неизвестно. Они требуют разделить землю на участки и провести аукционы, в которых смогут участвовать местные жители.

Земельный вопрос обсуждали осенью в офисе Ассоциации жертв политических репрессий в Нальчике. На собрании глава Ассоциации жертв политических репрессий М. Шахмурзов заявил, что землю, которая после реорганизации колхозов и совхозов оказалась у крупных соб-

ственников, следует вернуть жителям Кабардино-Балкарии. А руководитель Совета старейшин балкарского народа И. Сабанчиев отметил, что необходимо провести конференцию по земельному вопросу [36].

Литература

1. <https://base.garant.ru/30528204/> (дата обращения 17 января 2021).
2. <http://xn--90arleh.xn--p1ai/index.php/deyatelnost/1499-zasedaniya-soveta-2019-goda> (дата обращения 20 января 2021).
3. https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/uvigodn/statisticheskie_dannye/obshchestvennye_organizatsii.php (дата обращения 22 января 2021).
4. <https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/uvigodn/kadry/reestr%202020.xls> (дата обращения 24 января 2021).
5. <https://tass.ru/v-strane/8529233> (дата обращения 29 января 2021).
6. *Алексеев Г.* Российские власти отстранились от решения вопроса о репатриации черкесов // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349900/> (дата обращения 20 января 2021).
7. Там же.
8. <https://ria.ru/20150910/1242195334.html> (дата обращения 4 февраля 2021).
9. *Маратова Л.* Черкесские активисты помогли сирийским репатриантам // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349394/> (дата обращения 20 января 2021).
10. <https://tass.ru/severnyu-kavkaz/6131320> (дата обращения 28 января 2021)
11. https://stav.aif.ru/society/person/kabardinobalkariya_prinyala_okolo_dvuh_tysyach_bezhencev_iz_sirii (дата обращения 31 января 2021).
12. *Маратова Л.* Черкесские активисты помогли сирийским репатриантам // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349394/> (дата обращения 3 февраля 2021).
13. Проект «Кабардино-Балкария и соотечественники: народная дипломатия стирает границы» - победитель фонда Президентских грантов (<https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=C202104B-8F2A-48C6-89B2-EA86CEDB858B>) (дата обращения 15 января 2021).
14. <https://regnum.ru/news/society/2668998.html> (дата обращения 17 января 2021).
15. Постановление Правительства КБР № 136-ПП от 31 июля 2019 г. «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Оказание содействия добровольному переселению в Кабардино-Балкарскую Республику соотечественников, проживающих за рубежом» (https://pravitelstvo.kbr.ru/index.php?ELEMENT_ID=26677) (дата обращения 20 декабря 2020).
16. Там же.

17. *Ботмаев М.* Вместе -180 лет // <http://www.elbrusoid.org/articles/society/359325/> ((дата обращения 18 декабря 2020).

18. *Оразаева Л.* В Кабардино-Балкарии Дни вхождения Кабарды и Балкарии в состав России отметили отдельно // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/212119/> (дата обращения 14 января 2021).

19. *Умаров С.* О вхождении Балкарии в состав России // <https://xn----7sbablennmsiu1dzd9c.xn--p1ai/analitika/414-o-vkhozhdenii-balkarii-v-sostav-rossii> (дата обращения 15 января 2021).

20. *Шахманова М.* Архивная служба КБР представила выставку, посвященную присоединению Кабарды и Балкарии к России // https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/archive/index.php?ELEMENT_ID=16730 (дата обращения 18 декабря 2020).

21. *Дзамихов К.Ф.* От военно-политического союза к колониальной политике // Советская молодежь, 1994 г.; его же. Адыги: вехи истории. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е - начало 1770-х гг.). Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI-XVII вв. (исследования и материалы). ... Нальчик: Эльбрус, 2008. — 816 с.

22. *Маратова Л.* Балкарцы назвали общественно важным подтверждение даты присоединения к России // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/344523/> (дата обращения 18 января 2021).

23. Указ Президента Кабардино-Балкарской Республики от 25 марта 1994 г. N 19 «Об установлении дня возрождения балкарского народа» (<https://base.garant.ru/30516382/>) (дата обращения 23 декабря 2020).

24. <https://tass.ru/obschestvo/8104303> (дата обращения 23 декабря 2020).

25. *Муратова Л.* Муфтият КБР назвал пышные похороны противоречащими исламу // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/345235/> (дата обращения 13 декабря 2020).

26. Fatwa-COVID-19.doc: <https://umma.ru/fetva-dum-rf-po-covid-19-koronavirusu> (дата обращения 23 декабря 2020).

27. Рекомендации по порядку захоронения умерших с подтвержденным заражением новой коронавирусной инфекцией (приложение N 1 к письму Роспотребнадзора от 20.04.2020 N 02/7365-2020-24): // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=365283> (дата обращения 27 декабря 2020).

28. <https://www.interfax.ru/russia/700455> (дата обращения 23 декабря 2020).

29. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/352219/> (дата обращения 21 декабря 2020).

30. <https://pravitelstvo.kbr.ru/pravitelstvo/docs/288.pdf>(дата обращения 28 декабря 2020).

31. *Чернышева М.* В казачьих станицах идут митинги в защиту своей земли// <https://sk-news.ru/news/authority/65551/> (дата обращения 23 декабря 2020).

32. *Маратова Л.* Глава колхоза Петровых объяснил неуплату налогов проблемами хозяйства (<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/355969/>) (дата обращения 21 декабря 2020)

33. *Измайлова П.* Как казаков лишили земли, воли и работы (<https://akcent.site/5/11437>) (дата обращения 20 декабря 2020).

34. <https://eacs.center/news/v-kbr-chleny-kolhoza-imeni-petrovyh-vyshli-namiting-v-zashitu-hozyajstva> (дата обращения 23 декабря 2020).

35.https://akcent.site/mneniya/11457?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 25 декабря 2020).

36. *Маратова Л.* Активисты в Кабардино-Балкарии потребовали прозрачного распределения земель // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/355784/> (дата обращения 26 декабря 2020).

Билалов Мустафа Исаевич,

доктор философских наук, профессор

Дагестанский государственный университет,

Дагестанский федеральный исследовательский центр,

Махачкала

ЦЕННОСТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Даже очень простые пожелания обнаруживают в нашем сознании свою подлинную значимость лишь со временем. Передо мной сборник двадцатилетней давности, выпущенный Центром системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. В дни III Российского философского конгресса в Ростове-на-Дону он подписан мне ответственным редактором, директором Центра В.В. Черноусом «на добрую память о совместной работе». Уверен, такое пожелание от Виктора

Владимировича получили десятки и сотни коллег известного российского ученого-кавказоведа, автора многочисленных научных статей, монографий и учебников, идеи которых внесли весомый вклад в развитие гуманитарной науки и образования Юга России. Научное сообщество высоко оценило обоснование В. Черноусом концепции кавказской горской цивилизации, выявление этапов ее взаимодействия с русской цивилизацией, значимый для современной политики анализ постсоветских региональных и этнических элит на Юге России. В Дагестане доброй памятью благодарны Виктору Владимировичу за активное участие в научных форумах, за поддержку молодых ученых советом и реальной помощью.

И сегодня в северокавказском общественном сознании методологически значимы идеи В. Черноуса о вредности либерально-радикальных преобразований в России, русофобии, ориентации части северокавказских исследователей на формирование «этноцентристских мифов», на замыкание «в национальных квартирах», на стирании «границ между наукой, публицистикой и просто отдельными (часто агрессивными) представлениями» и т.п. [1].

Наша научная зрелость была синхронна, да и тематика наших научных изысканий во многом была параллельна, пересекаясь в ключевых точках по философскому анализу региональной культуры. Основное направление моих теоретических интересов – теория познания и истины. Но мои идеи о взаимосвязи познавательной культуры и религиозного сознания как форм общественного сознания с раскрытием гносеологического содержания философии суфизма нашли понимание В. Черноуса. Ему были близки идеи о том, что исповедание суфийского ислама способствует культивированию народами Северного Кавказа и Юга России определенных познавательных традиций, норм, идеалов, способов, стереотипов творческой активности людей, интеграция которых с другими историческими ценностями становится детерминантом национальной идентичности [2]. Разумеется, значительно большую и детальную картину влияния суфизма на культуру северокавказских народов обрисовал в своих трудах давний друг и единомышленник В. Черноуса известный философ, академик Чеченской АН В.Х. Акаев [3].

В данной статье, посвященной памяти профессора Виктора Владимировича Черноуса, я обосновываю идею о внутреннем родстве русских

и северокавказских этносов на базе интеграционных факторов, имеющих многовековую историю. В этой связи значима близость православия и ислама, которая, как нам представляется, зиждется на сходном толковании этими религиями такой ключевой ценности духа, как духовное. В целом же, в основу близости духа народов автор кладет фундаментальные, емкие, интегральные духовные интенции, детерминированные специфическими истоками, то, что может быть названо на языке философии онтологической основой человеческой духовности – разума, творчества, воли, эмоций, морали, свободы... Те ценности, которые устойчивы в эпоху глобализации, и являются идентификационными признаками народов и именно на их базе возможно сближение и единство народов.

Выявление этих ценностей облегчает ответ на вопрос: что составляет базовые ценности единства народов евразийского мира? Безусловно – и русский народ, и северокавказские народы, едины и евразийскими параметрами. Оно, это единство, на наш взгляд, состоит из общности суфизма и евразийства как синтетических религиозных и ментальных элементов духа этносов, которые в свою очередь продуцированы веками из природно-климатических, географических, социально-экономических и т.п. истоков, которые могут быть названы кодовыми, генетическими истоками духа и культуры.

В цивилизационных истоках национального духа евразийских народов есть изначальная ориентация не на всевозрастающее материальное производство и потребительство, а на аскетическую умеренность, основанную на приоритете духовных ценностей. Идущий еще с античности утилитаризм, прагматизм, гедонизм и т.п. умонастроения европейцев встречает сопротивление в евразийской культуре со стороны ценностей самоограничения, воздержанности, умеренности. Но не только это сближает евразийство с суфизмом. Среди идеалов евразийства доминируют такие ценности, как чувственность, сердечность, бессердечному европейскому рационализму противостоит теплота человеческих отношений и самопожертвование, индивидуализму – братская взаимопомощь и коллективизм.

Эти ценности близки и суфизму. Нередко суфизм пытаются втиснуть в рамки мусульманского мировоззрения, и хотя известность и раз-

витие он получил в этом вероисповедании, однако суфизм емок и экуменистичен. В то же время, он примечателен специфической стратегией и стилем мышления его адептов. Антропологи давно заметили, что перечень культурных универсалий нужно дополнить ценностями и образом мышления (К. Клакхон). Скажем, тот же иррационализм, формами проявления которого нередко оказываются вера и интуиция, заметно сказывается в традициях и обычаях, исповедующих мистический ислам народов. С иррационализмом и мистицизмом, исповедующих суфийский ислам народов, связана их немногословность, даже культивирование молчаливости в их образе жизни. «Лучше обнаруживать свой ум в молчании, нежели в разговорах» - этот афоризм Артура Шопенгауэра точно отражает интеллектуальную позицию суфиев.

Молчание в суфизме обретает не просто символический смысл, оно глубоко укоренено в интеллектуальную жизнь этносов, экстраполируясь на иные проявления духа и суфийскую ритуальную практику, культивирующую самоограничение, скромность, вдумчивость... «Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности», считал великий знаток соблюдения меры во всем Мишель Монтень. Суфийская мыслительная стратегия уводит коренные народы Северного Кавказа от категоричности и неоднозначности рассуждений, от поверхностного восприятия мира, примитивизации мышления... Не зря здесь популярны суфийские притчи и анекдоты. Ходжа Насреддин шел по дороге и нашел подкову. «Ну вот, - радостно сказал он, - осталось найти три подковы и одного коня, и я не буду пешком ходить».

В то же время, абсурд, парадоксы, даже ересь могут оказаться началом великих истин. Суфий, персидский поэт-мистик Баба Кухи Ширази знал, что говорил: «Друг мой, иногда на челе абсурда проявляется Истина». Или, как выразился американский писатель Вик Моул: «Абсурд – это впечатление, не вмещающееся в черепную коробку, пока ее не перетряхнёшь». Нередко эти неразумные начала истинных мыслей сопровождаются эмоциональными и аффективными состояниями: «Парадокс – это мысль в состоянии аффекта», писал немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии Герхард Гауптман. Но тот же парадокс, как и абсурд, - тлеющий огонь истины. «Парадокс, - по мнению Теодора Ойзермана, со-

ветского академика-философа, - обычно фиксирует ту часть истины, которую считают неуместным высказывать напрямик». То есть абсурд и парадокс культивируются суфизмом не только как проявление иррациональности, но и выступают иносказательностью, лицемерием и т.п. Все это, интегрированное в специфическую стратегию, образ и стиль мышления, характерно всему евразийскому ареалу народов.

Не только ментально-психологические и гносеологические нормы сближают русский и северокавказские народы, но близость в толковании фундаментальной ценности религий – духовности. «В соответствии с кораническим представлением мир духовного состоит из трех сфер: 1) божественный дух; 2) человеческий дух (душа); 3) духовное как коллективный разум социума, который скрепляет и облагораживает мусульманскую умму (общину) [4]. Осмысление духовности – избранная и излюбленная проблематика русских религиозных философов, но наиболее убедителен и выразителен Н. Бердяев. Он обращал внимание на то, что духовность - соединение человеческого с божественным. Именно на этом «нисхождении», соединении человеческого с божественным духовность становится человеческой. При этом «человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своих ближних, но и за судьбу своего народа, человечества и мира» [5]. Этот державный, патристический, соборный, коллективистский дух един своими смысловыми паттернами и православием, и исламу.

Не буду останавливаться подробно и ограничусь ремаркой: интеграция ценностей суфизма и православия привела к формированию единой фундаментальной для современной политики и демократии ценности – свободы. Она противостоит ее традиционно европейскому философскому осмыслению, легшему в основу пресловутых либералистических прав и свобод личности, в которых В. Черноус также усматривал проблемы теоретического и политического характера для России. Никто не отрицает – Европа так же колыбель России, но она в кризисе, уходящая цивилизация, а у русского и других российских народов есть выбор альтернативных идеалов, в том числе свободы.

Запомнился симпозиум Всемирного философского конгресса в Афинах (2013 год) с его категоричным выводом, озвученным француз-

ским философом Ж. Феррари: любая философия исходит из религии. Моему советски-марксистски формировавшему мировоззрения, согласно которому кроме гносеогенной (Спенсер) и мифогенной (Гегель, Лосев) концепции происхождения философии альтернативы нет, это услышать было в новинку. Сегодня я ближе к методологической установке – доминирующей близости религии и философии, превосходящую все другие связи философии с иными формами общественного сознания. Вот почему в данной статье я высоко оцениваю связи суфизма и православия в своих философских и политологических выводах.

При преобладающих общественных умонастроениях, и даже в отечественных научных исследованиях теснее увязать русский национальный дух с европейским, все же надо учесть разительное несоответствие коллективистских и общинных тенденций православия с индивидуализмом того же католического христианства. Коллективистски облагороженная духовность органически соединено с ментально специфичными для российских этносов историческими формами солидарности (соборность, общинность, джамаатство, коммунитаризм и т.п.). Я отнюдь не отношу всю западноевропейскую культуру в сферу индивидуалистических умонастроений и концепций. Так, примечательна высокая оценка солидарности одним из видных постмодернистов и современных авторитетов западной философии Р. Рорти в контексте противопоставления ее объективности. Когда человек (индивид, этнос, социум...) вырабатывает ощущение самотождественности через отношение к чему-то нечеловеческому (Богу) (чему-то, что было бы и без людей) – это объективность. Но если смысл жизни и нравственная идентичность обретается в отношениях с людьми – то мы имеем дело с солидарностью [6]. Таким образом Р.Рорти неявно на стороне очеловеченной духовности российских этносов, которая близка к коммунитаризму и солидарности.

Можно согласиться с В.Черноусом о социоразрушительном характере либеральных идей и иерархии ценностей. Этот факт не до конца осознан даже официальной политикой РФ, во всяком случае, реальный поворот от слепого копирования Запада и подчинения его пагубной для России политике наметился лишь в последние годы – в связи с событиями на юге-востоке Украины, кризисом в Евросоюзе, с избранием Трампа президентом США и его антилиберальной идеологией... Да и недавнее

шоу с избранием нового президента США Д.Байдена – свидетельство тошнотворного эффекта от либерализма в современном Западе.

Идеи В. Черноуса о вредности либерально-радикальных преобразований в России должны стать основополагающими для кавказоведов, для всех патриотически настроенных исследователей культуры и этноконфессиональных отношений на Юге России. Русофобские настроения как рецидив дальнего прошлого и рецидив начала 90-х XX века в ряде исследований на Северном Кавказе должен быть преодолен новой методологией модернизации. В условиях кризисных проявлений в образовании и науке, методологических шатаний под видом теоретического плюрализма непросто справиться с ориентацией части северокавказских исследователей на формирование «этноцентристских мифов», на замыкание «в национальных квартирах», на стирании «границ между наукой, публицистикой и просто отдельными (часто агрессивными) представлениями» и т.п. Для всего этого необходим господствующий собственный национальный дух, проявляемый в идейно-интеллектуальном суверенитете государства.

Похоже, что эти задачи долговременные. Но у нас есть богатое историческое наследие культур наших народностей. У нас есть теоретико-методологическое наследие В.В. Черноуса, его коллег и единомышленников, верных стратегическим установкам Ю. А. Жданова, В.Е. Давидовича, Ю.Г. Волкова, Г.В. Драча и других родоначальников ростовской школы культурологов и кавказоведов, и это вселяет оптимизм в формирование единой гражданской и национальной идентичности северокавказских народов и их прогрессивное будущее.

Литература

1. *Черноус В.В.* Социально-политический процесс на Юге России: от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанного единого гражданства // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления/ Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.6. Отв. редактор В.В.Черноус. –Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. С. 7.

2. *Билалов М.И.* Гносеологический анализ исламской культуры Юга России//Исламский фактор на Юге России. Сборник научных статей /под редакцией И.П.Добаева и В.В.Черноуса // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и

ИСПИ РАН. Вып.72. М. -Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания. 2012. С. 103-114.

3. *Акаев В.Х.* Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты/Отв.ред. Г.В.Драч. - Изд. 2-ое, перераб. и доп. –Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011. Акаев А.Х. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. -514 с.

4. *Кушаков Ш.С.* Проблема духовного в теологии и философии мусульманского Востока // Исламская культура и мировая цивилизация / под ред. Д.А. Гущина, Ю.Н. Солоница, М. Санаи. –СПб, 2001. С. 206-207.

5. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого / вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. –М., 2003. С.444.

6. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. Пер. в англ. И.В.Хестановой и Р.З.Хестанова. - М.: Русское феноменологическое общество. 1996. 280 с. // <http://ru.scribd.com/doc/50216426/>.

Боташева Асият Казиевна,

профессор кафедры журналистики,

медиакоммуникаций и связей с общественностью,

Институт международных отношений,

Пятигорский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Политическая элита – это часть социума, которая зарекомендовала себя на политическом олимпе как претендующая осуществлять властные полномочия, претендующая на управление массами. Конечно, политическую элиту порождает в большей мере социальное неравенство, нежели разница в таланте или индивидуальные духовные, или иные различия. Большое значение имеют элитное образование, успех в профессиональной деятельности, завышенные амбиции, компетентность в сфере интереса, авторитет в обществе, нужные связи, напористость и т.д.

Характеризуя политическую элиту, В.А. Крючков, А.К. Сковиков и О.Н. Титова пишут: «Объединяя многочисленные определения элиты,

можно выделить наиболее распространенные характеристики элиты: господство и эксплуатация (К. Маркс), высший уровень компетентности (В. Парето), способность организовывать жизнь общества (Г. Моска), авторитет, моральное превосходство (С. Келлер, Л. Боден), престижность (Г. Лассуэлл), творчество (А. Тойнби). Отмечая относительность понятия «элита», тем не менее большинство авторов сходятся на том, что главной чертой элиты остается реальная власть, способность и возможность влиять на развитие событий, доступ к ресурсам, высокое положение в обществе. Элита – меньшинство, организующее существование большинства» [9].

Вопросы, касающиеся особенностей формирования и развития российской политической элиты, относятся к разряду дискуссионных. Ученые Южно-Российского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ, исследующие российскую и региональную политическую элиту, фиксируют широкий разброс мнений о степени сформированности российской элиты пишут: «В 2016 г. около 80% экспертов выделили оценочную позицию «квазиэлита», и замечают, что «По сравнению с результатами экспертного опроса 2013 г., оценки существенно сместились в негативную сторону» [1]. Представители ростовской школы предполагают, что «ни состав, ни стиль управленческой деятельности, ни легитимность современных элит не являются устоявшимися. А по ряду показателей элиты проявляют себя в девиантных формах» [5]. Эксперты подчеркивают, что в условиях новых политических и экономических вызовов, формируемых геополитическими противниками России, традиционные модели лидерства можно отнести к старому инструментарию, соответственно, нужна оптимизация структуры власти, нужны «новые подходы, содержащие не только традиционные методы повышения эффективности управленческой деятельности, но и стратегии, позволяющие находить оптимальный путь достижения цели» [11]. Описывая региональные элиты в целом, ученые справедливо замечают «сужение эффективности механизмов демократического отбора в состав элиты и усиление продвижения в карьерном росте «нужных людей», их приоритетной нацеленности на личные и групповые интересы» [1].

Данные экспертно-аналитического центра «Юг», который во взаимодействии с федеральной экспертной сетью «Клуб регионов» провел

совместное исследование конфликтов элит в СКФО и Южном Федеральном округе (ЮФО), подтверждают выводы политологов Ростовской научной элитологической школы. Опубликованные в 2020 г. материалы исследования говорят о том, что «конфликты элит оказались одними из самых напряженных на юге страны», а на втором месте по степени конфликтности элит из 15 возможных расположилась Карачаево-Черкесская Республика [8].

Карачаево-Черкесская Республика (КЧР) в течение всего постсоветского периода характеризуется как республика, где сильны тенденции конфликта элит: исследователи всегда указывали на сложности межнациональных отношений, растущий процент преступности, в том числе и среди молодежи, неконтролируемую миграцию, активизацию наркооборота, радикальных религиозных группировок и т.д. В настоящее время часть перечисленных проблем региона не столь вызывающе актуальны как в конце прошлого века, но представленные экспертно-аналитическим центром «Юг» результаты исследования – «Рейтинг конфликтности элит в регионах Юга России» - свидетельствуют о том, что уровень конфликтности элит в КЧР возрос и достиг критической отметки: восемь баллов из десяти. Дополнительно несоразмерно растет и активность оппонентов существующим элитам в республике. Соответственно, делают вывод эксперты, глава республики Рашид Темрезов находится под большим давлением со стороны противостоящих сторон, нежели его коллеги из других регионов СКФО. Следовательно, главная цель Р. Темрезова – максимально продлить срок на посту главы республики, поскольку для данной политической фигуры, по мнению аналитиков, важно обеспечить назначение преемника, а также обеспечить возможность избежать возможного уголовного преследования, которое возможно в силу отсутствия баланса интересов политических элит в республике [8]. Дальнейшую политическую устойчивость главы республики эксперты сочли как «очень низкая» [8].

Заметим, что в КЧР, где традиционно нет единства в видении политико-экономического курса республики, действительно сильны тенденции разбалансировки политических элит. Тем не менее, начиная с 2011 г. Р. Темрезов беспрерывно возглавляет республику, следовательно, молодой политик пользуется поддержкой как влиятельных кланов республики,

так и поддержкой федерального центра; во-вторых, не имея большого политического опыта, сумел найти баланс и добиться равновесия в непростых условиях постоянного прямого и смежного конфликта элит в республике. Все же можно смело прогнозировать, что окончание полномочий главы республики в сентябре 2021 года действительно даст начало новому усиленному витку конфликта политических элит в республике.

Для более высокого накала политического противостояния элит в республике существует ряд объективных и субъективных причин. Комплекс детерминант включает такие слагаемые, как исторические основания недовольства; предельно высокое социальное расслоение населения; падение доходов среднестатистического жителя республики; стратегическая важность территориального расположения республики, которая граничит со Ставропольским краем на севере, с Краснодарским краем на западе, на востоке с Кабардино-Балкарской Республикой и на юге административная граница КЧР совпадает с государственной границей РФ с Грузией и Абхазией. Дополнительную роль играет «этнизация конфликта, спекуляция на существующих или надуманных этнорелигиозных, этнолингвистических и других противоречиях» [12], и это тот ресурс, к которому целенаправленно прибегают оппозирующие существующей власти стороны в многонациональной республике. Так, в ноябре 2018 г. была подписана массовая петиция на имя президента страны со стороны черкесов и абазин, в которой содержалась просьба вывести их из состава Карачаево-Черкесской республики. Петиция мотивировалась этническими притеснениями, нарушениями негласного национального паритета (распределение значимых постов в республике между представителями пяти этносов). Ранее подобные претензии озвучивались в письме на имя президента страны, в котором речь шла о сохранении поста руководителя УФСН России по КЧР за представителем абазинской диаспоры [10].

В активизации соперничества элит играет большую роль и параллельно способствует новой расстановке сил и борьба с коррупцией в республике. Начавшееся в 2019 г. противодействие крупным криминальным группировкам затронуло интересы значимых политических фигур региона, в частности, Рауля Арашукова (советника гендиректора «Газпром межрегионгаз») и Рауфа Арашукова (сенатора РФ), против которых были заведены уголовные дела. По данным СМИ, организация организованной

преступной группировки названными лицами сопровождалась налаживанием связей не только в рядах высшего чиновничьего аппарата, но и в правоохранительных органах – существовал «правоохранительный блок, который прикрывал Арашуковых: 10 - 12 человек на самых высоких позициях» [6].

Аналогично в 2020 г. правоохранительный блок региона очищался в связи с реанимацией уголовных дел, связанных с деятельностью А. Каитова, ранее осужденного за убийство семи человек. Как пишут СМИ, «Сейчас ведется расследования о хищениях на сумму около 1 млрд рублей в энергетической отрасли КЧР, которая до последнего времени была под контролем Каитова. Расследуется с десятков дел о хищениях по линии Автодора. Это предприятие полностью контролировалось Каитовым, а в его руководстве были сплошь его родственники и друзья. Ведутся дела о хищениях средств по линии Водоканала, который вообще загадочным образом перешел в собственность семьи Каитова. А еще сейчас поднимают некоторые нераскрытые убийства, произошедшие в республике...» [2].

Открытое противоборство элит проходило и в связи с проходившими в 2020 г. выборами главы города Черкесска, столицы КЧР. Задействованы были сторонники бывшего мэра Черкесска, ныне покойного С. Дерева; руководителя Автодора А. Каитова; исполняющего обязанности главы города Е. Беланова и др.

При этом каждое значимое политическое событие в республике сопровождается мобилизацией оппозиции главе республики. По мнению политолога Е. Щербины, «в преддверии окончания в 2021 г. губернаторского срока в республике начинаются политические игры», в связи с чем активизируются информационные вбросы и откровенные фейки [3].

Таким образом, для наличия постоянного конфликта элит в республике существует ряд условий, которые детерминируют всплески политических скандалов, образование группировок и ставок на разных лидеров. Как пишут по этому поводу А.А. Эбзеев и У.М. Аджиев, «в полиэтничных субъектах РФ формирование нового опыта управления привело к «раздвоению» функций региональных элит: наряду с явными функциями, которые они должны были выполнять в структуре государственного управления, у них имелись и латентные, доминировавшие над явными». По мнению политологов, есть функции, закрепленные в конституциях

субъектов федерации, соответственно, которые должны учитываться в деятельности политических элит, и есть параллельно существующие требования федерального центра. Само изменение формирования политической элиты в постсоветской России привело к ротации сформировавшейся в период СССР политической элиты, бывшей партийной и советской номенклатуры. А формирование принципиально новой системы взаимоотношений между центром и регионами вызвало определенный дисбаланс в функционировании новой политической элиты как в центре, так и в регионах [14].

Действительно, XXI век является уникальным в своем роде веком, поскольку развитие технологических возможностей человека, развитие науки и новых технологий в виде роботостроения, нанотехнологий, цифрового мира и т.д. – вышло на новый качественный уровень. Но что касается форм государственного устройства – они остаются прежними: унитарное государство, федеративное и конфедеративное. Не призывая менять веками сложившиеся формы государственного устройства, все же заметим, что большинство ведущих стран тяготеет и явно принадлежит к категории федеративного устройства. Так, страны Европы поделены на отдельные административно-территориальные единицы, где входящие в состав земли государства имеют полную юридическую и политическую самостоятельность, хотя при этом сохраняется подчинение единому федеральному центру. США, которые в свое время целенаправленно и сознательно пошли по пути федерализма, преследуют цель демократической децентрализации власти. И главная причина подобной структуризации власти заключается в том, что это единственный способ, который может гарантировать предотвращение узурпации власти, гарантировать исключение захвата власти авторитарным правителем.

Российские ученые, рассматривая российский федерализм, высказывают более пессимистические суждения и задаются вопросом: «Российский федерализм на современном этапе: развитие или имитация?» [4], или определяют российский федерализм как «унитарный федерализм» [13]. Исследователи учитывают, что в России отношения между федеральным центром и субъектами федерации традиционно строятся на жесткой форме, что отражается в законодательной сфере. По предположению С.В. Турусина, свидетельством унитаризации Российской Федерации являются следующие тенденции и положения:

- федеральный центр самостоятельно осуществляет «исчерпывающее законодательное регулирование по всем вопросам совместного ведения»;
- сокращается разграничение компетенции между Федерацией и ее субъектами;
- руководители федеральных округов наделены контрольными полномочиями по отношению к региональным органам власти;
- аппарат полномочного представителя президента получил контроль над ключевыми органами регионов и т.д.

Перечисленное говорит о возможности формирования, во-первых, подобных органов исполнительной власти в федеральных округах, во-вторых, в Российской Федерации складывается некий промежуточный между региональным и федеральным уровнем власти. С.В. Турусин приходит к правомерному выводу, что подобный уровень контрольной власти не предусмотрен Конституцией, и в результате мы видим отсутствие у федерального уровня власти механизмов контроля за деятельностью полномочных представителей, то есть отсутствует «контроль за контролерами» [13].

Лишенные политической и экономической самостоятельности, губернаторы находятся под «давлением» как «центра», так и местных элит. В результате конфликт политических элит, который призван выполнять роль противовеса и сдержек, вырабатывать некий консенсус в обществе, превращается в «войну» компроматов; громких политических лозунгов; в продвижение под предлогом борьбы с политическими конкурентами частных экономических интересов. Наблюдается усиление клановой централизации (поскольку устоять в бушующем политическом пространстве возможно сплотившись по определенному признаку, и не обязательно родственному); продолжается политизация неполитических факторов: экономических, экологических и иных гражданских инициатив.

В КЧР новые политические элиты дополнительно воспроизводятся в силу:

- стремления иметь такие же преференции, как и другие политические силы, находящиеся на вершине власти;
- сохранить собственный бизнес и защитить его от посягательств временной клики, находящейся у власти;
- стремления обогатиться за счет губернаторской должности;

- иметь преференции от распределения бюджетных средств и привилегий должностей, близких к губернаторскому окружению;
- желая вложить экономический капитал в политическую силу;
- отсутствия возможности влиять на законодательные инициативы в регионе;
- лоббирования интересов отдельных влиятельных кланов;
- наличия в республике высокого децильного коэффициента дифференциации;
- роста индекса Джини в целом по стране, в том числе и в КЧР и т.д.

Как результат, в маленькой республике КЧР сильна тенденция сплачиваться вокруг множества разных политических фигур, высок плюрализм противоположных мнений.

Как справедливо указывает глава федеральной экспертной сети «Клуб Регионов» и руководитель экспертного совета аналитического центра «Юг» С. Старовойтов, в условиях политической конкуренции выстраивается ряд возможных оппонентов губернаторам: [12]

- из числа федеральных акторов в качестве конкурентной политической элиты могут выступить отдельные представители администрации президента, члены Совета Федерации, депутаты Госдумы, представители полпредств, а также влиятельные бизнесмены и представители госкорпораций;

- из числа региональных акторов на этот пост претендуют: лидеры парламентских партий, местных политических элит, влиятельные бизнесмены регионального масштаба, депутаты;

- губернаторы других регионов – в ситуации конкуренции за средства федерального бюджета и масштабные инфраструктурные проекты, наличия территориального спора, личного конфликта;

- лидеры общественного мнения, изначально нацеленные на ключевые посты федерального и регионального уровня;

- влиятельные общественники, выступающие в том числе и за «зеленую» повестку дня.

В этот список добавим лидеров общественного мнения, лидеров политической оппозиции, звезд телевидения и шоу-бизнеса, лидеров финансово-промышленных групп и других известных людей, поддерживающих протестную существующей власти риторику.

Как предполагают аналитики, конфликт элит в КЧР является обостренным отражением тех же процессов, которые происходят на федеральном уровне, на уровне «борьбы кремлевских башен» [12]. Данные исследований свидетельствуют о необходимости постоянного мониторинга конфликтности в республике, дальнейшего экспертного анализа конфликта элит в регионах, так как эскалация конфликта между политическими элитами и «его выход из-под контроля могут серьезно расшатать политическую систему государства или региона, снизить уровень легитимности власти и привести к ее параличу» [12].

В заключение отметим, что республика, как и в целом вся Россия, может развиваться как эволюционным, так и инволюционным путем. От компетентности российских федеральных и региональных политических элит зависит дальнейший ход реформ, формирование курса как внутренней, так и внешней политики, наличие баланса между разными политическими курсами развития, рост благосостояния народа. Единение политических элит, нахождение консенсуса между разновекторными политическими интересами будет способствовать укреплению российского общества, которое как никогда необходимо в силу усиления агрессивно настроенного глобалистского нажима на Россию.

Национальные интересы России диктуют новые правила для политической элиты, которая должна помнить об ответственности перед россиянами, быть готовой к воплощению реформ и нововведений, которые будут соответствовать решениям просвещенной, образованной части элит, а не той части политической элиты, которая озабочена обогащением, одновременно имитируя бурную деятельность на благо общества. Как пишет по этому поводу А.Г. Канкиа, «И если ныне правящая российская элита и дальше будет позорно имитировать развитие, то может произойти такой социальный взрыв, который произошел в свое время в Тунисе, Киргизии и Египте» [7]. Сказанное означает освобождение рядов российской политической элиты от коррупционеров и некомпетентных руководителей; акцентирование внимания элит на существующем в обществе нравственном и культурно-образовательном инструментарии. Элитам необходимо корректировать свою деятельность в соответствии с принципами, ориентированными на решение общегосударственных проблем, общечеловеческих нужд. Речь идет и «человеческом измерении»

деятельности, основное призвание которой – общественное благо в первую очередь.

Литература

1. Батанина И.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В. О состоянии и механизмах рекрутинга современной российской политической элиты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 3-15.

2. В Карачаево-Черкессии полным ходом идет зачистка региона от одного из самых криминальных кланов республики, который возглавляет Али Каитов, ранее отсидевший срок за убийство семи человек. URL: <http://infopressa.com/2020/10/06/russica2-v-karachaevo-cherkessii-polnym-hodom-idet-zachistka-regiona-ot-odnogo-iz-samyh-kriminalnyh-klanov-respybliki-kotoryi-vozglavljaet-ali-kaitov-ranee-otsidevshii-srok-za-ybiistvo-semi-chelov/> (дата обращения: 16.01.2021).

3. В КЧР обсуждают интриги с выборами мэра Черкесска и вокруг Темерезова. URL: <https://capost.media/news/politika/kcr-discuss-with-intrigi-wyborami-of-the-mayor-of-cherkessk-and-around-glwy-kcr/> (дата обращения: 16.01.2021).

4. Заметина Т.В. Российский федерализм на современном этапе: развитие или имитация? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6(125). С. 22-33.

5. Змяк С.С., Артюхин О.А. Региональные элитологические исследования (Ростовская научная школа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. №. 4. С. 149-159.

6. Как семья Арашуковых воровала миллионы, превращая пенсионеров в должников: расследование Ульяны Скойбеды. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26947/3998976/> (дата обращения: 16.01.2021).

7. Канкиа А.Г. Влияние политической элиты на формирование внешне-политического курса государства // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 3. URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/10138> (дата обращения: 16.01.2021).

8. Конфликты элит в КЧР оказались самыми напряженными в СКФО. URL: <https://politika09.com/politika/konflikty-elit-v-kchr-okazalis-samymi-naprjazhennymi-v-skfo/> (дата обращения: 16.01.2021).

9. *Крючков В.А., Скочиков А.К. и Титова О.Н.* Политическая элита: теоретический аспект // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11 (часть 8). С. 1736-1740.

10. Межнациональный конфликт в Карачаево-Черкессии: черкесы и абазинцы просят Путина вывести их из состава республики. URL: <https://stolica-su/archives/166992> (дата обращения: 16.01.2021).

11. *Понеделков А.В., Воронцов С.А.* Лидерско-элитная составляющая современного российского политического управления на региональном уровне // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 1. С. 134-138.

12. Рейтинг конфликтности элит в регионах Юга России. URL: <http://club-rf.ru/theme/531> (дата обращения 27.01.2021).

13. *Турусин С.В.* Унитарный федерализм: сущность и исторические формы // *Вестник Самарского государственного университета*. Серия: экономика и управление. 2013. № 7(108). С. 74-79.

14. *Эбзеев А.А., Аджиев У.М.* Геостратегия этнических элит региона (на примере Северо-Кавказского региона) // *Социально-гуманитарные знания*. 2011. № 8. С. 62-74.

Джабраилов Юсуп Джабраилович

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,

Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН
(Махачкала, Республика Дагестан)

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ (ГРАЖДАНСКОЙ) ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье на основе результатов социологического опроса дагестанской молодежи устанавливается взаимосвязь компонентов религиозной и национальной (гражданской) идентичности через отношение к социальной категории как «граждане России».

Ключевые слова: религиозная идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность, религиозность, ислам, христианство, конфессия

Как известно, вопросы религиозной и конфессиональной идентичности прочно вошли как в повестку международной политики, так и в общественный дискурс России. Следовательно, когда перед Россией стоит вопрос укрепления единства российской нации, то вопросы взаимовлияния социальных идентичностей ее народов в современный период требуют своего осмысления. Анализ процесса трансформации религиозной идентичности дагестанцев и установление существующих в массовом сознании тенденций дальнейшего ее развития в полиэтническом обществе требуют глубокого социологического исследования.

Длительное взаимодействие этнических и религиозных компонентов в историческом развитии обуславливает глубокое проникновение религии в психологию народов с охватом почти всех областей общественной и личной жизни людей: культуры, политики, нравов, обычаев и т.д.

На заседании президентского совета по межнациональным отношениям В Путин отметил: «Наша базовая задача заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди, независимо от своей этнической, религиозной принадлежности, осознавали себя гражданами единой страны. В этом залог устойчивого успешного развития нашей страны» [1].

Наибольший рост интереса к религии, в частности, отождествления себя с мусульманской верой наблюдается в молодежной среде. Таким образом, с целью определения возможной религиозной дискриминации и ее влияния на процесс формирования национальной (гражданской) идентичности было проведено анкетирование среди студентов старших курсов, практически всех крупных вузов Республики Дагестан.

Всего был опрошено 560 молодых людей 16 национальностей (32 чел. или 5% не указали своей национальности). Среди респондентов были представлены все народы Дагестана: аварцы – 201 (36%); даргинцы – 94 (17%); лезгины – 78 (14%); кумыки 44 (8%); лакцы – 37 (7%); табасаранцы – 20 (4%); русские 18 (3%); азербайджанцы – 9 (2); рутульцы – 7 (1); цахуры – 7 (1); агульцы – 6 (1) и др. – 7 (1 %). Из опрошенных 378

(67 %) указали место проживания город, а 182 (33 %) село, мужского пола - 277 чел. (49%), женского – 283 (51%).

Социологическое исследование проводилось методом сплошного анкетного опроса.

Результаты исследования подтвердили характеристику религиозной ситуации Дагестана как региона с высоким уровнем религиозности населения.

Таблица 1

«Считаете ли Вы себя верующим человеком?»

Варианты	<i>(в % от общего количества опрошенных)</i>
Да, считаю	84,7
Нет, не считаю	5,9
Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то вероисповеданию	5,1
Затрудняюсь ответить	4,3

Так, результаты ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» (таблица 1) показали, что верующими являются – 84,7 % респондентов, не относят себя к категории верующих – 5,9 %, верят в высшие силы, но не относят себя к определенному вероисповеданию – 5,1 % и затруднились ответить – 4,3%.

Таблица 2

«Если Вы религиозный человек, к какому вероисповеданию или религиозному течению Вы себя относите?»
(в % от общего количества опрошенных)

Варианты	<i>(в % от общего количества опрошенных)</i>
Ислам	88,1
Христианство	2,5
Агностицизм, атеизм	1,5
Затрудняюсь ответить	7,9

Республика Дагестан в этноконфессиональном отношении регион с явным доминированием мусульманского населения (около 96%). Из распределений ответов на вопрос «Если Вы религиозный человек, к какому вероисповеданию или религиозному течению Вы себя относите?» (таблица 2) видно, что среди опрошенных респондентов мусульманами являются 88,1 % респондентов, 2,5 % христиан, 1,5 % агностиков и атеистов и затруднились ответить около 7,9 % респондентов.

Таблица 3

«Если Вы религиозный человек, соблюдаете ли Вы все обязательные предписания вашей религии?»
(в % от общего количества опрошенных)

Варианты	(в % от общего количества опрошенных)
Да	40,7
Нет	14,5
Выполняю частично	37,9
Затрудняюсь ответить	6,9

Для дифференциации (разграничения) верующих по степени их религиозности в ходе социологического опроса был задан вопрос «Если Вы религиозный человек, соблюдаете ли Вы все обязательные предписания вашей религии?» (таблица 3). Получены следующие результаты: все религиозные предписания соблюдают 40,7 % респондентов (*назовем их условно глубоко верующие*), о частичном соблюдении религиозных предписаний (*верующие*) – 37,9 %, не выполняют религиозных предписаний (*колеблющие между верой и неверием*) – 14,5 % и затруднились ответить – 6,9 %.

Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас религия?» (*можно было выбрать несколько вариантов ответа*) – приближение и общение с Всевышним – 72% респондентов; основа морали и нравственности - 45%, соблюдение религиозных обрядов и практик – 38%; основа национальной традиции и культуры своего народа – 15%; предрассудок, пережиток прошлого – 5% и затруднились ответить на вопрос 9% респондентов.

При анализе результатов исследования выявлена такая закономерность, что чем выше показатели религиозности у респондентов, тем они воспринимают религию как отражение личностных отношений верующего с Всевышним и, наоборот, чем менее они религиозны, тем большая их доля рассматривает ее как основу национальной традиции и культуры.

Таблица 4

«Как Вы считаете, нарушается ли в России принцип равноправия традиционных конфессий?» (в % от общего количества опрошенных)

Варианты	(в % от общего количества опрошенных)
Да	30,9
Нет	31,8
Затрудняюсь ответить	37,3

По распределению ответов на вопрос **«Как Вы считаете, нарушается ли в России принцип равноправия традиционных конфессий?»** (таблица 4) видно, что по всей совокупности опрошенных позиции нарушения в России принципа равноправия конфессий придерживается 30,9% респондентов (и практически каждый третий респондент, опрошенный в рамках социологического исследования, придерживается мнения о наличии этнической дискриминации), позиции полного соблюдения в Российской Федерации законодательной нормы равноправия традиционных конфессий – 31,8% респондентов и довольно большая часть опрошенных (37,3%) затруднилась ответить на данный вопрос.

Далее в исследовании с целью выяснения степени принятия дагестанской молодежью себя как частью общероссийского гражданского общества, разделяющего с ним ответственность и соответствующие обязанности, респондентам был задан вопрос об ощущении чувства близости с гражданами России. Для рассмотрения места гражданской идентификации в иерархии социальных идентичностей аналогичным образом определялось чувство близости молодежи с другими социальными категориями. (См. таблицу 5)

Таблица 5

«Если говорить о Вас в какой степени Вы ощущаете близость с ...»
(в % от общего количества опрошенных)

	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близость	Затрудняюсь ответить
С гражданами России	38,4	40,9	12,5	8,2
С людьми моей национальности	60	28,6	5,5	5,9
С жителями моего города, села	54,3	30,6	8	7,1
С людьми моей религии	62,5	25	3,6	8,9
С жителями моей республики	48,6	33,9	8	9,5
С людьми близкими мне по политическим взглядам	23,9	38,9	20,7	16,5
С людьми того же материального достатка, что и я	24,4	25,9	29,5	20,2
С людьми одной со мной профессии, занятий	44,3	35	10,7	10
С людьми тех же взглядов на жизнь	55,6	27,5	8	8,9
С людьми одного возраста со мной	31,3	36,4	18	14,3

Как видно из таблицы 5, в Республике Дагестан среди социальных идентичностей явно доминируют этническая и религиозная идентичности. А также обращает на себя внимание тот факт, что гражданская идентичность фиксируется в сознании молодежи в меньшей степени, чем и другие виды групповых идентичностей такие как: жители моего города, села; жители моей республики; люди одной со мной профессии, занятий; люди тех же взглядов на жизнь.

В зависимости от отношения к религии установлено, что показатели гражданской идентификации у неверующих немного выше, чем у верующих. Так, о значительной близости с гражданами России заявили 48% не верующих и 39 % верующих.

Но значительно различаются показатели гражданской идентификации христиан и мусульман. Так 79% респондентов христиан чувствуют значительную близость с гражданами России, а среди респондентов исповедующих ислам, таких оказалось 39%.

Надо заметить, все респонденты, исповедующие христианство по национальности русские. Следовательно, здесь скорее имеет место не глубоко религиозный фактор, а этноконфессиональный, связанный с возможностями православия как религии «государствообразующего» народа в удовлетворении прав своих последователей в деле духовно-нравственного и этнокультурного развития.

Мы в данном исследовании не ставили целью конкретизировать сферы возможных этнорелигиозных дискриминаций, они могут быть выяснены в ходе дальнейших социологических измерений. Но наиболее упоминаемые в СМИ заявления политиков, общественных и религиозных деятелей относительно религиозной дискриминации касаются запретов «хиджаба» и строительства мечетей в российских городах. Так, депутат Госдумы от фракции Справедливая Россия отметил: «Даже при наличии огромного желания и денежных средств на строительство, построить мечеть в городе Москве сегодня невозможно, что вызывает справедливое возмущение представителей мусульманского сообщества» [2].

Но надо заметить, что в традиционно «исламских» регионах (Дагестан, Чечня, Ингушетия) Северного Кавказа эти вопросы не ведут к социальной дифференциации. Здесь, особенно в Дагестане известном как колыбель всех традиционных религий России, выработан веками опыт взаимоуважительного сосуществования представителей многих этносов и религий. Но за пределами региона мусульмане ощущают определенный «религиозный дискомфорт», который способствует делению территорий на «свою» и «чужую». Объяснение этому практика «федералистского» подхода, когда развитие той или иной религии определяется национальным составом населения субъекта Федерации. Православие как религия

«государствообразующего» народа при таком подходе имеет более широкие возможности на всей территории страны, а ислам в нашей стране становится фактором региональным, а не федеральным.

Таким образом, вполне справедливо отмечается, что существующий порядок вещей ведет к сложению следующей логической цепочки: «местечковость – консерватизм – архаизация и маргинализация религиозного сознания» [3]. Следовательно, «федерализация» ислама должна пониматься именно как придание ему статуса федерального явления, каким он по факту и является в силу даже исторического базиса.

Многовековая история становления и развития мировых конфессий на территории России придает дополнительное преимущество перед странами с религиозным меньшинством для выработки образца решения проблем применения религиозных практик в инокультурной среде. А также значительный импульс для выработки модели бесконфликтной адаптации представителей всех религий к проживанию в светском государстве. С известной долей оптимизма, можно прогнозировать, что будущее России зиждется на плюрализме различных социокультурных сообществ, связанных едиными гражданскими ценностями. Попытки кого бы то ни было подчеркнуть свою религиозную и этническую исключительность в стране являются серьезной преградой для формирования единой политической нации и наднациональной и надконфессиональной общегражданской идентичности.

Впрочем, мусульмане Северного Кавказа, имеющие гражданство, не отличаются какой-либо привилегированностью в религиозной сфере от иностранных мигрантов из мусульманских стран. В каком-то смысле можно сказать, что проявление религиозной дискриминации значительно легче воспринимать мигранту, временно проживающему на территории чужого государства, чем верующему с полноправным гражданским статусом. Наличие гражданства в этом случае лишь усиливает ощущение неравноправия в стране.

Свидетельством того, что исламская социализация молодежи не препятствует формированию гражданской идентичности, подтверждает дальнейшее измерение гражданской идентификации среди мусульман. Так, о значительной социальной близости с гражданами России отметили

43% респондентов из числа «глубоко верующих» мусульман, 34% респондентов – «верующих» и 21.4% респондентов – «колеблющихся». Как мы видим, чем выше религиозность респондентов-мусульман, тем выше их показатели солидаризации с общностью «граждане России». Вариант о некоторой степени близости с гражданами России выбрали 40% респондентов-мусульман и не ощущают близости 13% опрошенных из их числа.

Из числа мусульман с развитым чувством общности с единоверцами высокие показатели гражданской идентичности имеют 46,3% опрошенных. Среди мусульман, не ощущающих близость с единоверцами гражданская идентификация существенно ниже (30%). Социологические исследования, проводимые в других регионах России, свидетельствуют также, что среди респондентов, не ощущающих связи с единоверцами, ключевые показатели доверия, необходимые для поддержания межэтнического согласия, значительно ниже, чем среди тех, кто такую связь ощущает [4].

Как мы видим, усиление в самосознании молодежи локальной идентичности и более низкие показатели гражданской идентичности объясняются, на наш взгляд, системными проблемами в социально-политической сфере государства, препятствующими формированию у отдельного индивида чувства полноценности своего гражданского статуса. Так, согласно данным всероссийского мониторинга общественного мнения за 2019 год «Левады-Центра» (по выборке 1600 чел. (население старше 18 лет)) – 58 % респондентов совершенно не верят в возможность своего влияния на происходящие в стране события, 11 % в полной и значительной мере, 27 в незначительной мере и 4 % затруднились ответить [5].

Наибольшее затруднение для развития единой общенациональной гражданской идентичности представляет, на наш взгляд, не конкуренция «множества идентичностей», а скорее их неравномерное положение в социальной, политической, экономической и культурной структуре российского общества. Следовательно, государство как основной регулятор процесса нациестроительства должно учитывать интересы представителей всех конфессий и этносов и не допустить перекосов в сторону той или иной из них.

Далее в нашем исследовании респондентам для рассмотрения межконфессиональных отношений на повседневном уровне были предложены некоторые позиции шкалы социальной дистанции – шкалы Богардуса. (См. таблицу 6).

Таблица 6

**Готовы ли Вы принять человека другого вероисповедания
в качестве ...**

	Готов	Не готов	Затрудняюсь ответить
Начальника	81,9	9,6	8,5
Коллеги	89,4	4,6	6
Соседа	91,8	2,9	5,3
Друга	77,8	10,3	11,9
Супруга (ги)	24,9	53,2	21,9

Так, по всему массиву опрошенных дагестанская студенческая молодежь демонстрирует позитивное отношение к представителям иного вероисповедания в сферах межличностной коммуникации. Абсолютное большинство респондентов готовы принять человека другой веры в качестве непосредственного «начальника» (81,9%), «коллеги по работе» (89,4%), «соседа по дому» (91,8%), «друга» (77,8%).

В то же время, определенная социальная дистанцированность между представителями разных вероисповеданий проявляется, когда речь идет о семейно-брачных связях. Готовность принять человека иной веры в качестве супруга (ги) изъявили 24,9% опрошенных.

Данное обстоятельство объясняется, скорее всего, стремлением сохранить собственные религиозные символы и ценности. Согласно, распространенному в Дагестане шафиитскому мазхабу ограничение брака мусульманки с немусульманином связано большей склонностью женщин к мужьям и их религии. Для того чтобы бракосочетание мусульманина с женщинами Писания считалось дозволенной или запрещенной существует ряд условий. По Ханафитскому мазхабу (получившее меньшее распространение в Дагестане) можно жениться на женщинах Писания, без учета определенных условий, кроме того, чтобы она входила в число людей Писания [6].

Этим объясняется, что в числе готовых к браку с людьми другой веры 33,9% мусульманок и 66,1% мусульман. По степени религиозности готовы к браку с людьми другого вероисповедания 17,9% «глубоко верующих» мусульман, 18,3% «верующих» и 54,3% «колеблющихся». По конфессиональному принципу 20,8% мусульман и 50% христиан готовы избрать в качестве спутника жизни человека другого вероисповедания.

Заключение

В настоящее время в Республике Дагестан религиозная и этническая идентификация молодежи в системе социальной идентификации индивидов сохраняет устойчиво высокий уровень. На основе результатов исследования выявлена связь слабо выраженности восприятия национальной (гражданской) идентичности у молодежи с ощущением в их сознании наличия этнорелигиозной дискриминации в стране. В тоже время не обнаружено, чтобы рост или снижение религиозной идентичности оказывало бы какое-либо влияние на степень близости молодежи с социальной категорией как «граждане России». Но выявлено, что респонденты-мусульмане, соблюдающие все религиозные предписания, имеют высокий уровень гражданской идентичности по сравнению с теми, кто их соблюдает частично или вовсе не соблюдает. А также мусульмане с развитым чувством общности с единоверцами имеют более высокие показатели гражданской идентичности.

Наличие высокого уровня готовности принять в молодежной среде в сфере постоянных межличностных отношений представителей иных религий и этносов подтверждает стабильность межконфессиональных отношений в регионе.

Тем не менее, результаты настоящего исследования показывают довольно значительное расхождение показателей этнорелигиозной дискриминации между представителями русской и нерусской национальности. Что отчасти объясняется различным пониманием соотношения общегражданской и этнокультурной идентичности на исламско-православном пограничье. Для русской молодежи более важными, чем для представителей других этносов являются такие основания отождествления с российской идентичностью, как ощущение сопричастности к исторической

судьбе страны и чувство включенности в единое культурное пространство. Для представителей народов Кавказа и других этносов более значимым представляется наличие российского гражданства, и чувство единства многих народов под крылом единого государства [7].

Таким образом, первичным звеном роста гражданской идентичности дагестанской молодежи является обеспечение важного конституционного принципа равенство всех граждан перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

Литература

1. Путин В.В: нужны гранты для НКО на гармонизацию межнациональных отношений. Электронный ресурс: <http://ria.ru/society/20130219/923715645.html> (проверено 20.08.14г).
2. Депутат Госдумы поднял перед зампредом правительства вопрос нехватки мечетей в Москве. <https://islamnews.ru/news-deputat-gosdumy-podnyal-pered-zampredom-pravitelstva-vopros-nekhvatki-mechetey-v-moskve>.
3. Магомедов М. Мечеть каждому городу // Нур-ул ислам. 2020. №7 июль. С. 2.
4. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. №2. С.49-58.
5. Общественное мнение – 2019. М.: Левада-Центр, 2020 – 188 с. С.36.
6. Фетва относительно дозволенности брака с женщинами Писания // URL: <http://islamdag.ru/verouchenie/22593> (дата обращения – 07. 09. 2020).
7. Сериков А.В., Скуднова И.Б. Специфика формирования региональной идентичности молодежи юга России. Социально-гуманитарные знания. №7 2013, С. 299.

Добаев Игорь Прокопьевич,
доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
директор Центра региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА В ИСЛАМЕ В КОНЦЕПЦИЯХ ТАКФИРИТОВ-ДЖИХАДИСТОВ

Согласно разработкам мусульманских теоретиков, касающихся некоторых аспектов теории *джихада*, весь мир разделен на «область ислама» (*дар-ал-ислам*) и «область войны» (*дар-ал-харб*). К первой относятся страны, находящиеся под властью мусульман, ко второй – «неверных» правителей. «Область ислама» теоретически всегда должна находиться в состоянии вечной войны с «дар-ал-харб». В исключительных случаях ислам допускает временное перемирие сроком до десяти лет. Кроме этих категорий стран некоторые факихи выделяют еще одну категорию земель – «область мира» (*дар-ал-сульх*). Это такие земли, которые не принадлежат мусульманам и не управляются ими, но их правители считают себя вассалами мусульманских государств и платят за это определенную дань.

В начальный период становления ислама «джихад» понимался, прежде всего, как борьба в защиту и за распространение ислама, как приложение напряженных усилий на пути Аллаха, что означало повсеместное распространение веры в Аллаха. Следует подчеркнуть, тем не менее, что даже взгляды самого пророка Мухаммеда на сущность джихада прошли ощутимую эволюцию во времени: в мекканский период, прошедший под лозунгом «нет принуждения в религии», запрещалось входить с «многобожниками» в конфронтацию, а предлагалось склонять их к истинной вере «мудростью и хорошим увещанием». Однако уже в мединский период, когда последовали нападения на мусульман со стороны мекканских многобожников, война была санкционирована: первоначально было разрешено вести с врагами ислама оборонительную войну,

затем нападать на неверных, но так, чтобы военные действия не приходились на священные месяцы, а окончательно – нападать на них в любое время и повсюду. Другими словами, в период мекканских откровений «джихад» рассматривался скорее как усилие по спасению души, нежели чем борьба за обращение в веру. Более того, в тот период времени не было единой точки зрения в отношении обязательности участия в «джихаде» для членов мусульманской общины.

В дальнейшем в ходе развития концепции джихада типология этого явления с точки зрения объекта вооруженного нападения стала включать шесть разновидностей: джихад против врагов Аллаха (т.е. тех, кто угрожает существованию исламской уммы, тех, кто преследует мусульман, а также против язычников); джихад против тех, кто покушается на неприкосновенность границ «дар-аль-ислам»; джихад против вероотступников («мунафикун»); джихад против притеснителя («аль-баги»); джихад против разбойников; джихад против монотеистов – немусульман, оказывающихся платить «джизию».

Однако вплоть до сегодняшнего дня в силу определенной разобщенности исламского движения на различные направления, идейные течения и толки (мазхабы) общепризнанной классической доктрины «джихада» так и не создано, таковой просто не существует, как не существует и единого для всех мусульман правоверия. Сказанное объясняется тем, что ислам как идеологическая система исторически формировался и продолжает функционировать в борьбе идей и мнений, находится в состоянии поисков дальнейшего пути развития. В каждой стране имеются разные группы, которые предлагают свой путь и выступают за решение возникающих проблем на базе предлагаемых ими концепций. Сказанное целиком и полностью относится и к исламской концепции «джихада»: в исламе нет такой инстанции, которая могла бы поставить точку в споре относительно того каким образом следует трактовать и осуществлять священную войну за веру.

На протяжении всей истории ислама концепция «джихада» выполняла зачастую противоречивые функции, была в основе внутренней и внешней политики различных субъектов политического процесса. В понятие «джихада» вкладывался и до сих пор вкладывается самый различный, зачастую противоречащий друг другу, смысл: это и борьба за сбор

урожая, борьба с неграмотностью, борьба нового со старым, «джихад» рассматривался и как классовая борьба.

Согласно традиционной точке зрения, «джихад с самим собой» есть «большой джихад», более трудный, чем «малый джихад» (вооруженный джихад). Кроме того, по мнению идеологов умеренного исламизма, «внутренний джихад», а именно самовоспитание, есть необходимое условие, через которое нужно пройти для достижения «высшей степени» религиозной сознательности.

Однако «в европейском общественном сознании за джихадом закрепились, в первую очередь, представление как о «джихаде меча», тогда как, согласно Корану и Сунне, это понятие является многозначным. Подтверждением сказанному выступает, в частности, то, что в ортодоксальном исламе институт «джихада» не входит в число пяти «столпов» веры («аш-шахада» – исповедание веры; «ас-салат» – молитва; «ас-саум» – пост; «аз-закят» – налог в пользу бедных; «ал-хаджж» – паломничество).

В различных идейных течениях ислама (традиционализм, модернизм, фундаментализм) понятие джихад также воспринимается по-разному. В традиционном исламе джихад понимается в большей степени как усилие над собой, а не насилие над другими, а «малый джихад» («джихад в форме меча») – как оборонительная война, направленная против притеснения мусульман. Неотрадиционалистами (современными традиционалистами – И.Д.) в отношении одного из главных предписаний ислама – ведение джихада проповедуется принцип: «В религии нет принуждения». В этой связи, хотя ведение «священной войны» (джихада) признается долгом мусульманина, исходя из представлений о том, что человечество делится на праведных – мусульман и неправедных – иноверцев, подлежащих обращению любыми путями, не исключая и насильственный, тем не менее, джихад в традиционном исламе, в отличие от фундаментализма, рассматривается в большей степени как усилие над собой, а не насилие над другими, а «малый джихад» («джихад в форме меча») – как оборонительная война, направленная против притеснения мусульман. Хотя в условиях серьезных социальных потрясений позиции традиционалистов в отношении джихада могут смыкаться с воззрениями фундаменталистов.

Современный турецкий традиционалист Харун Яхья под джихадом в полном смысле слова видит «любого рода идейную борьбу с антирелигиозными, атеистическими, богопротивными учениями. Наряду с вышеуказанными значениями джихада он же под этим термином понимает также и реальную войну, которая согласно Корану, может быть только оборонительной и вестись при строгом соблюдении моральных принципов Ислама. Использование же понятия «джихад» применительно к любым формам насилия, направленным против ни в чем не повинных людей, то есть для описания террора, является величайшей несправедливостью и искажением истины [1].

В противоположность традиционалистам и особенно фундаменталистам, реформаторы (модернисты) утверждают, что ислам – религия универсального гуманизма (*инсания*), проповедующая общечеловеческое братство. *Инсания* модернистами противопоставляется национализму как идеологии, разделяющей человечество. Исходя из таких мировоззренческих установок, реформаторы настаивают на том, что религиозная терпимость представляет собой основополагающий принцип ислама. Отсюда, например, «джихад» толкуется либо как исключительно оборонительная война, либо как «битва» за экономическое процветание, либо как борьба за духовное обновление. В свою очередь, фундаменталисты рассматривают джихад, прежде всего, как вооруженную борьбу. Данное обстоятельство, по нашему мнению, объясняется теми целями и задачами, которые ставит перед собой фундаментализм как идейное течение. Если традиционалисты выступают за сохранение той версии ислама, которая сложилась на определенной территории именно сегодня, а модернисты отстаивают эволюционный путь его развития, то фундаменталистские «революционеры» требуют возвращения к прошлому, в так называемый «золотой век» (VII в.) ислама. Разумеется, добровольный ценностно-мировоззренческий исход современных людей в ранее средневековье вряд ли возможен, поэтому умеренными фундаменталистами не исключается, а их радикально настроенными единомышленниками предполагается, применение насилия в той или иной форме.

Джихад является неперенным атрибутом практически всех современных идеологических доктрин исламских радикалов (исламистов). Исламские радикалы фактически считают «джихад» шестым «столпом»

веры. Именно такое понимание «джихада», как и расширительное толкование термина «такфир» (обвинение в неверии) отличает исламистов от собственно правоверных мусульман. При этом умеренные исламисты делают упор на оборонительный характер джихада, а ультра-радикалы – исключительно на наступательный аспект «священной войны».

Ультра-радикалы не только не приемлют деление джихада на «большой» и «малый», но и категорически отрицают его оборонительный характер. Наиболее авторитетный теоретик этого крыла радикалов египтянин Сейид Кутб категорически выступал против оборонительного характера джихада: «...Если мы неизбежно должны назвать движение Джихада в Исламе оборонительным движением, то мы непременно должны изменить смысл слова «оборона» и понимать под ним «защита человека»... Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху...» [2].

Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческим является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

С.Кутб предложил следующую стратегию для исламского движения. Во-первых, поскольку в джахилийском обществе вообще отсутствуют представления об исламе, бесполезно требовать введения шари-

атского правления или пытаться с этой целью совершить государственный переворот. Нужно начать с объяснения принципов ислама, и особенно – идеи единовластия Аллаха. Во-вторых, те, кто принял этот призыв, как бы вновь приняли ислам и, следовательно, должны себя вести в соответствии с принципами «истинных» мусульман. Для этого таким верующим необходимо уйти из джахилийского общества, но не в буквальном смысле, а в плане «духовного разрыва», не исключая контактов в жизненных и бытовых вопросах. В-третьих, после того, как община «истинных мусульман» достигнет необходимого духовного и морального уровня, следует приступить к созданию исламской организации – своеобразного авангарда, призванного свергнуть джахилию и установить на земле власть Аллаха. В-четвертых, на начальном этапе такой деятельности следует избегать прямого столкновения с правящим режимом, так как это может привести к роковому удару по еще слабому исламскому движению. В-пятых, когда исламское движение достигнет необходимой силы и мощи, следует начать джихад в его силовом, наступательном понимании, без всяких уступок и снисхождения. Идеи Сейида Кутба развил Абд ас-Салям Фараг, который в конце 70-х гг. XX в. основал в Египте ультрарадикальную группировку «Аль-Джихад», особенно активно действовавшую в последней четверти прошлого века и имевшую отношение к убийству президента Анвара Садата. Новизна взглядов А.Фарага в отличие от концепции Сейида Кутба заключалась в ярко выраженном салафитском характере. Каждое свое утверждение оно обосновывал аятами Корана и изречениями пророка Мухаммада, а также творческим наследием таких улемов прошлого, как Ибн Таймийя, Ибн Касир и Ибн аль-Джаузи. До конца 80-х гг. книга А.Фарага «Джихад - аль-фарида аль-гайба» (Джихад – забытый долг) была практически основным идеологическим источником «Аль-Джихада» [3].

А.Фараг как главный идеолог организации, проанализировав весь опыт радикального исламизма 60-70-х гг., нашедший отражение в трудах Сейида Кутба, Салиха Сарийя, Шукри Мустафы, сформулировал классические основы радикального исламизма суннитского толка. Идеи А.Фарага служат идеологической платформой деятельности большинства современных радикальных группировок. Так, он считал, что любой мусуль-

манин, игнорирующий нормы шариата – «неверный, с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другом судом».

Говоря о современных правителях Египта. А.Фараг утверждает, что они «не имеют от ислама ничего, кроме мусульманских имен», и причисляет их к отступникам (муртаддун). Отступник, отмечает он, хуже, чем «неверующий по рождению» (т.е. христианин, иудей и пр.), так как они могут не знать ислама, а отступник осознанно отрекается от веры, зная об ее добродетелях. Ссылаясь на мнение основателей-эпонимов суннитских мазхабов, А.Фараг пишет, что «неверующих по рождению» христиан и иудеев, которые являются общиной покровительствуемых, нельзя убивать. Отступника же разрешено казнить, «он не имеет права завещать свое имущество кому-либо, его брак теряет юридическую законность, так как он отверг саму основу ислама, он хуже кафира».

По мнению А.Фарага, в то время как умма находится под властью неверного режима, исполнение только пяти столпов ислама становится недостаточным. В этих условиях джихад как вооруженная борьба автоматически становится шестым столпом ислама. Кроме того, джихад в концепции А.Фарага приобретает наступательный характер. По его мнению, «война в исламе ведется для утверждения слова Аллаха на земле как оборонительным образом, так и наступательным... Ислам распространился мечом, однако безбожные имамы скрывают это... На мусульманах лежит обязанность поднять мечи и направить их на режимы, которые скрывают истину».

Общая стратегия джихада у А.Фарага определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западнохристианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина. По мнению А.Фарага, джихад становится обязательным в трех случаях: если встретились два войска, то мусульманину запрещено покидать его ряды; если неверные напали на мусульманское государство; если имам призвал свою общину к джихаду.

Кроме этого, А.Фараг упоминает еще одно условие – четвертое. Согласно ему, если правитель мусульманского государства отверг руководство по шариату, то такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва.

Однако на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль-Джихада» Айман аз-Завахири, ныне считающийся руководителем и главным идеологом «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», созданных Усамой бен-Ладеном.

Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фарага. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад также есть фард айн – индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей. Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считает, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критикует тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми.

Идеологи организации подкрепляют свои выводы религиозными аргументами, ссылаясь на целый ряд авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди которых Ибн Таймийя, Ибн Касир, Аль-Куртуби, Ан-Навави и др. В итоге делается вывод, что джихад становится обязанностью каждого мусульманина в следующих случаях: когда во главе государства стоит правитель-кафир, поэтому необходимо вести борьбу за его свержение; джихад ведется с общиной, уклоняющейся от предписаний шариата. Под таковыми ныне понимаются сотрудники службы безопасности, полиции и прокуратуры; джихад необходим для установления власти халифа-мусульманина. Опираясь на мнение Ибн-Таймийи, Тарик аз-Зумр считает, что сила нужна для исполнения таких предписаний шариата, как «повеление благого и запрещение нечестивого, установление

справедливости, совершение хаджа, пятничной молитвы, помощь угнетенным, исполнение наказаний» [4].

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отвергает тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления исламского призыва. Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди.

Вместе с тем, в конце 90-х гг. видный теоретик и лидер «Аль-Джихада» Аймаан аз-Завахири выдвинул идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» - альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; позже в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предлагает перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце.

После терактов в Америке 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири назвал уничтожение двух Нью-Йоркских небоскребов благословенной акцией и вершиной борьбы между мусульманской Уммой и силами великого языческого куфра. Он обвинил Дж.Буша в том, что тот открыто объявил новый крестовый поход против ислама под вывеской борьбы с терроризмом. А. аз-Завахири

в своей новой книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркивает, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями) [5].

«Аль-Джихад» одной из первых выдвинул также идею создания единого фронта исламских организаций. Еще в апреле 1991 г. Аббуд аз-Зумр выдвинул проект создания исламского фронта. По его мнению, организация осознала, что сегодня крайне необходимо объединить различные исламские организации, так как масштабы вызова слишком велики, чтобы справиться с ним лишь силами какой-то одной группировки в отдельности.

В феврале 1998 г. «террористу номер один» того времени Усаме бен-Ладену удалось объединить вокруг ранее созданной им организации арабов-афганцев «Аль-Каида» ряд экстремистских исламских группировок, создав «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и крестоносцами», получивший известность как «*Мировой фронт джихада*» (МФД). Помимо него учредителями «фронта» стали: руководитель египетской организации «Аль-Джихад» доктор Айман аз-Завахири; председатель консультативного совета «Гамаа Исламия» Рифаи Ахмед Таха Муса (Египет); секретарь пакистанской исламской организации «Джамиат уль-Улема-е-Пакистан» («Ассоциация улемов Пакистана») шейх Мир Хамза; лидер пакистанского движения «Харакат аль-Ансар» Фазлуль ар-Рахман и лидер движения «Джихад» из Бангладеш Абд аль-Саллям Мохаммед. В МФД также вошли пакистанская организация «Аль-Хадис», ливийская «Аль-Джамаа аль-Исламия», иорданская «Байат аль-Имам» («Присяга имама»), алжирская «Вооруженная исламская группа»,

йеменский «Джихад», ливанские «Асбат аль-Ансар», «Джамаа исламия» и др. [6].

А. аз-Завахири считает важным для стратегии джихадистского движения два момента. Во-первых, оно должно постоянно расти, видоизменяться и обновляться. Во-вторых, в муджахедах нужно воспитывать непоколебимость, терпеливость и стойкость. Главным же приоритетом стратегии движения он видит боевую подпольную деятельность. В частности, он указывает на то, что боевые группы джихадистского движения должны использовать любое оружие, которое доступно или не доступно и даже запрещено. Все известные формы и способы ведения эффективной войны должны стать частью современной стратегии.

Таким образом, эволюция концепции «священной войны» в воззрениях такфиритов-джихадистов прошла ряд этапов, дойдя до необходимости ведения наступательного джихада против всех «врагов ислама», включая и тех мусульман, кто не разделяет их взглядов. Более того, эта «борьба» вменяется в обязанность, согласно их требованиям, каждому мусульманину.

Литература

1. Харун Яхья. Ислам проклиняет террор. Астана: «Classic-M», 2002. 105 с.
2. Кутб С. Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. Махачкала: «Бадр», 1997. С. 245-246.
3. Фараг А. Джихад: аль-фарида аль-гайба (Джихад: забытый долг, пер. с араб.). б/м, б/г.
4. Добаев И.П., Сериков А.В., Шевченко О.М. Агрессивность как фактор обострения молодежного экстремизма на Юге России. Ростов-на-Дону: «Социально-гуманитарные знания», 2012. С. 52.
5. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ. Ростов-на-Дону: «Социально-гуманитарные знания», 2010. С. 27.
6. Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1 (53). С. 33.

Добаев Игорь Прокопьевич,
доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ В ИСЛАМЕ: ТАК ЛИ РЕЛИГИОЗНО ЧИСТ «ИСТИННЫЙ ИСЛАМ»?

С конца 80-х гг. XX в. в ходе бурно протекавших на территории Советского Союза возрожденческих процессов в религиозной сфере остро встал вопрос о «чистоте» тех форм ислама, которые в течение веков сформировались на этом пространстве. Вброс в информационную сферу таких понятий, как «чистый ислам» (или «истинный ислам») своим следствием имел непримиримую борьбу с приверженцами традиционных версий ислама. В результате фиксировалась ускоренная политизация и радикализация этой религии, появление религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, который стал прикрываться мусульманским вероучением. Этому способствовало открытие информационных центров при посольствах некоторых мусульманских стран, приток на территорию нашей страны многочисленных миссионеров, а также практически бесконтрольный выезд за рубеж молодежи для получения исламского образования.

В этой связи представляется весьма важным в теоретическом и практическом ключе выяснить, существует ли реально т.н. «чистый ислам», свободный от влияния этничности, доисламских и иных более поздних ценностей.

Совершенно очевидно, что религиозное и этнонациональное в исламе, как и в других религиозных верованиях, пребывают в состоянии сложного взаимодействия. Они могут действовать самостоятельно, параллельно друг другу, либо противодействовать или взаимодействовать друг с другом. Последние процессы фиксируются наиболее часто, а наше восприятие зависит от соотношения силы и глубины взаимного влияния этнического и конфессионального факторов. Как свидетельствует практика, религия в реальной жизни практически никогда не выступает в

своем «чистом» виде, но почти всегда в этнонациональной, политизированной и других формах.

Российский публицист Я. Амелина, касаясь темы соотношения религиозного и этнонационального факторов, отмечает, что, хотя, казалось бы, они органично дополняют друг друга, в реальности в этой сфере наблюдается конфликт. Излишний акцент исключительно на религиозной составляющей ведет к религиозно-политическому экстремизму, а на этнический — к этнонационализму [1, с. 147]. В пользу этого тезиса можно привести ряд аргументов. Например, после завершения Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе, где фиксировался процесс искусственной ускоренной реисламизации общества, царскими властями был сделан акцент на превалирование обычного права северокавказских горцев (адаты) над шариатом. Однако уже с 1905 г. официальную поддержку российских властей получает принцип «шариат против адата», что было связано с тем, что адаты еще более резко противоречили существующему законодательству и правовым нормам империи [2, с. 41]. Другой пример: в 80-х гг. XIX в. в мусульманских регионах Российской империи возникает и развивается движение «джадидов», призванное осуществить борьбу с отсталостью мусульманских масс империи путем проведения реформ религиозного образования посредством внедрения новых методов обучения, преподавания, помимо богословских, светских наук. В ходе этой деятельности российскими мусульманами-тюрками, прежде всего крымско-татарским реформатором традиционного уклада жизни российских мусульман Исмаил Бей Гаспринским (1851-1914), был введен в оборот не только термин «российский ислам», но и разработана идеологическая доктрина пантюркизма. В дальнейшем пантюркизм будет востребован младотурками, а ее главным идеологом станет турецкий обществовед Зия Гек Альп (Мухаммед Зия) (1876-1924).

Вместе с тем, как уже отмечалось, соотношение религиозного и этнического факторов в исламе не носит исключительно конфликтный характер. Еще раз подчеркнем: эти два компонента могут взаимодействовать, подпитывая друг друга, а могут пребывать в состоянии параллельного развития, не пересекаясь. В любом случае их взаимосвязь и влияние на эволюционные процессы в развитии различных форм бытования ислама, безусловно, представляют научный и практический интерес, в том

числе и в сфере политики. При изучении этой реальности учеными выделяются, как минимум, три подхода [3, с. 18-23].

Первый заключается в том, что с точки зрения ислама этничность — малозначимый конструкт, поскольку теоретически ислам стоит над этничностью, расовыми и другими различиями. Главное: принадлежность человека к исламской умме.

Второй, арабийский взгляд на проблему: в исламе имеется только одна доминирующая этничность (арабо-арабийская) — та, откуда вышел Пророк и его сподвижники. Вывод: арабское и есть исламское.

Третий подход гласит, что этничность важна для ислама. Синтез этнического и религиозного и привел в ходе распада Халифата к появлению т.н. «традиционализма» в исламе. Взаимосвязь этнического и религиозного стала причиной возникновения различных форм традиционного ислама: на Аравийском полуострове, Северной Африке, Южной Азии, конечно же, на Северном Кавказе [4, с. 54-58] и т.д.

Рассмотрим обозначенные выше подходы подробнее. Зародившись в первом десятилетии VII в., ислам, как цельное учение, сохранялся только при Пророке Мухаммеде и первых двух «праведных» халифах — Абу-Бакре и Омаре. В этот период ислам возник и стал формироваться как религиозная система. Однако впоследствии он распался, стал мозаичным, и сегодня ислам, являясь крупным социальным институтом и одновременно процессом, включает в себя целый ряд направлений, толков, течений, а также и сект [5, с. 12].

Почти вся история мусульманской мысли представляет собой перманентное возникновение идейных течений, рождавшихся в ходе столкновения различных мнений по тем или иным проблемам. При этом ислам отнюдь не утратил своей общей мировоззренческой целостности и системной устойчивости. В средневековом исламе движения и течения возникали, как правило, в связи с полемикой по вполне конкретным проблемам. Так, полемика по вопросам мусульманского права (фикх) породила целый ряд мусульманско-правовых школ (мазхабов), по вопросу о власти — три существующие и поныне направления (сунниты, шииты, хариджиты) и т.д. В свою очередь, западными востоковедами и исламоведами в научный оборот было введено понятие «идейные течения в исламе»,

включающие в себя традиционализм, фундаментализм (салафийя) и модернизм.

Тем не менее, несмотря на современную мозаичность ислама, среди мусульман существует глубокое убеждение об их принадлежности к единой общности людей, исповедующих общую веру, объединенных общими традициями, историческими корнями и единством интересов в современном мире, - к исламской умме мира, независимо от расовых, этнических, социальных, имущественных и иных отличий. Ислам в глазах его приверженцев, - не только вера, но и образ жизни, бытовые правила и обычаи, менталитет, обусловленные шариатом. Ислам в большей степени, чем другие мировые религии, включен в систему социального и политического регулирования. Практически все стороны жизни мусульманина объявляются религиозно значимыми, поскольку кораническое мировоззрение не знает противопоставления сакрального и обыденного, религии и политики, сексуальности и благочестия. Вся полнота жизни свята. Цель – таухид (единобожие, постулирующее утверждение единства верующих), интеграция всей жизни в единой общине, которая и дает мусульманину ощущение близости к высшему единству – Богу [5, с. 12-13].

После своего возникновения ислам довольно быстро утратил чистоту начальной поры и неразрывно сросся с политической доктриной. Действительно, ислам принес людям не только Слово Божье (Коран), но и дал им государство, на первых порах способное обеспечить членам общества относительно равные условия и некоторое подобие «социальной справедливости». Однако изначально в исламе было заключено противоречие: иерархическое устройство общества освящалось вероучением, но при этом оно же утверждало, что все люди равны перед Богом. Это противоречие, несомненно, и предопределило последующую историю ислама, появление в нем различных направлений, толков, течений и сект. С этой же проблемой оказался тесно связан и вопрос о преемственности власти – как духовной, так и сугубо светской.

Подчеркнем, что ислам зародился на Аравийском полуострове в начале VII в. в Мекке, где проживало арабское племя курейшитов, вследствие пророческой деятельности Мухаммада, представителя рода Хашим. Курейшиты в то время были язычниками (многобожниками), а потому крайне негативно восприняли проповеди пророка относительно

принципа единобожия новой религии. Вследствие этого в 622 г. пророк со своей немногочисленной общиной вынужден был переселиться в Медину, однако вооруженная борьба с мекканскими многобожниками только усилилась. Она завершилась только в 630 г., когда мекканцы капитулировали и в массовом порядке приняли ислам. Однако межклановые противоречия никуда не исчезли, став причиной гражданских войн в появившемся государстве мусульман — Халифате. Эти противоречия разрослись в период правления третьего праведного халифа Османа из курейшитского рода Омейядов, особенно после его убийства в 656 г. Уже тогда межклановые противоречия (Омейяды против Хашимитов) взяли верх над уже мифическим к тому историческому периоду религиозным единством мусульман, которые породили глубокие противоречия в исламской общине. Вместе с тем, еще раз подчеркнем, что межклановые противоречия и конфликты в арабских племенах и родах фиксировались еще в древние времена, когда враждебные отношения между племенами были обычным явлением.

В силу взаимообусловленности конфессионального и этнонационального начал, в публицистику, а затем и в науку прочно вошел термин «исламский национализм». В отношении него сформировалось два полярных мнения. Первый заключается в рассмотрении уммы исламского мира в качестве единой «исламской нации» (или «мусульманской нации»), независимо от этнической принадлежности, расовых и иных отличий мусульман. Такой точки зрения придерживался, например, основатель египетской организации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна. Его идейные последователи, среди них — идеолог ичкерийского сепаратизма Мовлади Удугов, основавший в 1997 году организацию «Исламская нация», развивают в теории и на практике идеологические воззрения аль-Банна. Однако, по нашему мнению, такой подход чрезмерно идеалистичен, опровергается реальной политической практикой. Одновременно подчеркнем, что подавляющее большинство светских ученых-исламоведов под «исламским национализмом» в настоящее время понимают то или иное националистическое движение, действующее на части общеисламского поля. Например, пантюркизм, о чем речь пойдет ниже. Итак, понятие «исламская нация» носит, скорее, метафизический, нежели реальный характер.

Два других подхода к соотношению религиозного и этнического в исламе, как представляется, более реалистичны, поскольку они реализуются в современной практике, но противостоят друг другу, а потому примирение между ними невозможно по причине несовместимости целей.

Что касается арабского влияния на возникновение и развитие ислама, то оно несомненно и безусловно. Как уже отмечалось, ислам возник на Аравийском полуострове, получив первоначальное развитие среди представителей ряда родов племени курейшитов, проживавших в Мекке. Дальнейший импульс к развитию он получил в Медине, куда в 622 г. совершили хиджру (переселение) Пророк и его община. В дальнейшем эта религия распространилась среди арабских племен всего Аравийского полуострова, а затем в ходе великих арабских завоеваний и миссионерской деятельности мусульманских проповедников-суфиев ее ареал расширился от Магриба до филиппинских островов. Нет никаких сомнений в том, что не только новая религия воздействовала на умы разных народов и этносов, но и они оказывали воздействие на дальнейшее развитие ислама, превращая его из религии арабов в мировую.

Принятие ислама в период зарождения, расширения и укрепления Халифата, усиления его централизации довольно позитивно воспринималось другими народами, поскольку дало мощный импульс к их социально-экономическому и политическому развитию. Однако в дальнейшем, при достижении фазы надлома и последующей стагнации стали проявляться и отрицательные стороны принятия новой для них религии, так как вместе с забвением религии своих предков стали исчезать и прежние ценности, традиции и обычаи. Национальные чувства притупились, поскольку этническая идеология подменялась религиозной. Люди произносили молитвы на чужом, арабском языке, не понимая их сути и смысла. Принятие ислама повлекло не только смену прежних религий на другую, но имело более значимые последствия. Прежние традиции, обычаи, мировоззрение, законы стали подменяться арабскими. С принятием ислама не арабские народы перешли на арабский алфавит, отказавшись от собственной письменности. Новые поколения исламизированных народов стали утрачивать свои исторические и национальные корни древней культуры, традиции предков, их связь с прошлым была нарушена. Таким образом, смена религий и переход на арабский алфавит повлекли смену

жизненных ценностей, изменение мировоззрения большинства исламизированных и арабизированных народов. Одновременно «центр тяжести» в исламе постепенно смещался не в пользу арабов. Все больший вес приобретали другие народы, прежде всего, тюрки, создавшие в лоне ислама ряд мощных государств и империй, среди которых следует назвать государства Газневидов и Сельджуков, империи Тимура, Великих Моголов и, конечно же, Османскую империю, территория которой в период ее наивысшего расцвета приближалась к 6 млн. кв. км.

Великие арабские завоевания, в основном, шли в годы правления «праведных» халифов (632-661 гг.), а также в эпоху халифата династии Омейядов (661-750 гг.), основавших столицу в Дамаске. Аббасиды, образовавшие новую династию, правили уже из Багдада, ставшего их столицей. В годы их правления расширения халифата уже практически не фиксировалось. Более того, достигнув своего расцвета, государство стало утрачивать свою целостность, а Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Так, уже в 756 г. уцелевший представитель рода Омейядов – Абдурахман – создал собственный халифат на Иберийском полуострове, последний осколок которого – Гранадский халифат – в ходе Реконквисты был отвоеван христианами у мавров в 1492 г. В последующем от халифата Аббасидов отпали: Алжир – в 777 г., Марокко – в 789 г., Ифрикия (Тунис) – в 800 г., Хорасан – в 821 г., Систан – в 867 г., Центральная Азия – в 900 г. Аналогичный развал шел в Сирии, Месопотамии, Аравии, Персии [6, с. 172]. Окончательно Аббасидский халифат был разрушен в XIII в. чингизидами, основавшими на большей части его территории новое государство монгольской династии Хулагуидов. Последний аббасидский халиф – Мутаваккиль – в 1517 г. был вынужден передать прерогативы «повелителя правоверных» (титул халифа – «амер аль-муминин») турецкому султану Селиму I, разгромившему войска египетских мамлюков, приютивших последнего аббасидского халифа, в битве при Аллепо. Окончательно халифат был упразднен в 1923 г. в ходе начавшихся реформ основателя Турецкой Республики Кемаля паши Ататюрка.

Ислам является мировой универсальной религией в связи с тем, что в ареал его воздействия входят многие народы, имеющие различные этнические, расовые, культурные и другие особенности. Поэтому хотя вера, учение, отправление культа на арабском языке являются общими

для всех мусульман, но религиозные обычаи, традиции, обряды имеют четко выраженные черты региональных и национальных культур, что позволяет отличить, скажем, турецкий ислам от аравийского. Как отмечалось выше, и в самой арабской среде, в том числе среди курейшитов, отмечались межклановые противоречия и конфликты. Фиксировались факты отступничества от ислама и лицемерия, даже возвращения состояние «джахилийи» (доисламское невежество), в результате чего на Аравийском полуострове приходилось силой осуществлять процесс реисламизации. Например, после смерти пророка первому праведному халифу Абу Бакру пришлось военным путем возвращать в лоно ислама тех представителей арабских племен, которые пошли по пути отступничества. Именно по этой же причине, в целях построения собственного государства, «очищения» и реарабизации ислама, в середине XVIII в. в Аравии развернулось мощное религиозно-политическое движение, ставшее известным как «ваххабизм». Однако несмотря на то, что ислам появился на арабской почве, впитав в себя многое из арабских ценностей, в том числе этнических и даже племенных, говорить о том, что арабский ислам и есть «чистый ислам» вряд ли уместно.

Однако в XX в. фиксируются усилия отдельных стран и созданных ими организаций для создания условий по восстановлению доминирующих позиций арабов в мировой исламской умме. В фарватере этого процесса, конечно же, находится Королевство Саудовская Аравия, на территории которой находятся две главные святыни ислама – в Мекке и Медине, куда ежегодно совершают паломничество (хадж) миллионы мусульман из различных стран и регионов. Следует подчеркнуть, что нынешнее королевство Саудитов было создано только с третьей попытки, в начале XX в. Жизнь первому Саудовскому государству дало т.н. «ваххабитское движение», возникшее в середине XVIII в. в результате союза между племенным шейхом Аль-Саудом и вероучителем Мухаммедом Абд аль-Ваххабом из аравийского Неджда. К началу XIX в. оно охватило всю Аравию, входившую в тот период в состав Османской империи, но в 1818 г. было разгромлено египетским войском Ибрагима-паши. Второй Риядский эмират просуществовал немногим более двух десятилетий (1843-1865 гг.) и распался в связи с ослаблением центральной власти и сепаратизмом местных правителей. Третий этап возрождения эмирата,

связанный с именем главы и поныне правящей ветви родового клана Аль-Сауд – Абд аль-Азиза Ибн Абд ар-Рахмана – берет свое начало с 1902 г. В 1932 г. Абд аль-Азиз, объединив в единое государство Неджд, Хиджаз и Хасу, провозгласил об образовании Королевства Саудовская Аравия. Наследниками короля стали его сыновья, в том числе нынешний правитель КСА – Салман Ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд.

Огромные запасы и доходы от продажи нефти и нефтепродуктов, а также скрепляющая саудовское общество идеология ваххабизма позволили КСА, этой крупнейшей монархии Персидского залива, стать лидером среди других монархий региона (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман), 25 мая 1981 г. создать Совет сотрудничества государств Персидского залива (ССАГПЗ), куда вошли все шесть монархий региона, организовать и стать лидером многих международных политических мусульманских институтов (среди них – Организация исламского сотрудничества – ОИС, Лига исламского мира – ЛИМ – с ее многочисленными филиалами во многих странах мира и многие другие), а также и огромного количества неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО), посредством которых вовне осуществляется экспорт той версии суннитского ислама, которая доминирует в КСА – неоваххабизма, базирующегося на ханбалитском мазхабе, самом жестком в суннитском исламе. Именно саудовская версия «арабского» ислама – неоваххабизм – презентуется сегодня в качестве «чистого ислама», с требованиями «очищения» других, традиционалистских интерпретаций этой религии.

Третий подход к взаимосвязи в исламе религиозного и этнического связано с традиционалистским исламом, феномен которого был предопределен, во-первых, с включением в VII – XI вв. в состав арабского халифата множества народов, а во-вторых, с последовавшим затем его распадом на более гомогенные в этнокультурном отношении государства, в каждом из которых ислам приобретал специфический оттенок, характерный образу жизни конкретного мусульманского этноса.

Народы с иными культурными традициями, включившись в духовную жизнь мусульманского мира, привнесли в ислам свои религиозно-этические представления, правовые нормы, обычаи. Как верно подчеркивает известный отечественный востоковед и исламовед С.М.Прозоров,

шел диалектический процесс взаимовлияния ислама «теоретического» и «бытового», «официального» и «народного». Однако этот процесс проходил не одновременно в разных регионах мусульманского мира и привел к тому, что в крупных историко-культурных регионах (Мавераннахр, Персия, Северная Африка, Индия, Индонезия и др.) ислам приобрел специфические черты. Поэтому решение проблемы соотношения ислама единого и ислама регионального имеет важное научно-методологическое значение. В основе этого решения лежит признание того объективного факта, что наряду с общеисламскими принципами, объединяющими весь мусульманский мир, существуют различные региональные формы бытования ислама, так или иначе связанных с этничностью. В таком случае проблема отнесения тех или иных представлений, норм, обычаев к исламским или «инородным» переходит в плоскость лишь ретроспективного анализа, а основным критерием принадлежности к духовному миру ислама является самосознание человека или целого народа, считающих себя мусульманами [7, с. 7-8].

Исходя из этого, можно утверждать, что «именно с традиционалистским, а не богословским исламом ассоциируется неразделимость этнического и конфессионального начал. ...Именно через традиционалистский, а не догматический ислам в первую очередь формируются стереотипы поведения каждого конкретного мусульманина, который на бытовом уровне является членом своей этноконфессиональной общины и только на макроуровне – носителем ценностей и атрибутов мировой уммы» [8, с. 64-65]. Сегодня сторонники традиционализма выступают за сохранение той версии ислама, которая исторически сложилась в той или иной стране, регионе, на той или иной территории, а также противодействуют каким-либо переменам, как в религиозной сфере, так и в общественной жизни [9, с. 30].

Религиозное и национальное (этническое) в мусульманстве пребывают в состоянии сложного взаимодействия. Как отмечалось выше, национализм как политическая идеология и религия, ислам в частности, в качестве социокультурного комплекса могут действовать каждый самостоятельно, либо содействуя, либо противодействуя друг другу. Как свидетельствует практика, особенно последних полутора столетий, национа-

лизм и ислам не раз сближались и расходились. Их объединяли и разъединяли реалии социальной и политической истории. Возможность их результативного взаимодействия, несмотря на принципиальные расхождения, как представляется, обусловлена функциональным сходством. В гносеологическом отношении и национализм, и религия основаны на абсолютизации соответственно – нации (государства-нации) и вероисповедной общины, которые воспринимаются как социально не дифференцированные общественные структуры. Для них зло одинаково воплощено в «чужаках», причем на мусульманском Востоке чаще всего в лице враждебного экспансионистского Запада, а затем уже местных коллаборационистов [10, с. 102].

Ислам, в силу неразделенности в этой религии светского и конфессионального, всегда оказывал заметное воздействие на ход социально-политических процессов в мусульманских странах и регионах. До появления национализма в современном его понимании освободительные движения, имевшие место в исламском мире, зачастую использовали религиозные лозунги в защиту традиционного образа жизни. В самосознании народов и этносов, особенно в критические периоды их истории, религия отождествлялась с этнонациональными представлениями и чувствами, влияла на межэтнические отношения, нередко подпитывая этноэгоистические и националистические установки представителей определенных слоев общества. Вместе с тем, как свидетельствует практика, религия в реальной жизни практически никогда не выступает в своем «чистом» виде, но всегда в этнонациональной, политизированной, эстетизированной и других формах.

В противоположность религии, национализм ставит целью создание современного государства и общества. При этом история ислама свидетельствует, что не этнонациональные отношения приспособлялись к религиозной системе, напротив, последняя приспособлялась к ним. Примером может служить многовековая история Османской империи, а теперь и Турецкой Республики. В течение четырех столетий турецкие султаны одновременно были халифами, духовными и светскими лидерами мусульман-суннитов. После крушения империи в начале XX в. курс был взят на построение государства-нации с опорой на идеологическую доктрину тюркизма. Однако уже в последние десятилетия прошлого века

в Турции наблюдается процесс реисламизации, а исламистская партия Эрдогана «Справедливости и развития» с 2002 г. является правящей. Вместе с тем, уже в 90-е гг. на парламентском уровне фиксировалось смыкание националистов «Партии националистического движения» (ПНД) и исламистов. Этот сложный процесс взаимодействия религиозного и националистического факторов получил свое оформление в качестве теории турецкого национально-религиозного синтеза. Уже упоминавшееся нами понятие «исламский национализм» сегодня чаще понимается не как идеалистическая «исламская нация», но в качестве того или иного националистического движения, действующего на части общеисламского поля. Например, турки в идеологических концепциях радикальных исламистов и этнонационалистов представляются «лучшими из мусульман». Активным сторонником распространения идей исламизма и пантюркизма в духе тюркско-исламистского синтеза выступает турецкий миллиардер, глава религиозной общины «Нурджулар» («Светлый путь») Мухаммед Фетхуллах Гюлен [11, с. 64].

Превалирование этнического фактора над конфессиональным можно также отследить на примере идеологической доктрины афганских талибов, которые, в первую очередь, являются пуштунами со своим обычным правом (пуштунвалай), и только затем — мусульманами. Данное обстоятельство позволяет им противостоять другим этническим группам афганских мусульман — таджикам, узбекам, туркменам и т.д.

Взаимодействие ислама с нормами обычного права (адаты) и традиционными обрядами можно обнаружить и у народов Северного Кавказа, однако и здесь этническое всегда превалирует над конфессиональным [12, с. 70]. Иначе говоря, в реальной жизни баланс между национализмом и религией практически всегда складывался в пользу первого. Особенно это заметно в ситуации, когда сталкиваются интересы этнонациональных групп одной конфессии. В этом случае религиозно-общинная солидарность уступает этнонациональной. Так было, например, в первой половине 90-х XX в. в Дагестане, когда единое духовное управление мусульман этой республики было буквально разорвано по этническому признаку на духовные управления даргинцев, лакцев, кумыков и т.д. Аналогичные тенденции фиксировались и в ходе реализации Доку Умаровым сепаратистского проекта «Имарат Кавказ». Так, несмотря на

то, что идеология радикального исламизма, на которой выстраивался политический проект «Имарат Кавказ», исключает вопрос этнической принадлежности, при назначении глав валайятов неформальный лидер северокавказского подполья придерживался принципа этнической паритетности. Согласно ему амиром чеченского валайята не мог быть ингуш или осетин, равно как и амиром осетинского валайята не мог стать ингуш. Амиром объединённого валайята Кабарды, Балкарии и Карачая также не мог стать чеченец или представитель другого этноса. Хотя формально идеологи «Имарата Кавказ» демонстрировали ничтожность этнонациональной идеи в системе отношений «Имарата Кавказ», в действительности они следовали административному принципу этнической паритетности в системе иерархического управления кавказскими территориями. Точно так же первичные единицы в сети - джамааты (бандгруппы) - были объединены в автохтонные ячейки, имеющие ярко выраженный этнический окрас. Аналогичные принципы в современном террористическом подполье на Северном Кавказе практикуются и в настоящее время.

Таким образом, как представляется, синтез религиозного и этнического выступает несомненным фактором, лежащим в основе традиционных форм бытования ислама. Одновременно те, кто ратуют за «чистый» ислам, требуют очищения религии от позднейших наслоений, выходящих за рамки «золотого века» (период получения божественных откровений Мухаммедом и деятельности первых четырех «праведных» халифов, т.е. 610-661 гг.), на деле выступают сторонниками реарабизации ислама. Однако утверждение, что т.н. «чистый ислам» свободен от этнического арабского влияния в корне ошибочно. Несмотря на то, что упомянутые выше сакральные источники мусульманства составлены на арабском языке, который оказал колоссальное влияние на развитие культур многих не арабских народов, принявших ислам, говорить о доминировании в современном «исламском мире» арабской этничности, культуры, традиций, мировоззрений, думается, было бы неправильным. Тем более что многие народы в период великих арабских завоеваний и принятия ислама в культурном отношении находились на более высокой ступени развития, например – персы, сирийцы, некоторые другие народы. В этой связи ставить знак равенства между «чистым» и «арабским» исламом не

только ошибочно, но и опасно, поскольку стремление к «очищению» религии на практике ведет к появлению религиозных фанатиков, радикалов, религиозно-политических экстремистов и даже террористов, прикрывающихся «благими» намерениями по «зачистке» ислама от «греховных нововведений», «ересей». Такая политическая практика почти всегда ведет к пролитию крови, к войнам, чему в современном мире масса примеров.

Вышеизложенное позволяет сделать принципиальный вывод: «чистого ислама», свободного от влияния этнического фактора, не существует, а есть ислам арабизированный (аравийский, неоваххабитский), который и представляется в качестве «чистого», «истинного». Стремление к его привнесению на Северный Кавказ и в другие российские регионы — это, по сути, попытка подмены местных этнических, культурных и иных идентичностей на арабо-ваххабитские. Такой процесс бесконфликтным в принципе быть не может.

Литература

1. *Амелина Я.* Религиозная и национальная культура на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия // Историческая память и диалог поколений в постсоветском обществе. - М.: Книжный мир, 2016. - 252 с.
2. *Матвеев В.А.* Государственно-политическая централизация и местное самоуправление на северокавказских рубежах России до 1917 года // Российский выбор. - 1998. - № 1.
3. *Мухетдинов Д.* К вопросу о российском мусульманстве // Россия и мусульманский мир. – 2016. - № 8 (290).
4. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. - 1999. - № 1.
5. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.
6. *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. – М.: РИПОЛ-Классик, 2015. – 704 с.
7. Хрестоматия по исламу. - М.: «Восточная литература», 1994. - 235 с.
8. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. - 180 с.
9. *Добаев И.П.* Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 6.

10. *Левин З.С.* Общественная мысль на Востоке. - М.: «Восточная литература», 1999. - 245 с.

11. *Добаев И.П.* Геополитика Турции на Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1999. - № 1.

12. *Капустин Н.С.* Научная школа «Религиозный синкретизм» // Научные школы Ростовского государственного университета. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2000.

Долгиева Марем Белановна

Кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории России
Ингушского государственного университета,
зав. отделом истории Ингушетии
Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН ИНГУШЕТИИ В 20-30-Х ГГ. XX В.

Аннотация: Культурное строительство, начавшееся на Северном Кавказе в 20-30-е годы, активно развернулось и на территории Ингушетии. Особую роль в этом процессе сыграла борьба за ликвидацию безграмотности населения. В статье рассматривается государственная политика в области образования, в частности ликвидация неграмотности среди женщин Ингушетии.

Ключевые слова: Ингушетия, образование, ликвидация неграмотности, ликпункты, женщины, преподаватели.

Историческим наследием царского режима явилась значительная доля неграмотного населения в стране. По уровню грамотности населения царская Россия стояла на последнем месте среди европейских держав.

Очень низким был уровень грамотности населения Северного Кавказа, в том числе Ингушетии. Отсутствие письменности, литературы,

светской школы, органов печати на родном языке сказывалось на грамотности населения северокавказского региона. По существу, можно говорить почти о поголовной безграмотности населения края. Такое положение объяснялось тем, что царское правительство не заинтересовано было в просвещении всех горцев. Образование давалось только небольшой прослойке, которая являлась их социальной опорой, проводниками их политики на Кавказе.

После Октябрьской революции 1917 пришедшие к власти большевики, г., осознавали, что для удержания власти, упрочения нового строя надо решить задачу повышения уровня просвещения населения, его культуры, а для осуществления радикальных преобразований в экономике, политике, духовной сфере наряду с просвещением народа необходимо его воспитание в духе новой, социалистической идеологии. Понимание этого можно выразить словами В. И. Ленина, который отмечал, что «пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком рано говорить... безграмотный человек стоит вне политики, его сначала нужно научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только сказки, слухи, предрассудки, но не политика»¹.

Как видим из речи В.И. Ленина, большевикам требовался новый человек, полностью понимающий и поддерживающий, ставившиеся этой властью политические и экономические лозунги, а также пути их решения.

Новая власть создала Государственную комиссию по просвещению, которой были переданы все функции дореволюционного Министерства народного просвещения. В Наркомате просвещения РСФСР был создан внешкольный отдел (с 1920 г. Главполитпросвет)².

Итак, в сфере просвещения перед большевиками стояли две основные и важные задачи: развитие школьного образования и ликвидация неграмотности взрослого населения.

¹ Ликвидация массовой неграмотности населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в 20-30-е гг. XX века: проблемы, взаимодействие [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-massovoy-negramotnosti-naseleniya-dagestana-kabardino-balkarii-severnoy-osetii-i-checheno-ingushetii-v-20-30-e-gg-xx-veka> (дата обращения: 11.05.2021)

² Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР. [Электронный ресурс]. <http://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr> (дата обращения 23.11.21)

Кампания по ликвидации безграмотности в стране началась с декрета Совета Народных Комиссаров (СНК) «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанного В.И. Лениным 26 декабря 1919 г., который обязывал все неграмотное население в возрасте от 8 до 50 лет учиться на родном или русском языке (по желанию)¹.

В соответствии с принятым декретом в каждом селе, где было больше 15 неграмотных людей, нужно было открывать школу грамоты (ликпункт), обучение, в котором шло 3-4 месяца. Под ликпункты рекомендовалось приспособлять всевозможные помещения: заводские, частные дома и церкви².

Через год, в июле 1920 г. была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Аналогичные комиссии были созданы во всех регионах страны. На ликвидацию неграмотности государство выделяло из бюджета значительные средства и направляло возможные в тех сложных условиях культурные силы.

Все созданные в этот период комиссии, по ликвидации неграмотности наделялись широкими полномочиями по решению проблем, связанных с обучением грамоте населения национальных областей.

На X съезде РКП (б), состоявшемся в марте 1921 г. были приняты ряд нормативных документов, определивших важнейшие направления культурной революции, направленные на решение проблем в области ликвидации неграмотности населения.

Как мы отметили, в рассматриваемый период Северный Кавказ значительно отставал в своем экономическом и культурном развитии от Центральной России. Так, по данным переписи 1920 г., грамотность среди ингушей составляла 3%, к примеру, среди кабардинцев было 2,1% грамотных, среди балкар - 0,9%, среди чеченцев - всего 0,8%.³

¹ Аристова Т.Ф. Развитие народного просвещения. Сборник статей. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.)// Под ред. В.К. Гарданова. М., Издательство «Наука», 1968. С.284

² Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР. [Электронный ресурс]. <http://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr> (дата обращения 23.11.21)

³ Ликвидация массовой неграмотности населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в 20-30-е гг. XX века: проблемы, взаимодействие. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-massovoy-negramotnosti-naseleniya-dagestana-kabardino-balkarii-severnoy-osetii-i-checheno-ingushetii-v-20-30-e-gg-xx-veka> (дата обращения: 11.05.2021)

Из вышеприведенных данных видно, что в Ингушетии большинство населения было безграмотным, и только небольшая часть ингушского общества читала, писала по-русски, и по-арабски¹.

18 июля 1921 г. Совет народных комиссаров Горской АССР принял постановление «О ликвидации неграмотности среди населения», которым обязал всех граждан республики от 14 до 30 лет обучаться грамоте на родном и русском языках². СНК поручил Наркомпросу разработать график (алфавит) на общей для всех горцев основе. Для решения этой задачи отводился год, в ходе которого работающие освобождались на 2 часа раньше с работы. В этот период был принят Декрет «О ликвидации среди горских племен безграмотности на родном языке»³.

Первой и главной задачей этого периода в области культурного строительства была ликвидация неграмотности, открытие школ, для этого были мобилизованы лучшие партийные силы Ингушетии. Для решения этого вопроса необходимо было: открытие пунктов по ликвидации неграмотности (ликбезов), строительство новых школ, подготовка педкадров, в том числе подготовка учителей-националов, развитие печати, расширение сети культурно-просветительных учреждений, вовлечение в процесс образования женщин, наличие учебной литературы и финансовой поддержки властей.

Руководство Ингушетии, несмотря на ряд острых проблем стоящих в этот период во всех сферах жизни общества, уделяло большое внимание вопросам ликвидации неграмотности и малограмотности населения.

В связи с этим, 15 августа 1920 г. в Ингушетии была образована областная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности и малограмотности взрослого населения, так называемая Чрезвычайная Комиссия Ликвидации Безграмотности.⁴

¹ Искендеров А.А. Ленин, Троцкий, Сталин. Русская революция 1917 г. в фокусе взаимоотношений ее вождей//Жур. ВИ, №7, 2008. - С. 22.

² Образование в Ингушетии (20-30-е годы) <https://gazetaingush.livejournal.com/1406353.html>

³ Балаева А.Р. Деятельность органов власти по подготовке и переподготовке педкадров для школ Чечено-Ингушетии в 1920-30-е гг. // Научно-теоретический журнал. Вып. 4, Пятигорск., 2009. С.10-16

⁴ Ликвидация неграмотности в Ингушетии (1920 - 1930-е гг.). Актуальные публикации по вопросам школьной педагогики. [Электронный ресурс].[https://library.by/portalus/modules/shkola/readme.php?archive=1195596857&id=1194531794&start_from=&subaction=showfulat=\(дата обращения 23.11.21\)](https://library.by/portalus/modules/shkola/readme.php?archive=1195596857&id=1194531794&start_from=&subaction=showfulat=(дата обращения 23.11.21))

20 января 1921 г. была организована Назрановская окружная комиссия по ликвидации безграмотности.

В газете «Советский Юг» (№ 70, от 31 марта 1921 г.) по этому поводу сообщалось: «Для более успешного проведения ликвидации безграмотности Назрановский округ разбит на три района с районными комиссиями в селениях Длинная Долина, Насыр-Корт и Средние Ачалуки с инструкторами, считая по два на каждую комиссию... Во Владикавказе с 15 февраля с. г. открыты, преимущественно для ингушей, курсы для подготовки учителей — ликвидаторов неграмотности... »¹.

Таким образом, в течение 1920-1922 гг. в Ингушетии были организованы ликпункты, школы, ускоренные двухмесячные и специальные курсы для подготовки учителей-ликвидаторов неграмотности, в том числе учителей-националов. На начальном этапе работа по ликвидации неграмотности в Ингушетии ввелась в 21 ликпункте, а затем дополнительно было открыто еще три пункта (известно, что один из них был открыт во Владикавказе при союзе Медсантруд)², в которых обучалось около 1700 человек.

Первые ликпункты на территории Ингушетии были открыты в сс. Длинная Долина, Экажево, Сурхохи, Яндиево, Гадаборшево и др.³.

Важным событием на пути ликвидации безграмотности населения было создание в 1923 г. Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность», *председателем* центрального Совета общества стал председатель ЦИК СССР М.И. Калинин.

Общество выпускало газеты и журналы, буквари, пропагандистскую литературу⁴.

¹ Газета «Советский Юг», №70, 1921; Ликбезы, или «Груз науки». Постановление правительства Горской АССР «О ликвидации неграмотности...» [Электронный ресурс] <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/postanovlenie-pravitelstva-gorskoy-assr-o-likvidacii-negramotnosti> (дата обращения 20.06.2021)

² ГАРО, Ф. 1485. Оп.1. Д.248. Л.94-95.

³ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии 1920-июнь 1941 гг. Грозный, 1979. С. 16. док. №13, 20, 21. См; Гудиева Л. Х. Ликвидация неграмотности в Ингушетии (1920-1930-е гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?Subaction=showfull&id=1194531794&archive=1195596857&start_from=&ucat=& (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР. [Электронный ресурс]. <http://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr> (дата обращения 23.11.21)

При этом обществе была образована Центральная комиссия национальных меньшинств¹. Отделения этого общества были во всех национальных областях и занимались они через ликпункты, школ малограмотных и изб-читален ликвидацией неграмотности населения.

Учитывая, что по уровню грамотности населения Ингушская автономная область занимала предпоследнее место (3,5%)², власти стали уделять большое внимание решению вопроса ликвидации неграмотности и малограмотности населения.

Одним из первых шагов руководства области было создание 1 июля 1925 г. ингушского ОДН - общества «Долой неграмотность». Ответственным секретарем правления этого общества назначили И.К. Мальсагова³.

Общество «Долой неграмотность» призвано было всемерно содействовать проведению мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения: создавались школы, группы, члены которых вели индивидуальную работу по обучению неграмотных, а также проводили широкую политико-просветительную работу. Открывались пункты — «ликбезы». Были созданы группы индивидуального обучения, где занятия, начиная с 1926 г., вели «ликвидаторы». Повсеместно проходили агиткампании по ликбезу с привлечением всех культурных сил области.

К началу ноября 1925 г. в Ингушетии было организовано 23 ячейки общества «Долой неграмотность» на предприятиях и учреждениях области. Вся работа велась под лозунгами: «Долой неграмотность», «Грамотный, обучи неграмотного!». Всего за период с июля по ноябрь 1925 г. ингушское общество «Долой неграмотность», сумело привлечь к начальному обучению более 700 человек взрослого населения. При этом с агитационно-организационной целью было прочитано 22 лекции. Занятия проводились на русском и на ингушском языке.

Работникам ликбеза оказывалась методическая помощь, проводились конференции, на заседаниях Ингушского облревкома заслушивались их отчеты по проделанной работе.

¹ Аристова Т.Ф. Указ. раб. С.284

² Северный Кавказ после районирования. Т.І. Ростов-на-Дону, 1925. С.375

³ Патиев Я.С. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Махачкала., 2007. С.99

В результате деятельности общества «Долой неграмотность» в Ингушетии повысилась общая грамотность на 8,3% в 1926 г., против 3% на 1920 г.¹

С созданием обществ и комиссий по ликвидации неграмотности и малограмотности работа по обучению взрослого населения заметно активизировалась.

При этом надо отметить, что темпы ликвидации неграмотности населения были явно неудовлетворительными, а уровень грамотности оставался крайне низким. Не все было так хорошо, как писали в отчетах и газетах. В период проведения данной кампании сталкивались с определенными проблемами. Во-первых, это была возвратная неграмотность, когда забывали, то, что учили в ликпунктах и снова оказывались за партой. Во-вторых, в первые годы создания ликпунктов и открытия школ не хватало помещений, письменных принадлежностей, книг, учителей, что осложняло работу организаторов по ликвидации безграмотности.

Остро стояла проблема ликвидации неграмотности среди женщин. В процессе ликвидации неграмотности и малограмотности было преобладание по всем автономным областям в учреждениях Политпросвета мужского населения.

Из общего числа обучающихся в ликпунктах автономных областей на долю мужчин приходилось 88, 2% на долю женщин 11, 8%².

В связи с этим особое внимание в Ингушской автономной области уделялось вовлечению женщин в кампанию по ликвидации неграмотности. На II пленуме Ингушского обкома РКСМ в 1924 г. в докладе «О работе комсомола в национальной деревне» было отмечено, что необходимо вовлечь девушек-ингушек в культурные центры: ликпункты, избы-читальни, мастерские кройки и шитья, организацию ячеек только из девушек³.

В Ингушетии в этот период среди мужчин грамотных было 15,6%, а среди женщин 2,1%. В работе М.Л. Тусикова приводятся немного другие цифры. Он пишет, что из общего количества населения Ингушетии в

¹ Очерки истории ЧИАССР, Т.2, - Грозный, 1972, С. 118.

² Северный Кавказ после районирования. Т.1. Ростов-на-Дону, 1925. С.388

³ Ахмадова М.П. Реализация культурно-образовательной политики Советской власти среди женщин-горянок в Чечне и Ингушетии в 20–30-Х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1

62.722 души обоего пола числятся грамотных мужчин 6,2% и женщин 0,5%, а всего грамотных – 3.4%, причем процент грамотных для отдельных Округов далеко не одинаков – в Ачалуковском Округе грамотных – числится 3,7%, в Назрановском – 3,8%, в Горном – 2,4%.¹.

Таким образом, процент грамотности горянок в Ингушетии был - в 8 раз ниже, чем у мужчин.

Из приведенных данных мы видим, что процент грамотных, в общем, по Ингушетии был очень низким, особенно мало грамотных было среди ингушских женщин. В связи, с этим, в 1924-1925 гг. местные органы развернули массовое обучение женщин. Отдел народного образования области разрабатывало специальные планы охвата школьной сетью девочек и женщин-горянок, их направляли на учебу в рабфаки, на специальные курсы по ликвидации неграмотности...².

В силу прижившихся обычаев очень трудно было втянуть ингушских женщин в ликпункты. Областные органы власти на пути ликвидации безграмотности среди женщин-горянок в ликбезах сталкивалось с большими проблемами. Распространенными были случаи, когда родители, брат или муж запрещали женщинам посещать ликпункты. Против обучения женщин использовались веками укоренившиеся в быту традиции, что учить женщину не нужно³, что женщина должна заниматься домом и хозяйством. Негативно на вовлечение женщин в процесс ликвидации неграмотности сказывалась и позиция реакционного духовенства.

В Ингушетии приходилось сталкиваться и с такой проблемой, когда женщины не хотели в ликпунктах заниматься вместе с мужчинами, в связи, с чем приходилось идти на открытие ликпунктов отдельно для женщин.

Власть для ликвидации неграмотности среди женщин искала разнообразные формы, соответствующие местным особенностям для того, чтобы горянки могли пользоваться новыми возможностями – учиться

¹ Тусиков М.Л. Ингушетия: экономический очерк. Владикавказ: Ингушск. обл. исполком, 1926, С.57

² Каратаева М.А. Работа партийной организации Чечено-Ингушетии среди женщин-горянок в период социалистических преобразований (1920-1933 гг.)// Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.Х. Грозный, 1976, С. 74

³ Ахмадова М.П. Реализация культурно-образовательной политики Советской власти среди женщин-горянок в Чечне и Ингушетии в 20–30-Х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. [Электронный ресурс].

наравне с мужчинами. Повсюду организовывались для женщин специальные женские ликпункты, интернаты горянок, женские клубы и т.д.¹.

Главполитпросветом Наркомпроса РСФСР было решено в 1925 г. открыть для женщин «120 ликпунктов со снабжением этих ликпунктов всеми необходимыми учебными пособиями»².

Помимо обучения женщин грамоте, еще необходимо было также вовлечь их в культурно-образовательный процесс. В связи с этим намечалось открыть для женщин Востока 20 изб-читален и 75 красных уголков³.

Также было предложено увеличить отчисление средств из культурфонда на культработу среди горянок до 30 %, направляя эти средства на организацию и расширение клубов и ликпунктов, кооперативных кружков и курсов для женщин⁴.

Для женщин открывались промысловые артели, школы ткачества, кройки и шитья, в которых велась культурно - просветительная работа.

Отделы народного образования направляли женщин-горянок на учебу в рабфаки, на специальные курсы ликвидации неграмотности, на подготовительные группы Совпартшкол, на медицинские курсы и т.д.

В конце 20 начале 30-х гг. XX в. в Ингушетии работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения, в том числе среди женщин заметно активизировалась.

Статистика по ликвидации безграмотности рассматриваемого периода в общем впечатляет: например, в 1926 - 1927 гг. - 904 человека; в 1927 - 1928 гг. - 701; в 1928 - 1929 гг. - 616. Всего за эти три года ликвидировали полную безграмотность – 2221 человек; из них женщин – 56⁵.

¹ Magomedova R.M., Karimulaeva E.M., Magomedova P.A. Ликвидация неграмотности среди женщин Дагестана 1920-1930 годы (10-12) // Евразийский Союз Ученых. PDF архив.(): [Электронный ресурс] <https://euroasia-science.ru/pdf-arxiv/10-12-magomedova-r-m-karimulaeva-e-m-magomedova-p-a-the-eradication-of-illiteracy-among-women-of-dagestan-the-years-1920-1930/>(дата обращения 24.11.21)

² Культурное строительство в РСФСР: 1917-1927 гг.: документы и материалы: в 3-х т. М.: Советская Россия, 1984. Т. I. С.138.

³ Там же. С.138.

⁴ Ахмадова М.П. Указ. раб.

⁵ Ликвидация неграмотности в Ингушетии (1920 - 1930-е гг.). Актуальные публикации по вопросам школьной педагогики [Электронный ресурс]. [https:// library. by/ portalus /modules /shkola/readme.php?Archive=1195596857&id=1194531794&start_from=&subaction=showfull&ucat=](https://library.by/portalus/modules/shkola/readme.php?Archive=1195596857&id=1194531794&start_from=&subaction=showfull&ucat=) (дата обращения: 25.11.21)

Как видно из приведенных данных темпы ликвидации безграмотности среди женщин были низкими, но в целом для Ингушетии это были уже хорошие показатели.

Большую роль в процессе ликвидации неграмотности сыграли культпоходы. Согласно решению Крайисполкома «О культпоходе в нацобластях» (1931 г.), необходимо было провести в Ингушетии первый культурный поход с 1 июня по 7 ноября 1931 г. Учебой охвачено было 1200 человек. Второй культпоход был проведен в 1933 г. в результате происходит рост числа, обучающихся грамоте ¹.

В результате культурных походов планировалось «охватить в Чечне 85000 человек, из них – 55250 женщин; в Ингушетии – 15500, из них – 9700 женщин; по ликвидации малограмотности в Чечне – 13000 человек, из них 3200 женщин; в Ингушетии – 5500 человек, из них – 2200 женщин ².

Таким образом, за очень короткий период времени благодаря пробуждению самосознания и инициативы народа, а также хорошей организации работы органами власти, было сделано много в области ликвидации безграмотности населения, в том числе среди женщин.

Литература

1. Аристова Т.Ф. Развитие народного просвещения. Сборник статей. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.)// Под ред. В.К. Гарданова. М., Издательство «Наука», 1968

2. Ахмадова М.П. Реализация культурно-образовательной политики Советской власти среди женщин-горянок в Чечне и Ингушетии в 20–30-Х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1

3. Беркен-хаев Д.Ш. Из истории культурного строительства сельского населения Чечено-Ингушетии (1921-1941 гг.) - Грозный, 1973

¹Беркен-хаев Д.Ш. Из истории культурного строительства сельского населения..., - Грозный, 1973. С.8-9

² Революция и горец. 1931. № 8. С. 73.

4. Балаева А.Р. Деятельность органов власти по подготовке и переподготовке педкадров для школ Чечено-Ингушетии в 1920-30-е гг. // Научно-теоретический журнал. Вып. 4, Пятигорск., 2009

5. Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР. [Электронный ресурс]. <http://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr>

6. Газета «Советский Юг», №70, 1921

7. ГАРО, Ф. 1485. Оп.1. Д.248. Л.94-95.

8. Гудиева Л. Х. Ликвидация неграмотности в Ингушетии (1920-1930-е гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.Ru/modules/shkola/rus_readme.php?Subaction=showfull&id=1194531794&archive=1195596857&start_from=&ucat=&

9. Искендеров А. А. Ленин, Троцкий, Сталин. Русская революция 1917 г. в фокусе взаимоотношений ее вождей//Жур. ВИ, №7, 2008

10. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии 1920-июнь 1941 гг. Грозный, 1979. док. №13, 20, 21

11. Каратаева М.А. Работа партийной организации Чечено-Ингушетии среди женщин-горянок в период социалистических преобразований (1920-1933 гг.)// Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.Х. Грозный, 1976

12. Культурное строительство в РСФСР: 1917-1927 гг.: документы и материалы: в 3-х т. М.: Советская Россия, 1984. Т. I.

13. Ликвидация массовой неграмотности населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в 20-30-е гг. XX века: проблемы, взаимодействие [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-massovoy-negramotnosti-naseleniya-dagestana-kabardino-balkarii-severnoy-osetii-i-checheno-ingushetii-v-20-30-e-gg-xx-veka>

14. Ликвидация неграмотности в Ингушетии (1920 - 1930-е гг.). Актуальные публикации по вопросам школьной педагогики [Электронный ресурс] https://library.by/portalus/modules/shkola/readme.php?archive=1195596857&id=1194531794&start_from=&subaction=showfull&ucat=

15. Ликбезы, или «Груз науки». Постановление правительства Горской АССР «О ликвидации неграмотности...» [Электронный ресурс]. <https://gazetaingush.Ru/obshchestvo/postanovlenie-pravitelstva-gorskoj-assr-o-likvidaciiinegramotnosti>

16. Magomedova R.M., Karimulaeva E.M., Magomedova P.A. Ликвидация неграмотности среди женщин Дагестана 1920-1930 годы (10-12)// Евразийский Союз Ученых. PDF архив.-<https://euroasia-science.ru/pdf-archiv/10-12-magomedova-r-m-karimulaeva-e-m-magomedova-p-a-the-eradication-of-illiteracy-among-women-of-dagestan-the-years-1920-1930/>
17. Образование в Ингушетии (20-30-е годы) [Электронный ресурс]. [https:// gazetaingush. livejournal. com /1406353.html](https://gazetaingush.livejournal.com/1406353.html)
18. Очерки истории ЧИАССР, Т.2, - Грозный, 1972
- 19.Патиев Я.С. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Махачкала., 2007
20. Революция и горец. 1931. № 8.
21. Северный Кавказ после районирования. Т.1. Ростов-на-Дону, 1925
22. Тусиков М.Л. Ингушетия: экономический очерк. Владикавказ: Ингушск. обл. исполком, 1926

Кратова Наталья Васильевна

кандидат исторических наук, доцент,
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР,
г. Черкесск, Карачаево-Черкесская республика

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ В 1980-Е Г.

Аннотация. В настоящей статье на примере Карачаево-Черкесской автономной области рассказывается об особенностях государственной церковной политики в 80-е годы. В это время в работе административной вертикали, ответственной за реализацию государственно-конфессиональной политики произошли серьезные изменения. Как в центральном аппарате, так и на местах, специалисты в области государственно-конфессиональных отношений понимали объективную необходимость изменения базовых принципов этого важнейшего направления внутренней политики. Противостояние с другими административными и правоохранительными структурами,

настроенными на продолжение агрессивнo-атеистической линии приводило к достаточно серьезным колебаниям в политическом курсе. Несмотря на продолжающуюся работу по атеистическому воспитанию, прессинг на религиозные организации год от года снижался. А проделанная в этот период работа по модернизации законодательства в сфере свободы совести, практически не востребованная в советский период, дала свои плоды в эпоху новой, постсоветской России.

Ключевые слова: Государственно-конфессиональная политика, Государственно-конфессиональные отношения, Совет по делам религий, Карачаево-Черкесская автономная область.

В последнее десятилетие существования советского государства во всех сферах общественной жизни протекали сложные процессы, которые, в конце концов, привели к краху политического режима и распаду СССР.

Лакмусовой бумагой, чутко реагиовавшей на происходящие во властных структурах изменения, была религиозная жизнь. Вытесненная формально из советского быта, религия продолжала оставаться важной частью общественного сознания, а потому партийные и советские структуры уделяли этому сегменту пристальное внимание.

В настоящей статье мы рассмотрим на примере Карачаево-Черкесской автономной области, как менялся вектор государственной конфессиональной политики в это непростое для страны время.

Политика советского государства по отношению к религии со второй половины 1970-х годов носила противоречивый характер. С одной стороны в этот период религиозные организации получили определенные послабления, например, Указом 23 июня 1975 года Президиума Верховного Совета СССР были внесены изменения в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях». В соответствии с этими изменениями религиозные объединения наделялись некоторыми правами юридического лица. Исследователь Д.Ю. Макарова указывает на то, что с конца 1970-х годов начинается период частичной либерализации государственной политики по отношению к Русской Православной церкви: « в 1979 году Издательский совет РПЦ получил разрешение снимать собственные пропагандистские фильмы, в 1980 году от-

крылся завод «Софрино»¹, активизировалась книгоиздательская деятельность церкви.² В то же время был принят целый ряд постановлений, усиливший контроль над доходами церкви, за посещением богослужений, за совершением обрядов, а также контроль за содержанием проповедей. Одновременно с конца 1970-х идет активизация атеистической пропаганды, именно в этот период ЦК КПСС принимает целый ряд постановлений, направленных на усиление атеистической пропаганды: 27 февраля 1978 года - « О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды», 26 апреля 1979 года – « О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», 22 сентября 1981 года - « Об усилении атеистического воспитания», 2 июля 1984 года – «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» и т.д. Характер и направленность государственной конфессиональной политики этого времени во многом были связаны с личностью Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Владимира Алексеевича Куроедова, отвечавшего за это направление с 1965 по 1984 год

Карачаево-Черкесия в 80-е годы прошлого века мало чем отличалась от других регионов страны. Здесь также активно проводилась политика, направленная на искусственное сдерживание роста числа религиозных объединений, велась широкая атеистическая пропаганда, органы власти третировали религиозные общины постоянными проверками, вопрос об открытии новой общины, ремонте или строительстве культового здания превращался в многомесячную, а порой и многолетнюю бюрократическую процедуру, почти без шанса на позитивное решение. За один только 1981 год было принято 6 решений Облисполкома КЧАО, касающихся исправлению недостатков идейно-воспитательной работы и усилению атеистического воспитания, проведено 18 встреч и 1 совещание с церковным активом.³ Также в июле 1981 года было утверждено «Поло-

¹ Макарова Д.Ю. Эволюция взаимоотношений Русской Православной церкви и советского государства в 1943-1992 гг. (на материалах Курской области): Дис.....канд. ист. наук. – Курск, 2015. С.180.

² Макарова Д.Ю. Эволюция взаимоотношений Русской Православной церкви и советского государства в 1943-1992 гг. (на материалах Курской области): Дис.....канд. ист. наук. – Курск, 2015. С.202.

³ Справка о проделанной работе по обеспечению законодательства о культах в области в 1981 году.// Личный архив автора.

жение о комиссиях содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах».¹ Всего за 1981-1986 год Обком КПСС вопросы атеистического воспитания рассматривал 80 раз, было создано 66 организационно-политических групп, в которые вошли 724 активиста². Ежегодно в области в первой половине 1980-х годов читалось до 2000 лекций по атеизму, 1300 по социалистической обрядности, 5250 по вопросам советского образа жизни³. К атеистической пропаганде были привлечены школы, библиотеки, больницы, театры, музеи, СМИ, были утверждены примерные сценарии проведения социалистических обрядов рождения, свадеб, похорон. Особенно активно атеистическая работа велась в Зеленчукском районе. За период 1981-1984 Зеленчукский райисполком принял 68 решений, провел 2 сессии Исполкома, посвященных организации антирелигиозной деятельности. Тем не менее, религиозность в районе не снижалась. Например, в 1983 году количество отпеваний умерших среди православных составило 68%.⁴ В целом по области по данным Отдела пропаганды и агитации обкома КПСС в первой половине 1980-х было отпето по православному обряду 60-80 % от числа всех умерших. Так же оценивался и процент прошедших обряд крещения⁵.

Вместе с тем, в начале 80-х годов в Карачаево-Черкесской автономной области произошли серьезные структурные изменения, которые оказали влияние на государственно-конфессиональные отношения. До этого времени в области было зарегистрировано 6 православных общин, однако ни религиозных управленческих структур, ни «своего» Уполномоченного Совета по делам религий не было. Церкви входили в состав Невинномысского благочиния, а все отчеты о религиозной ситуации местные власти направляли в краевой центр, где располагался Уполномоченный. Отсутствие конструктивного взаимодействия власти и церкви приводило к ожидаемому результату, когда при формальном отсутствии

¹ Справка о проделанной работе по обеспечению законодательства о культах в области в 1981 году. // Личный архив автора.

² Центр документации новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики (далее - ЦДНИ КЧР). Ф.П-1. Оп.55. Д-72 Л.30.

³ ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.55. Д-72 Л.32.

⁴ ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.55. Д-72 Л.144, 146.

⁵ О религиозной обстановке, выполнении законодательства о культах и недостатках атеистического воспитания населения области. Информация отдела пропаганды и агитации обкома КПСС №586 от 29.10.1986. // Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1986 году

культовых зданий и зарегистрированного духовенства в области существовала тeneвая религиозность, и власти не могли полностью контролировать религиозную жизнь области.

Чтобы «исправить ситуацию» в 1980 году была учреждена должность Уполномоченного Совета по делам религий по КЧАО. В 1981 году власти санкционировали образование Карачаево-Черкесского благочиния, каноническая территория которого совпала с границами области. Благочинным стал протоиерей Василий Афонин, являвшийся одной из ключевых фигур в общественной жизни Карачаево-Черкесии вплоть до своей смерти в 2004 году.

Назначение в КЧАО Уполномоченного Совета по делам религий безусловно способствовало активизации атеистической работы, однако в 80-е годы посещаемость храмов оставалась стабильной. На воскресную службу в храмы приходило от 20 до 120 человек, а на Пасху - от 400 до 2500 человек¹. Политика властей в этот период была направлена на то, чтобы не допустить молодежь в храмы. Власть применяла различные меры, чтобы сдержать рост численности верующих. Верующую молодежь исключали из средних специальных и высших учебных заведений. По всем населенным пунктам рассылались формуляры, в которых должен был вестись учет детей и молодежи, принимающей участие в богослужении во время Великих праздников. По данным Уполномоченного Совета по делам религии по КЧАО среди участников обрядов крещения и венчаний были и комсомольцы, и коммунисты, однако эти факты участниками, включая духовенство, скрывались². Но, не смотря на это, факты их участия все равно выяснялись, а «виновники» прорабатывались. В качестве примера можно привести заседание комитета ВЛКСМ Зеленчукского района, разбиравшего факт крещения в 1982 году детей двух комсомольских семей, в ходе разбирательства выяснилось, что «крестили детей бабушки без ведома родителей»³. Эта отговорка иногда спасала, выносились решения «усилить контроль и атеистическую пропаганду».

¹ ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.65. Д.253. Л.23.

² ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.46. Д-65. Л.36.

³ ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.55. Д-72. Л.150.

Власти также стремились не допустить увеличения количества приходов¹, пытались контролировать и содержание проповедей. По данным на 1980 год комиссиями содействия исполкомам по контролю за соблюдением законодательства о культах в православных церквях было прослушано 40 проповедей. Особое внимание уделялось тому, чтобы религиозные проповеди не выходили за рамки религиозно-нравственных и религиозно-патриотических тем. Отмечалось, что «произносились моления за сохранение мира, за мудрость и здоровье советского правительства и представителей власти на местах, осуждались хищения народного добра нечестными людьми...»².

Одним из направлений деятельности государства по ослаблению экономического положения церкви являлось обязательство отчислять денежные средства в многочисленные фонды. Так, в 1981 году православные верующие области перечислили в Фонд мира 41 196 рублей.³, в 1982 году – 42 тысячи рублей, а за 9 месяцев 1983 года – 34292 рубля.⁴

К середине 1980-х годов в Ставропольском крае активизировалась работа аппарата Уполномоченного, комиссий содействия, правоохранительных органов «по пресечению незаконных действий экстремистской части священнослужителей и верующих»⁵. Однако, именно в этот период в Карачаево-Черкесии наметилась тенденция к выстраиванию конструктивных отношений власти и православной церкви КЧАО. Начали проводиться встречи религиозного и партийно-советского актива, православным верующим в г. Черкесске было разрешено участвовать в возложении венков к братской могиле воинов, павших в Великой Отечественной войне⁶. Впрочем, до государственно-церковной симфонии было по-прежнему далеко.

¹ Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1981 год. //Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1981 году.

² Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1980 год.//Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО.

³ Справка о проделанной работе по обеспечению законодательства о культах в области в 1981 году.// Личный архив автора.

⁴ ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.46. Д-65. Л.35.

⁵ Информационный отчет уполномоченного по делам религии при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю за 1984 год.//Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1984 году.

⁶ Информационный отчет уполномоченного по делам религии при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю за 1984 год.//Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1984 году.

Перестройка привела к существенному изменению положения во всех сферах жизни российского общества. Начало меняться и положение верующих. Важным фактором, способствующим изменению государственной политики в отношении религии, стало приближающееся 1000-летие крещения. Смягчение режима вряд ли можно связывать исключительно с прогрессивными взглядами руководителей советского государства. О том, что в середине 80-х они сохраняли вполне «советское» отношение к религии видно из протокола заседания Секретариата ЦК КПСС 10 сентября 1985 года, на котором рассматривался вопрос «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси». Исследователь И.И. Маслова, в работе которой приводится обширный фрагмент этого документа, вполне справедливо делает вывод, что «первоначальные планы реформирования советского общества предусматривали не достижение диалога государства с церковью и верующими, а лишь некоторое сдерживание атеистической пропаганды в канун церковного юбилея с целью нейтрализации критики положения религии в СССР со стороны общественного мнения Запада, поскольку данный юбилей первоначально рассматривался лишь как внутрицерковное событие, малозначительное для страны»¹.

Однако события развивались стремительно. Причем очень быстро у людей, непосредственно взаимодействующих с религиозными организациями, прежде всего в Совете по делам религий, возникает понимание необходимости перестройки всей системы государственно-конфессионального взаимодействия. Советом по делам религий и союзным Минюстом был даже подготовлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О религиозных организациях в СССР», фактически, прообраз закона о свободе совести. Проект предлагал снять важные ограничения в деятельности религиозных организаций. Так, предполагалось установить список оснований для отказа регистрации религиозного объединения, ввести уведомительный порядок согласования проведения общих собраний религиозных обществ, а религиозные обряды на дому разрешить совершать без согласования с местными органами власти. Предпо-

¹ Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985–1988 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. № 4 (36), 2015. Гуманитарные науки. История. С. 46

лагалось предоставить право религиозным организациям создавать мастерские по производству церковной утвари и предметов религиозного культа, учреждать монастыри, духовные образовательные центры и, что принципиально важно, наделять религиозные организации статусом юридического лица.

Этот проект руководства страны поддержан не был. После проведения консультаций с «рядом министерств, ведомств, практических работников и ученых» референтурой Управления делами Совета Министров СССР была подготовлена записка, в которой пункт за пунктом предложения Совета по делам религий и Минюста были отвергнуты. Аргументация оригинальностью не отличалась, соответствуя позиции консервативной части советского руководства. Основной довод против либерализации государственно-конфессионального курса - возможность усиления внешней и внутренней критики разрешительной системы регистрации религиозных объединений. Кроме того, критики проекта опасались усиления роли духовенства в жизни советского общества, одновременно высказывали озабоченность тем, что в проекте не нашли отражения «вопросы реализации конституционных прав граждан не исповедовать никакой религии, проводить атеистическую пропаганду». Идея предоставить религиозным объединениям права юридического лица была отвергнута ссылкой на ленинский декрет об отделении церкви от государства¹. Столь острая реакция на проект была возможно обусловлена, тем, что в это время проходило празднование 70-й годовщины Октябрьской революции. Ведь, действительно, идеи революции совсем не коррелировали с либерализацией конфессиональной политики.

К.М. Харчевым (именно он занимал должность Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР после В.А.Куредова) был подготовлен целый ряд проектов, направленных на нормализацию отношений церкви и государства². Однако «нулевой» результат

¹ «О религиозных организациях в СССР» Справка референтов Управления делами СМ СССР № ПП-19181, 19 августа 1987 г.// Одинцов М.Н. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. М., 2010. С.109-110.

² Записка председателя Совета по делам религий при СМ СССР К.М. Харчева в Совет министров СССР «О перестройке в структуре и организации работы Совета по делам религий при Совете Министров СССР», 1987 г. Письмо председателя Совета по делам религий при СМ СССР К.М. Харчева в ЦК КПСС в связи с обращением патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова) о подготовке к празднованию тысячелетия крещения Руси, после 10 марта 1988 г. Записка Совета по делам религий при СМ СССР в ЦК КПСС о реформах в сфере государственно-конфессиональных отношений, №215с от 15 апреля 1988 г. Проект закона СССР «О

этой проектной деятельности свидетельствовал о неготовности советского руководства найти ответ на вызовы времени. Оценкой реформаторских инициатив стала отставка Харчева в 1989 году. Причиной отставки стало письмо четырех православных иерархов на имя М.С. Горбачева, включая будущего патриарха Алексия (Ридигера)¹. Однако многие идеи, родившиеся именно в перестроечное время, были реализованы в новом, уже постсоветском законодательстве о свободе совести. Можно предположить, что многих проблем последнего десятилетия XX века можно было бы избежать, если бы реформы Харчева были бы проведены вовремя.

Тем не менее, в Карачаево-Черкесской автономной области, как и по всей стране, наблюдалась активизация церковной жизни. Увеличилось количество прихожан: в воскресные дни храмы посещали от 40 до 250 человек. В 1987 году на регистрацию были приняты документы православной общины ст. Преградной, до этого несколько лет безуспешно пытавшейся легализоваться².

В январе 1988 года вышло постановление Совета по делам религий, в котором властям предписывалось без проволочек удовлетворять все правомерные просьбы верующих, чтобы не создавать конфликтных ситуаций и не дискредитировать перестройку в глазах верующих. Не нужно думать, что отношение к религии на местах сразу изменилось. По свидетельству духовенства восстановление Крестовоздвиженского храма в г. Кисловодске блокировалось местными властями, не смотря на разрешение и краевых и центральных властей³.

Если подготовка к 1000-летию крещения Руси вызвала в центре серьезную реакцию, то на местах еще некоторое время ситуация оставалась абсолютно спокойной.

свободе совести и религиозных организациях в СССР» от 29 апреля 1988 г. Объяснительная записка Совета по делам религий при СМ СССР к проекту закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях в СССР» от 29 апреля 1988 г.// Одинцов М.Н. Указ соч. С.111-137.

¹ Волин Д. "Ни мира, ни войны": как в СССР строились отношения между церковью и властью.// URL: <https://tass.ru/obschestvo/5295865> Дата обращения: 24.05.2019

² Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроле за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1987 год.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1985-1987 гг.

³ Личный архив автора. Полевые материалы 2019 года. КЧР, г. Черкесск. Интервью с противником Константином Кишуновым.

Существовали вполне реальные опасения, что торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси обострят внутривластную ситуацию в стране. Уполномоченные Совета на местах уделяли этому вопросу особое внимание. Совместно с партийно-советскими органами разрабатывались «меры по предотвращению негативных проявлений в связи с юбилеем», создавались рабочие группы, готовились справки о религиозной ситуации на местах.

В достаточно подробных отчетах того периода отмечалось отсутствие активности верующих по подготовке к празднованию значимой даты не зафиксировано. «Влияния антисоветских клерикальных центров на актив православных церквей области не замечено, – писал Уполномоченный по КЧАО в отчете за 1987 год. Упоминается в проповедях и о приближающемся юбилее 1000-летия «крещения Руси». Но ни о каких намечаемых мероприятиях празднования не говорится. В этих вопросах духовенство обычно выполняет указания архиепископа Ставропольского и Бакинского (Антония (Завгороднего) – прим. авт.), своей инициативы не проявляет». Среди протестантов области 1000-летие крещения Руси в проповедях, в отличие от предстоящего 2000-летия христианства, вообще не затрагивалось и празднование юбилея, по словам верующих, не намечалось. Однако, не смотря на отсутствие «инициатив», Уполномоченный отмечает важную деталь, которая во многом противоречит предыдущим высказываниям: «В связи с юбилеем в последние годы наблюдается активизация хозяйственной деятельности – в ремонте церквей, заборов, подсобных помещений. В 1987 году при церкви в ст. Исправной построена крестилка... Дано разрешение на строительство сторожки и складского помещения при церквях в ст. Кардоникской и ст. Сторожевой Зеленчукского района. Установлена пожарная сигнализация в Черкесской, Усть-Джегутинской и подготовлена к установке в Зеленчукской РПЦ. В остальных церквях ремонтные работы сводились к покраске и побелке. В Зеленчукской РПЦ позолочен купол (или сделали под золото, заплатили около 600 рублей)»¹. Так что к тысячелетнему юбилею верующие готовились основательно.

¹ Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1987 год.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1985-1987 гг.

Ключевым событием, которое было знаковым для партийной номенклатуры на местах, стала встреча в Кремле Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Патриархом Пименом и членами Священного Синода. Предстоятели православной церкви поставили перед руководителем страны целый ряд серьезных вопросов - об открытии новых церквей, духовных учебных заведений и монастырей, увеличении тиражей церковной литературы, возвращение Церкви ряда национализированных культовых зданий, совершенствования законодательства о религиозных культурах¹. После встречи с лидером страны последовали другие важные мероприятия. Однако едва ли не самым важным стало то, что празднование 1000-летия крещения Руси превратилось из внутрицерковного события в общественно-политическое. Были сняты политические табу на празднование этой даты в регионах.

6 – 9 июня 1988 г. в Москве прошли заседания Всероссийского Поместного Собора, на котором был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви». Впервые за все годы советской власти состоялось открытое обсуждение церковных проблем. Церковь показала свое желание вернуться в общественную, культурную и научную жизнь страны. 10 июня в Большом театре состоялся торжественное собрание, посвященное юбилею. В Большом Кремлевском дворце несколько архиереев вместе с патриархом были награждены государственными наградами «за активную миротворческую и патриотическую деятельность». Конечно, все это стало возможно благодаря тому, что совпали векторы перестроечных преобразований и церковных изменений. Таким образом, наметилась либерализация в государственно-конфессиональных отношениях. Исследователь А.А. Федотов отмечает, что именно Поместный Собор «создал предпосылки для перемен в отношении религии, которые произошли в 1990 году с принятием новых российского и союзного законов о свободе вероисповеданий»².

¹ Вопросы, поставленные патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви на встрече с М.С. Горбачевым. «О свободе совести и религиозных организациях в СССР» от 29 апреля 1988 г. // Одинцов М.Н. Указ соч. С.138.

² Федотов А.А. Русская Православная церковь в 1943-2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): Дис..докт. ист. наук. – Иваново, 2009. С.195.

В КЧАО 1000-летие крещения Руси также было широко отпраздновано. В г. Черкеске торжества, посвященные этому событию, прошли 13-14 октября 1988 в здании Драматического театра. В мероприятии приняли участие руководство области, руководители местных органов власти и общественности. На торжества приглашались и выступали с приветствиями представители общественных организаций и других религий. На торжественном юбилейном собрании присутствовало около 850 человек. Накануне торжественных мероприятий практиковались визиты вежливости духовенства и мирян, о которых давались сообщения в печати и по радио¹.

Празднование 1000-летнего юбилея крещения Руси в корне изменило отношение к церкви и ее служителям. Благодинный Василий Афонин был избран в правление областного отделения советского фонда мира, президиум областного фонда милосердия и здоровья, в президиум областного общества красного креста и полумесяца. Соответственно, активизировалась деятельность по отчислению средств в эти фонды. Оказывалась помощь Дому ребенка, одиноким и тяжело больным инвалидам. Было разрешено ежегодно в День Победы проводить панихиду по убиенным воинам и возлагать венки к братским могилам². В 1989 году духовенство получило разрешение выходить на кладбища в пасхальные дни³.

9 сентября 1989 года прошла знаковая встреча православного и мусульманского духовенства с народным депутатом СССР, первым секретарем Карачаево-Черкесского обкома КПСС В.Е. Лесниченко⁴. Встреча широко освещалась в местных СМИ. Подтверждением признания церкви полноценной частью системы общественных отношений стало избрание в 1990 году благочинного православных церквей области отца Василия Афонина в депутаты Черкесского горсовета⁵.

¹ ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.68.Д.369. Л.62,63

² ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.68.Д.369. Л.62,63

³ Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1989 г.

⁴ Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1989 г.

⁵ Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1989 г.

Освобождение церкви из-под государственной опеки проявилось и в сокращении, а затем и прекращении недавно обязательных отчислений в общественные фонды. Уже к 1989 году такие платежи уменьшились на 25%. В то же время увеличиваются обязательные отчисления в церковные административные учреждения. Согласно указанию митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона 40% от всех поступлений следовало направлять в Московскую патриархию и Ставропольско-Бакинское епархиальное управление.¹

По данным за 1988-1990 гг. в КЧАО наблюдалось увеличение соблюдающих религиозные обряды. Так, в воскресные дни венчалось по 5-7 пар. Увеличилось количество крещений (1988 год - 548, 1989 - 634), а количество отпеваний за этот период составило в городах - 50-70% от количества умерших, а в сельской местности - 80-90%)².

В 1989 году в КЧАО действовало 7 зарегистрированных православных церквей и 1 религиозная группа. Официально богослужения проводили 12 священников и диаконов. В воскресные дни храмы посещали около 600-700 человек, во время христианских праздников среди недели на богослужениях присутствовало около 250 человек. Однако во время Великих праздников, например на Пасху количество присутствующих на богослужениях увеличивалось до 5500-6500 человек.

Православное духовенство активно участвовало в патриотических акциях, перечисляло средства в фонды мира, культуры, красного креста и полумесяца, пострадавшим в Армении, Таджикистане и т.д.³

В 1990 году православные верующие КЧАО стали поднимать вопрос о необходимости регистрации новых общин в пос. Курджиново, в г. Карачаевске, ст. Красногорской. Духовенство уже тогда стало открыто говорить о необходимости создания воскресных школ. Однако пока это шло вразрез с советским законодательством. Ситуация изменилась после принятия 1 октября 1990 г. Верховным Советом СССР закона «О свободе совести и религиозных организаций», который утвердил за религиозными организациями права юридического лица, в том числе право иметь

¹ ЦДНИ КЧР Ф.П-1.Оп. 68. Д.369. Л.20.

² О состоянии религиозной обстановки на 23 мая 1989 года.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям в 1989 г.

³ Ответ Уполномоченного Совета по делам религии по КЧАО Управлению внутренних дел Ставропольского крайисполкома от 12.01.1990.// Личный архив автора.

в собственности недвижимостью, осуществлять религиозное обучение детей, защищать свои интересы в судебном порядке; религиозные организации могли участвовать в общественной жизни пользоваться средствами массовой информации. Однако этот Закон действовал недолго и потерял юридическую силу после распада Советского Союза, но именно он стал завершением сложных и неоднозначных процессов протекавших в советском обществе в 1980-е.

Таким образом, в 80-е годы в работе административной вертикали, ответственной за реализацию государственно-конфессиональной политики произошли серьезные изменения. Эти изменения были, с одной стороны, связаны с поиском эффективной формы взаимодействия с религиозными организациями в условиях необходимости поддержания позитивного имиджа советского государства на международной арене. С другой стороны, несомненную роль играл личностный фактор. Как в центральном аппарате, так и на местах, специалисты в области государственно-конфессиональных отношений понимали объективную необходимость изменения базовых принципов этого важнейшего направления внутренней политики. Противостояние с другими административными и правоохранительными структурами, настроенными на продолжение агрессивной-атеистической линии приводило к достаточно серьезным колебаниям в политическом курсе. Несмотря на продолжающуюся работу по атеистическому воспитанию, прессинг на религиозные организации год от года снижался. А проделанная в этот период работа по модернизации законодательства в сфере свободы совести, практически не востребованная в советский период, дала свои плоды в эпоху новой, постсоветской России.

Литература

1. Волин Д. "Ни мира, ни войны": как в СССР строились отношения между церковью и властью.// URL: <https://tass.ru/obschestvo/5295865> Дата обращения: 24.05.2019
2. Вопросы, поставленные патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви на встрече с М.С. Горбачевым. «О свободе совести и религиозных организациях в СССР» от 29 апреля 1988 г.// Одинцов М.Н. Указ соч. С.138.

3. Записка председателя Совета по делам религий при СМ СССР К.М. Харчева в Совет министров СССР «О перестройке в структуре и организации работы Совета по делам религий при Совете Министров СССР», 1987 г. // Одинцов М.Н. Указ соч. С.111-115.

4. Письмо председателя Совета по делам религий при СМ СССР К.М. Харчева в ЦК КПСС в связи с обращением патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова) о подготовке к празднованию тысячелетия крещения Руси, после 10 марта 1988 г. // Одинцов М.Н. Указ соч. С.115-117.

5. Записка Совета по делам религий при СМ СССР в ЦК КПСС о реформах в сфере государственно-конфессиональных отношений, №215с от 15 апреля 1988 г. Проект закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях в СССР» от 29 апреля 1988 г. // Одинцов М.Н. Указ соч. С.118-125.

6. Объяснительная записка Совета по делам религий при СМ СССР к проекту закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях в СССР» от 29 апреля 1988 г.// Одинцов М.Н. Указ соч. С.133-137.

7. Интервью с противником Константином Кишуновым.//Личный архив автора. Полевые материалы 2019 года. КЧР, г. Черкесск.

8. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1989 г.

9. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1987 год.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1985-1987 гг.

10. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ, состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах РСФСР в КЧАО Ставропольского края за 1988-1989 годы.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям за 1989 г.

11. Информационный отчет уполномоченного по делам религии при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю за 1984 год.//Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1984 году.

12. Макарова Д.Ю. Эволюция взаимоотношений Русской Православной церкви и советского государства в 1943-1992 гг. (на материалах Курской области): Дис...канд. ист. наук. – Курск, 2015.

13. Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985–1988 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. № 4 (36), 2015. Гуманитарные науки. История. С. 46

14. О религиозной обстановке, выполнении законодательства о культурах и недостатках атеистического воспитания населения области. Информация отдела пропаганды и агитации обкома КПСС №586 от 29.10.1986. //Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1986 году

15. О религиозных организациях в СССР. Справка референтов Управления делами СМ СССР № ПП-19181, 19 августа 1987 г.// Одинцов М.Н. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. М., 2010. С.109-110.

16. О состоянии религиозной обстановки на 23 мая 1989 года.//Личный архив автора. Материалы по государственно-конфессиональным отношениям в 1989 г.

17. Ответ Уполномоченного Совета по делам религии по КЧАО Управлению внутренних дел Ставропольского крайисполкома от 12.01.1990.// Личный архив автора.

18. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1981 год. //Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО в 1981 году.

19. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки в КЧАО за 1980 год.//Личный архив автора. Материалы по религиозной ситуации в КЧАО.

20. Справка о проделанной работе по обеспечению законодательства о культурах в области в 1981 году.// Личный архив автора.

21. Справка о проделанной работе по обеспечению законодательства о культурах в области в 1981 году.// Личный архив автора.

22. Федотов А.А. Русская Православная церковь в 1943-2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): Дис..докт. ист. наук. – Иваново, 2009

23. Центр документации новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики (далее - ЦДНИ КЧР). Ф.П-1. Оп.55. Д-72

24. ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.46. Д-65.

25. ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.65. Д.253.

26. ЦДНИ КЧР Ф.П-1. Оп.68.Д.369.

Патеев Ринат Фаикович,
кандидат политических наук,
директор Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

ИСЛАМСКИЙ АКТИВИЗМ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Понятие религиозного активизма в современных социогуманитарных исследованиях в России используется достаточно редко. Само определение этого явления в различных вариациях встречается главным образом в российской публицистике, в частности, при оценке «православного активизма», связанного с рядом акций политического характера [1]. Сегодня среди отечественных исламоведов признается, что понятие активизма носит нейтральный характер и позволяет говорить о его более эффективном использовании по сравнению с другими определениями и концепциями [2]. Термин «исламский активизм» уже постепенно входит в отечественный научный оборот [3], но еще далек от окончательной концептуализации, хотя в зарубежных исследованиях ислама этому понятию уделяется больше внимания, в том числе с точки зрения теоретического осмысления [4].

Под исламским активизмом нами понимается целенаправленная деятельность по изменению мировоззрения в обществе или отдельных социальных группах на основе исламских норм и ценностей, осуществляемая в различных сферах жизни и ориентированная на воссоздание общественного устройства с учетом доктринальных предписаний и актуальных социокультурных условий. Данный феномен представляет многообразие форм деятельности, имеющих социальную направленность и религиозное содержание и реализующихся в различных сферах общественной жизни: в экономике, политике, культуре и т.д. Исторические и современные формы проявления исламского активизма обуславливаются не только идеологическими факторами, но и влиянием внешней трансформирующейся социокультурной и политической среды.

В христианском мире ускорение воздействия изменений в материальной культуре человечества на религиозную сферу произошло после

того, как изобретение печатного способа воспроизводства текста в середине XV века стало активно заменять рукописную форму передачи информации, изменив тем самым духовное пространство человека и общества. Реформация взяла на вооружение немецкое печатное слово, приобретавшее единую грамматическую унификацию, которое стало постепенно вытеснять «церковную латиницу». В наступившую после «гутенберговой революции» эпоху Нового времени появившиеся средства коммуникации в виде массовых печатных изданий создавали новую реальность посредством расширения влияния печатного слова на общество, в том числе оказывая воздействие на переосмысление национальной идентичности западного человека в форме гражданской солидаризации. Для сообществ, где религия прежде играла ключевую роль, это выражалось, в частности, в том, что чтение утренней газеты стало «заменять молитву» в том смысле, что западный человек теперь соотносил себя не только с религиозной общиной, но и с более масштабным сообществом – гражданами, разделявшими национальные и культурные ценности, которые транслировались в печатной продукции. Таким образом, печать оказала решающую роль в трансформации религиозной жизни западного христианского мира, фактически став вызовом религиозному авторитету Католической церкви со стороны протестантских церквей [5].

Несомненно, для мусульманского мира чтение печатного текста не могло подменить молитву, она по-прежнему даже сегодня остаётся *фардом* – обязательным шариатским предписанием. Однако расширение печатного способа производства книжной продукции у мусульман также, как и в западном мире, способствовало росту образованных слоёв населения. При этом скепсис по поводу самой возможности печатного издания доктринальных первоисточников ислама, в частности, Корана, у исламских богословов – улемов – сохранялся достаточно долго. Это привело к тому, что распространение типографского способа воспроизводства печатного текста у мусульман произошло с некоторым опозданием. Святая речь Аллаха в виде печатного Корана, по мнению некоторых богословов-консерваторов, не могла быть механически воспроизведена на станке, и это сдерживало «гутенбергову революцию» в исламском мире.

Одними из первых мусульман, которые впервые напечатали Коран, стали казанские татары. Первый тираж был воспроизведен в 1803 году, а

в дальнейшем «Казан басмасы» («Казанская печать») стала одним из источников, оказавших воздействие на окончательную унификацию арабского текста Святой речи Бога. В Персии Коран впервые напечатали только в 1828 г., а в Османской империи запрет на типографическое воспроизведение Корана был снят только в 1871 г., после чего первые его издания были подготовлены в Стамбуле. Во многом благодаря торговой смекалке татар и их связям с центрально-азиатскими мусульманами экземпляры «Казан басмасы» распространились по всему исламскому миру, одержав победу даже над изданиями немецких печатников. К последним можно отнести и российскую императрицу Екатерину II, повелением которой печатный Коран издали в Петербурге в 1787 году, хотя произошло это почти на сто лет позже, чем это сделали ее немецкие соотечественники, выпустившие текст Корана в Гамбурге еще в 1694 году^{1*} [6].

Очевидно, что исламские активисты по-разному воспринимали новые возможности в условиях подобных изменений. Некоторые из них усматривали в распространении печатной продукции угрозу устоявшимся нормам, другие, напротив, видели в этом возможность распространения как знаний, так и религиозных ценностей. По сути, новые технологии коммуникаций повлияли на сами формы религиозного активизма. Многие исламские просветители уже не были обычными проповедниками, имамами в мечетях, или просто воспитателями в медресе. Обычный представитель духовенства отправлял ритуалы, решал бытовые вопросы в общине, а его аудитория состояла только из прихожан, которые, как правило, собиралась на пятничные и праздничные молитвы и в основном состояла из местных жителей. В новых условиях общественное пространство мечети стали подменять печатная книга, полоса журнала и газеты, которые для многих мусульман становились всё более доступными – точно так же, как пятничная молитва и проповедь в мечети. Однако печатные средства массовой информации давали значительные преимущества в расширении аудитории и распространении новых идей, взглядов, оценок и т.д. Имена новых просветителей-активистов были знакомы не только среди своего круга в рамках сельского или городского

^{1*} Следует отметить, что попытки издания Корана в Европе предпринимались неоднократно. Самая первая попытка отпечатать Слово Аллаха в Венеции принадлежала Алессандро Паганини примерно в 1537 г. Однако издания, напечатанные немусульманами, так и не смогли приобрести популярность. Некоторые из них изначально сопровождалась попытками перевода и критическими комментариями Священного писания мусульман.

поселения, но и быстро становились широко известными даже за рубежом. Подобная новая реальность не могла не сказаться на формировании конкуренции между новыми исламскими просветителями и консервативным мусульманским духовенством.

Промышленная революция – новый этап капиталистической индустриализации, начавшийся в середине XVIII века, в следующем столетии постепенно охватывал все более значительную часть мира, включая и Российскую империю. Конец XIX – начало XX века, когда Россия наконец встала на путь индустриализации, оказались переломными и для всего ее мусульманского сообщества. Широкое распространение новых средств коммуникаций (телеграфа, радио, телефона), развитие сети железнодорожных сообщений, формирование массовой системы просвещения привели к быстрому перемещению больших масс людей и информации на значительные расстояния, и это только первые итоги промышленной революции и последующей индустриализации общества того периода. Становление новых средств производства вытесняло ручной труд, заменяя его машинным, который в дальнейшем и формировал притягивающие к себе массу крестьянского населения центры индустриализации. Расширение промышленного производства приводило к оттоку населения в города и постепенному переходу к урбанизации современного (модерного) типа – *«преобразования всего общества, в том числе и деревни, через внедрение городских институтов, стандарта поведения, образа жизни, культурных ценностей»* [7].

Биографии татарских интеллектуалов и их творчество хорошо отражают социокультурную взаимосвязь не только с процессами промышленной и печатной революции. Сам дух того времени требовал и революционных идей, в том числе в богословии. В этом отношении достаточно показательна история семьи Бигеевых. Известно, что работа приезжего муллы из пензенского села Кикино Джаруллы Бигеева в Ростове-на-Дону была связана с подрядами на железной дороге. Связи донских и пензенских татар были историческими. Название родного села Бигеевых, очевидно, отсылает к Александру Кикину, который был денщиком у Петра I во время его Азовских походов. Именно за доблесть в борьбе против османских турок служивому командиру-татарину Арслану Полкаю, чьи подопечные входили в состав донского казачества, были дарованы земли,

на которых позднее и возникли «алты авыл» – шесть татарских деревень на юго-западе нынешней Пензенской области. Часть татар ушла «крестьянствовать», другие так и остались на донской земле [8].

У приезжего муллы было двое сыновей – Загир (1870 – 1902) и Муса (1873 – 1949). Молодость юношей прошла в Ростове-на-Дону и частично в Казани, где оба получали образование в Апанаевском медресе. В этот период донская столица, имеющая удачное географическое положение, становится новым южно-российским центром развития торговли, промышленности, транспортных коммуникаций и т.д. Не обошли семью Бигеевых трагические события осени 1902 г., связанные с первой стачкой промышленных рабочих в Ростове-на-Дону, которая началась с протестов рабочих Главных мастерских Владикавказской железной дороги. Неизвестно, были ли в этот период доходы их семьи связаны с железной дорогой – отец семейства Джарулла Бигеев не дожил до этих событий. Старший из братьев – Загир Бигеев – погибает именно в эти дни при загадочных обстоятельствах [9].

После возвращения младшего брата из-за границы в 1904 г., где Муса Бигеев долго путешествовал и получал образование в различных медресе, он некоторое время живет в Ростов-на-Дону. В мае 1905 г. в Чистополе он женится на Асьме Камаловой, и через год молодая семья Бигеевых приезжает в донскую столицу [10]. Сам М. Бигеев в этот период в основном проживает в Санкт-Петербурге. Вызывает интерес открытка, отправленная им супруге в Ростов-на-Дону из Санкт-Петербурга. В ней он передает поклон своей матери и поздравляет родных с праздником разговения в честь окончания поста в месяц рамазан. Он очень тепло и романтично пишет супруге, которую называет «*моя Асьма... душа моя*» (*джаньм*), добавляя, что «*без тебя и праздник не праздник*». Само письмо было отправлено в Ростов-на-Дону на адрес «Богатынский 56» [10].

Известно, что семья Бигеевых проживала в самом центре криминального мира донской столицы, в районе, где расположен знаменитый «Богатыновский централ». Это пенитенциарное учреждение вплоть до сегодняшнего дня самым строгим образом хранит не только местных арестантов, но и романтику воровской жизни. Исторические корпуса «Богатыновского замка» выстроены буквой «Е» – русская императрица немецкого происхождения Екатерина II не только печатала Кораны для своих

подданных, но и строила для них современные по своим временам тюрьмы.

Примечательна трагическая судьба старшего брата – Загира Бигеева. В Казани шестнадцатилетний юноша, обучаясь в медресе, сочинил свой первый роман «Тысячи, или красавица Хадича», который был опубликован в 1887 г. Написанный в детективном жанре, роман раскрывал особенности криминальной жизни и *«выступил против лживой бурж. морали, обличал страсть к наживе, толкающую людей на преступление»* [11]. Произведение с явным революционным духом осуждения буржуазного общества принесло его автору известность – впоследствии благодаря ему Загир Бигеев стал считаться основоположником детективного жанра в татарской литературе [12]. Имам, получивший образование в казанском новометодном медресе и служивший в ростовской мечети, короткая жизнь которого прошла в нескольких кварталах от знаменитого «Богатыновского централа», трагически погибает примерно в 30-летнем возрасте при загадочных обстоятельствах в одной из криминальных столиц Российской империи. Кто бы ещё, кроме Загира Бигеева, посмел претендовать на звание автора первого татарского детектива?

Его младший брат Муса Бигеев прожил весьма бурную жизнь, которая отражала дух революционной эпохи. Он преподавал в оренбургском медресе Хусаиния, много путешествовал благодаря расширению сети железных дорог, выступал и слушал лекции, печатался, активно занимался общественно-политической деятельностью. После смерти старшего брата начинается активный творческий этап его жизни. М. Бигеев становится известным благодаря работе по исправлению опечаток в типографских изданиях Корана – его первая книга, которая вышла в свет в 1905 году, называлась «История Корана и его сводов». В этой работе автор обозначен как «Муса Джаруллах Ростовдони» [13]. Последнее слово представляет собой *нисбу* – часть имени, нередко означавшую место рождения, проживания человека, социальное, этноклановое или иное происхождение.

Особенно много шума наделали взгляды татарского богослова, которые были изложены в ряде публикаций в прессе в 1909-1910 гг. и в дальнейшем составили книгу под заглавием «Доказательство божествен-

ного милосердия». С опорой на Коран исламский реформатор последовательно доказывал, что даже неверующие люди рано или поздно попадут в рай [14]. Это спровоцировало бурную богословскую полемику и жесткую реакцию не только татарских консерваторов, но и в религиозных кругах, где произведения М. Бигеева пытались запрещать как явную ересь [15].

Некоторые элементы свободомыслия в богословии М. Бигеева и убеждения во всеохватности божественной милости по отношению к любому человеку независимо от его религиозной принадлежности, очевидно, были обусловлены и его социокультурным опытом, который он получил в детстве и юности. Социализация в иноконфессиональной среде, в которой проживали Бигеевы бок о бок с православными русскими и представителями других народов, во многом сказались на убеждениях богослова из Ростова-на-Дону. Кроме того, М. Бигеев в молодости учился в местном реальном училище и был свидетелем активного экономического развития города, что, очевидно, и стало фактором его пристального внимания к этой сфере общественной жизни. Взгляды на современную в тот период экономику в контексте решения проблемы ростовщичества в шариате были позднее изложены М. Бигеевым в работе «Закят», которая была издана в 1916 г.

В дни победы Октябрьской революции Муса Бигеев возьмёт свой «Зимний дворец» и станет имамом Петроградской мечети. Кто бы еще, если не революционер-реформатор от исламского богословия должен был бы стать первым духовным лицом мусульман в главном городе революции? Вскоре после окончания Гражданской войны, в 1923 году, он отчаянно «рубит с плеча» и публикует в Берлине «Азбуку ислама», которая в своем названии явно содержит отсылку к одному из произведений главреда коммунистической «Правды» Николая Бухарина, очевидно противореча по содержанию его «Азбуке коммунизма». Большевики такого простить не смогли: начались аресты и преследования М. Бигеева и его сторонников.

В конце 1930 года Муса Бигеев покидает Россию, но так и не может попроситься с собственной интеллектуальной дерзостью, присущей южному человеку, да и самой революционной эпохе. Он снова много ездит по мусульманскому Востоку, некоторое время живет в Ираке и Иране,

после чего публикует арабскую книгу с критикой шиитского вероучения с точки зрения суннизма. Книга «Ваши'а фи накд 'акаид аш-ши'а» (букв. «Челнок для роспуска пряжи вероубеждений шиитов») переиздается многократно по всему Ближнему Востоку и до сих пор является богословским бестселлером [16], не особенно способствуя преодолению пресловутых шиито-суннитских противоречий. В итоге Муса Бигеев станет автором сотни трудов на татарском, русском и арабском языках, но его попытка вернуться в Россию после окончания Великой Отечественной войны в период религиозных послаблений окажется неудачной, и последний татарский богослов умрёт на египетской чужбине в 1949 году [17].

Таким образом исламский активизм в татарском сообществе представляет собой яркий пример социокультурной интеграции верующих с пространством трансформирующегося мира. Рубеж XIX – XX века стал переломным для исламских активистов, которые получили дополнительные возможности в условиях развития промышленного пространства, новых печатных средств коммуникаций и «расширения сферы духовности». Не меньшее значение приобретает и политические изменения. Революционные события начала XX века влияли не только на политические изменения, но и на мировоззрение исламских активистов, которые выдвигали собственные революционные идеи в богословии. Подобный яркий пример представляет собой биография и воззрения исламского активиста из Ростова-на-Дону Мусы Бигиева.

Литература

1. Православный активизм: кто попал под горячую руку верующих в этом году // «FURFUR - ежедневный молодежный журнал». 19.08.2015. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/214627-pravoslavnyu-aktivizm> (дата обращения: 31.08.2020).

2. Царегородцева И.А. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мир. Т. 2. Северный и Южный Кавказ. М.: Ин-т Африки РАН, 2017. С. 93–111.

3. Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока: 1967 - 2013 гг. Акаев В.Х. Исламский активизм в современном мире: взаимосвязь глобальных и региональных аспектов // Ислам и исламоведение в современной России: сборник

докладов Всероссийского исламоведческого форума. Махачкала: «Алеф», 2019 г. С. 207-210; Гузельбаева Г.Я., Мчедлова М.М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. 2020. С. 247-268; Патеев Р.Ф. Религиозный активизм в мусульманских сообществах: переосмысление в постсекулярную эпоху // Религиоведение. № 3. 2020. С. 78–87.

4. *Wiktorowicz, Quintan. Islamic Activism and Social Movement. Theory: A New Direction for Research // Mediterranean Politics, 2002. 7:3. P. 187-211; Islamic activism: a social movement theory approach / Edited by Quintan Wiktorowicz. Indiana University Press, 2004. 328 p.*

5. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-Пресс, 2001. 286 с.*

6. *Патеев Р.Ф. Священный текст и печатный капитализм: из истории типографских изданий Корана // «Ислам Today» - сетевое издание. 5.04.2018. URL: <https://islam-today.ru/istoria/svasennyj-tekst-i-pecatnyj-kapitalizm-iz-istorii-tipografskih-izdaniij-korana> (дата обращения: 31.08.2020); Патеев Р.Ф. Из истории типографских изданий Корана // «Ислам Today» - сетевое издание. 10.04.2018. URL: <https://islam-today.ru/istoria/iz-istorii-tipografskih-izdaniij-korana> (дата обращения: 31.08.2020).*

7. *Мазур Л.Н. Урбанизация российской деревни во второй половине XIX-XX в. // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX-XX веков: эволюция и кризисы: сборник статей. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2009. С. 217.*

8. *Патеев Р.Ф., Муса Бигиев: происхождение (нисба) богослова в контексте формирования его взглядов // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Мусульманская богословская мысль: национальные, региональные и цивилизационные измерения». Болгар, 8 октября 2015 г. С. 172-178.*

9. *Ахунов А.М. Известный и неизвестный Загир Бигиев // «Журнал «Гасырлар авазы – Эхо веков». 2006. №1. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_1/06/06_6 (дата обращения: 06.06.2020).*

10. *Тагирджанова А.Н. Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань: Идель-Пресс, 2010 г. С. 19-21.*

11. *Бигеев З.* Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke1/ke1-6122.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 10.08.2020).

12. *Галуллин Р.Р.* Эволюция детектива в татарской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. С. 10.

13. *Бигиев М.* История Корана и его сводов. Пер. с арабск. Мухетдинова Д.В. М.: Медина, 2017. 104 с.

14. *Бигиев М.* Доказательства божественного милосердия. Перевод и предисловие Хайрутдинова А.Г./ Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 1. Москва: «Медина», 2016. С. 131- 188.

15. *Гермез М. Муса Джаруллах Бигиев.* Казань: ДУМ РТ, 2009 г. С. 139.

16. *Бигеева М.* Последовательная критика вероубеждений шиитов». Каир: изд-во «Муфакирун» (Мыслители), 2018 г.

17. *Хайрутдинов А.Г.* Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). Казань: «Иман», 1999. 127 с.

Тхагапсоев Хажисмель Гисович,
профессор кафедры философии.

Кабардино-Балкарский государственный университет

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК НАВИГАТОР СОЗНАНИЯ И ОПЕРАТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ныне историко-цивилизационная ситуация такова, что главным мотивом любого дискурса в отношении социального бытия становится упор на его невиданный доселе динамизм и ускользящую изменчивость вкупе с безмерностью многообразия и сложности форм этого бытия. Даже придуман специальный термин «VUCA-мир» (на основе английских слов *volatility* – нестабильность, *uncertainty*-неопределенность, *complexity*-сложность, *ambiguity* – неоднозначность, двойственность, амбивалентность), призванный выразить непривычность облика этого мира [2]. При этом, хотя в роли «визитной карточки» рассматриваемого бытия видится в прежде всего цифровая технология (ее вездесу-

щесть и неисчерпаемый потенциал), граней, форм проявлений и значимых измерений у него (бытия) множество- от цивилизационных до когнитивных и культурно-коммуникативных. А это, в свою очередь, находит преломление и отражение в социальной реальности, в жизни человека- в формах и моделях его самоопределения, коммуникации и деятельности, а главное- в ценностных ориентирах, поведенческих установках и стратегиях. К этому надо добавить и перегруженность современного человека (его бытия) необъятными массивами научных и рационально-практических знаний, на которых, так или иначе, базируются все аспекты его жизни (технологические, хозяйственно-экономические, бытовые). Эти, лишь штрихами очерченные, обстоятельства определяют особенности современного бытия, повседневного существования и практических действий человека.

При этом главной особенностью обрисованного бытия является то обстоятельство, что оно необычайно сильно дифференцировано, поскольку с каждым днем нарастает мир смыслов, многообразие технологий, форм потребления, ценностно-целевых ориентиров и коммуникативно-поведенческих моделей, и стратегий человека, т.е. факторов дифференциации и структурирования социума.

К этому надо добавить и хорошо известные особенности современного информационного бытия человека. Ведь ныне социум не только сильно дифференцирован, но и крайне перегружен информацией, что, ведет к дифференциации и информационных потоков в «адресные сети» и «адресно-целевые поля информации». В итоге жизнь человека протекает не только в малых группах, но и в «маркированных» информационных полях, в которых обыденное сознание проявляет себя, как правило, доверительно, т.е. воспринимает все и вся происходящее через «оптику своей малой группы» и ее «маркированного» информационного пространства.

Фактически получается так: человек в этом сложном и изменчивом мире живет, воспринимая его лишь на уровне «беглых оценок» и принятия «к сведению и руководству» всего происходящего по схеме «подобие-различие» (идентично- не идентично) по отношению к тому, что ценится и поддерживается, во что принято верить в его малой социальной группе [3]. Это касается практически всех аспектов жизни человека, особенно – восприятия и оценки политических и культурных повесток дня:

моды, культурных течений лидерства в социуме и социальной практике, в частности, позиционирования в отношении формальной власти и ее лидеров, лидеров различных протестных акций.

В итоге именно идентичность процессов, вещей, индивидов, а точнее- ее интерпретация в представлениях, логике, семантике и в информационном поле малой социальной группы (малых социальных групп) формирует сознание и поведение человека в сложнейших турбулентных потоках современного мира. Иначе говоря, поддерживаемая (разделяемая) в малой группе идентичность тех или иных процессов, институций, субъектов(героев) социально-политического бытия выступает как ориентир обыденного сознания, а значит- своеобразный «когнитивный навигатор» человека.

При этом в роли конкретных (опознавательных-различительных) ориентиров в процессах «повседневной навигации сознания» выступают идентичности таких значимых феноменов бытия, как «новизна», «мейн-стрим», «оригинальность», «имидж», «бренд», «мода», «хайп», «герой времени, момента» (культуры, спорта, политики, коммуникации, молодежной среды). Таким образом, именно идентичность элементов, процессов и субъектов бытия, которая является самой простой и доступной формой восприятия и отражения мира в нашем сознании (по схеме «подобие-различие») и выступает как ориентир, т.е. навигатор сознания человека, а значит- основа его поведения и действий.

Итак, идентичность являет собой самый простой и доступный способ восприятия мира и столь же простой инструмент сличения, воспринятого из «потока бытия» с тем, что ценится и одобряется (с идеями, представлениями, героями, ценностями), а главное- поддерживается в «своей малой группе».

Эта особенность современного массового сознания (особенно у молодежи) – воспринимать мир по аналогиям, т.е. как набор маркированных (своей малой группой, школой, социальными сетями, кумирами) смыслов, идей, фактов, представлений, оценок осознается широко как феномен «клипового сознания».

В появлении «клипового сознания» чаще всего винят школу, ЕГЭ, хотя, как видим, все сложнее – «клиповость» современного массового сознания, увы, порождается особенностями современного социального и

информационного бытия. Их реальная сложность в массовом сознании находит преломление лишь частично и фрагментарно -на основе поверхностных оценок «сходства- различия», идентично или не идентично по отношению к заданным малой социальной группой, ориентирам.

Здесь, вероятно, уместны некоторые дополнительные пояснения. Дело в том, что идентичность любой сущности (этноса, модного течения в музыке и т.д.) длительное время сводилась (да и сегодня частенько сводится) к определенному набору (к сумме) неких отличительных признаков, именуемых «маркеры». Например, язык, культура, традиций - вот главные маркеры этноса. А случае же некоей малой социальной группы, ее маркером может стать любой семиотический знак- прическа, например, или некий элемент одежды. Довольно часто маркером малой группы становится татуировка определенного дизайна.

Однако ныне в научно-дискурсивном пространстве с идентичностью все обстоит иначе. Дело в том, что сегодня в философии и дискурсах социально-гуманитарных наук идентичность прочно обосновалась в ряду научно-философских категорий [1,5]. Значит - она относится к ряду фундаментальных понятий широкого плана, с вытекающими отсюда методологическими последствиями. В частности, дефиниция «идентичность», как и любая философская категория, обладает признаками, присущими любой форме знания (факту, закону, теории и др.). Так что идентичность этноса или малой социальной группы отныне не сводится и не может сводиться к описанию и перечислению некоего набора маркеров (язык, традиции, обычаи и т.д.) – она являет собой форму теории этноса(или малой группы), поскольку категория идентичность констеллирует и синтезирует в целостность знания и представления, в которых отражаются (отразились) типы ментальности и социальности, психотипы и формы культуры, поведенческие схемы и ценностные установки, жизненные стратегии и темпоральности данной социальной общности(этноса, малой социальной и т.д.).

Более того - идентичность, будучи мерой (одной из мер) бытия, выражает форму и тип регулярности в бытии: порядок, определенность, аутентичность, «подобие- различие» в отношении любой сущности. А это означает, что идентичность выступает (может выступать) еще и в качестве пред- посылочного знания в познавательной практике человека,

поскольку процесс познания неустрашимым образом включает идентификацию объектов познания, изначально полагая некие образы их идентичности. Именно все это вместе взятое и позволяет идентичности выступать в роли «навигатора сознания» человека в сложных лабиринтах бытия, в бурных потоках событий и феноменов повседневности.

При этом, что принципиально важно, идентичность соотносима и соотносится с любой формой (элементом) бытия, от универсальных и формализованных логико-математических форм (формул, графиков, схем) до уникальных и спонтанных форм самоощущения и переживаний конкретного человека. Более того – идентичность выражает не только черты и признаки отдельно взятого объекта бытия или же связи-отношения объектов и субъектов, но и то, как эти отношения воспринимаются и оцениваются субъектами отношений и действий, т.е. человеком, людьми.

Если учитывать эти обстоятельства, очевидно, что идентичность способна выступать не только как «навигатор» (фактор ориентирования) сознания, но и как серьезный инструмент целенаправленного и глубокого воздействия на сознание человека в целях его трансформации (разворота) в определенном направлении. Именно на это направлены особые типы технологий- политические технологии(ПТ).

Политические технологии имеют много общего с прочими типами технологий (социальными, инженерными)- ведь любая технология сводится к выполнению определенного набора системно взаимосвязанных операций по изменению состояния некоего объекта ради достижения определенных конкретных целей. При этом состав производимых операций и порядок их выполнения задают специальные элементы, именуемые «операторами» технологии. Именно от операторов, их природы и особенностей (простоты, доступности, продуктивности, эвристичности, креативности) зависят все нюансы технологий, особенно – политических.

Как выше уже отмечено, особенности категории «идентичность» превращают ее в идеальный оператор ПТ. Ведь смысловое содержание идентичности включает три аспекта – когнитивный (о котором до сих пор шла речь), коннотативный и эмотивный. При этом, если когнитивный аспект идентичности выражает смыслы какого-то элемента бытия (факта, события, процесса, мейнстрима, новизны, хайпа, моды, героя дня и т.д.)

и целостный образ этого элемента, то коннотативный – влияние контекста (т.е. культурной или политической ситуации в социуме) на данный элемент бытия, а эмотивный – эмоциональную оценку (симпатии, антипатии, одобрение, отторжение) человека в отношении данного элемента бытия. Все эти обстоятельства накладывают свои отпечатки на процессы идентификации человеком мира и происходящего в нем, а значит – и на операторно-технологический потенциал категории «идентичность».

Остается добавить, что объектом политических технологий, конечно же, всегда является сознание человека, а точнее – его настройка и позиционирование таким образом и в таком плане, как это нужно (задумано, выгодно) авторам и конструкторам ПТ. А успешность политической технологии определяется прежде всего ее оператором, в какой роли выступает идентичность нечто (идеи, модели поведения, ценностного ориентира и т.д.). Вот здесь и кроется главное – суметь сформировать, сконструировать, выстроить и предъявить человеку «идентичность нечто», что способно затронуть человека, «взять его за душу» и «завладеть его сознанием. В этом смысле политические технологии являют собой искусство изобретения идентичностей и игры миром идентичностей бытия (его элементов, процессов, субъектов) и их фокусировки на сознание человека.

Ведь, как уже не раз подчеркивалось, повседневность человека (его существование, общение, деятельность) – это нескончаемая цепь столкновений с миром идентичностей бытия (в бытии). А точнее – нескончаемая цепь само – соотнесения человека с миром событий, фактов, процессов, ситуаций выбора, на основе которых человек самоопределяется (принимает некие решения) по поводу своих отношений с миром и другими людьми по самой простой и доступной схеме: «известно-неизвестно», «приемлемо- неприемлемо», «разделяю -отвергаю», «согласен- не согласен», «поддерживаю- не поддерживаю», «готов действовать- действовать не намерен» и т.д.

Понятно, что в этой ситуации человеку (социальной группе) могут быть предъявлены для «примерки к себе и на выбор» притягательно выстроенные смыслы и идеи, цели и ценности, типы культурного и политического поведения и даже личности «перспективных» политических героев. Однако даже сама подача этих «приятных пассов» посредством ПТ

требует активной и многоплановой мотивации интереса человека к предъявляемым идеям, смыслам и героям, чтобы он(человек) сделал бы выбор «из предъявляемого меню». Именно так выстраиваются и действуют политические технологии, а идентичность (точнее- смысловой и методологический потенциал категории «идентичность») в руках и замыслах умелых мастеров технологий выступает не только как «навигатор сознания», но и эффективный оператор ПТ [6].

Однако на роль оператора ПТ годится далеко не всякая идентичность и не любого элемента бытия – лишь только идентичность «нечто очень значимого» для человека(социума).

Но и этого недостаточно, поскольку политическая технология непременно должна включать в себя способы активной и многоплановой мотивации интереса человека к предъявляемой сущности (предъявляемым сущностям), пробуждая и активируя его к выбору именно «предъявленного посредством ПТ» и адресуемого человеку варианта поведения и действий. Если учитывать все это, очевидно: операторы политических технологий должны являть собой целый комплекс идентичностей:

- мотиваций человека (факторов, способных сподвигнуть человека на активность, на действия, на выбор);
- притягательных для человека ценностей, захватывающих его идей и смыслов;
- новых, эффективных, мейнстримных поведенческих моделей, схем и стратегий;
- модных, уникальных, «хайповых» форм общения и потребления;
- разделяемых в социальной группе символов новизны мировидения, смысложизненных стратегий.

Именно они чаще всего и используются в роли операторов политических технологий. При этом, если оставить в стороне нюансы теоретических основ проектирования ПТ, то эти технологии в общем случае и строятся на основе операторов, рассчитанных на осуществление следующих действий, т.е. «операций»:

- завладеть вниманием человека;
- затронуть («нащупать») наиболее значимые для него мотивации к активности (т.е. к действиям и к выбору, к солидаризации с прочими активными);

- сформировать направленность (интенции) сознания «как надо» конструкторам ПТ, как задумано ими;

- создать в сознании человека «момент озарения-открытия» чего-то совершенно нового и очень важного для него (и его социальной группы), т.е., что просто «переворачивает сознание» и ценностно-поведенческие ориентиры человека и «заводит его» на активные действия.

Ведь политическая технология может достичь своих целей лишь в том случае, если она затронула сознание человека и в результате состоялось опознание (идентификация) адресатом (конкретным человеком – объектом, операндом) предъявленных ему посредством ПТ «озаряющих» смысловых посылов, идей, образов в итоге пробуждена готовность человека позиционироваться и действовать активно в посылах и установках ПТ.

Итак, в политических технологиях в качестве оператора (управляющего фактора) выступает идентичность нечто (идей, смыслов, целей, ценностей, моделей поведения, форм коммуникации, стратегий действия), а в роли операнда (т. е. объекта воздействия) – сознание человека. Итогом и результатом реализации (конечным «продуктом») ПТ являются настройка сознания к выбору и к действиям таким образом, как это задумано и запланировано авторами ПТ

Едва ли надо доказывать, что настоящей «ойкуменой» и «ареной ристалища» политических технологий является современное глобальное информационное пространство.

Ведь все существующие ныне формы, механизмы и инфраструктуры информационного бытия человека (всякие «твиттеры», «телеграммы», «фейсбуки», «инстаграммы», «тик-токи и пр.) замкнуты на активное продуцирование политических технологий, постоянно предлагая и навязывая человеку (целевой группе) множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме идентичностей. А именно – идентичностей «новизны», «крутости», мейнстрима и «продвинутости» социального бытия: моды на все и вся, ориентиров успеха и успешности в жизни, кумиров коммуникации, форм и стратегий «креативности» и, конечно же, протестного поведения.

В этом русле действует и медиа-арт(кино, перфомансы, флешмобы) который являет собой не только сферу продуцирования идентичностей

бытия, но и зону смыкания социальных и политических технологий с инженерными (с «бытием вещей»), превращая манипулирование сознанием человека в очень своеобразную деятельность, а именно- «в производство рынка модных и мейнстримных» форм поведения и жизнедеятельности человека, прежде всего на либерально- демократический (а сегодня все чаще - на радикально-либеральный) лад, предполагающий отказ от базовых традиционных ценностей(религии, классических форм семьи и брака, этнических модусов культуры, форм государственности, базирующихся на идеях и принципах национального суверенитета). Самое яркое подтверждение тому – глобальная информационная война ведущих стран Запада (США, Европы) за геокультурное и геополитическое влияние, а точнее- доминирование в современном мире.

Разумеется, по-прежнему факторами геополитической конкуренции стран остаются ресурсная и финансово-экономическая мощь, технологическое и военное превосходство, но с каждым днем нарастает роль информационного, т.е. виртуального фактора в этой конкуренции. И здесь в ход идут «когорты и полки» привлекательных и ценимых человеком идентичностей форм и механизмов социального бытия- личная свобода и свобода слова, права человека и права меньшинств, свобода гендерного выбора и т.д.

В этом контексте, обостряющаяся с каждым днем геополитическая борьба все больше и больше опирается на агрессивную демонстрацию в информационном пространстве «превосходства своих ценностей», своей политической организации, своего спектра форм потребления.

А по сути речь идет о том, что на «фронтах и в баталиях» информационных войн и геополитической конкуренции человеку настойчиво навязывают множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной упаковке комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров и поведенческих стратегий, т.е. «готовых вариантов идентичности» мировосприятия, вариантов поведения и форм жизнедеятельности человека. И что характерно- в этих «образцах и эталонах» бытия человека(социума), что навязывается генштабами геополитических и геоинформационных баталий, на первый план ставится вовсе не само- тождественность и укорененность человека в бытии, а его изменчивость (ментальная, поведенческая, жизненно-стилевая), что подается как креативность, т.е. особо

ценное качество. Напротив - идентичность человека(социума), базирующаяся на устойчивых формах и факторах бытия (как религия, этнос, семья, национальное государство, политическая идеология, этическая система, традиции) трактуется как нечто «отсталое» и неприемлемое, как признак реакционности и даже как опасная угроза свободе и прогрессу.

И самое главное- в этой ситуации сами способы бытия человека начинают обретать развоплощенный («античеловечный») характер или «превращенные формы» [4]. В частности, государство утрачивает суверенность и превращается в некую форму олигархической корпорации, семья трансформируется в «клуб по интересам, в череду гражданских браков и гендерных трансформаций». Рынок превращается в пространство финансовых махинаций, обрекая экономику на нескончаемую череду стагнаций и кризисов; банки отрываются от экономики, оборачиваясь в технологию производства «вторичных денег» (деривативов) и опасных для экономики «финансовых пузырей».

В итоге политика утрачивает свою изначальную сущность, т. е. перестает быть реальным способом системного выражения интересов больших групп людей (реалполитикой), оборачиваясь волнами атак «санкционных воин» и «цветных революций», призванных обеспечивать постоянное перераспределение ресурсов и рынков в пользу сильнейших групп влияния (групп западных стран), но поддерживая при этом иллюзию роста и развития демократии в мире благодаря усилиям «прогрессивного Запада». Все это мы наблюдаем изо дня в день в «буднях отношений» России и западных стран.

Литература

1. Андреева Л. А., Бардин А. Л., Тхагансоев Х. Г. и др. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание (ответственный ред. И. С. Семененко). М, «Весь мир», 2017, 988 С.

2. Другова Е. А., Калачикова О.Н. Специфика принятия управленческих решений в условиях VUCA-мира//Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. (№1-2-), С. 81-92.

3. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.,Канон+, 2004, 432С.

4. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии //Вопросы философии, 2015, №4, С. 3-15.

5. *Тхагансоев Х.Г.* Идентичность как форма категориального синтеза //Вопросы философии, 2020, №5, С. 140-149.

6. *Тхагансоев Х.Г.* В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности//Полис, №4, 2013, С.173-181.

Хунагов Рашид Думаличевич,

доктор социологических наук, профессор,
директор НИИ комплексных проблем,

Жаде Зуриет Азнауровна

доктор политических наук, профессор,
зав. лабораторией этнокультурных проблем

НИИ комплексных проблем

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ^{1*}

Одним из важнейших инструментов формирования и укрепления российской идентичности в условиях усложняющегося мирового развития является научное сообщество, усилия которого направлены на упрочение традиционных духовных ценностей российской нации, поиск и внедрение новых стратегий социокультурного и политического развития страны. Интеллектуальная элита России, обладающая мощным интегрирующим потенциалом и способная консолидировать общество перед лицом угроз глобализации, призвана помочь России решить стоящие перед ней масштабные задачи в процессе укрепления российской идентичности. Другими словами, интеллектуальная элита является реальным актором формирования и укрепления идентичности, которая, в свою очередь, служит важным фактором национальной консолидации российского общества.

Современный этап в развитии теорий идентичности связан с попытками системного переосмысления тех социокультурных, политических,

^{1*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

социально-экономических и иных изменений, которые все более очевидно обозначились на рубеже тысячелетий.

Существенный вклад в развитие представлений об идентичности внесли российские ученые – философы, социологи, политологи. В последние годы появились концепты, сочетающие наработки различных социогуманитарных наук в области исследования идентичности, фактически можно говорить о синтетической модели междисциплинарных исследований идентичности.

Наиболее значительным опытом и потенциалом изучения данной проблемы обладают научные школы, сложившиеся в ФНИСЦ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО МИД РФ, СПбГУ, ИМЭМО РАН, Институте этнологии РАН, Пермском государственном университете, Южном федеральном университете, Кубанском государственном университете, Адыгейском государственном университете и ряде других научных центров России.

Исследованию различного рода процессов, происходящих на Северном Кавказе, мониторингу ее наиболее острых проблем сегодня уделяется пристальное внимание представителями различных направлений социогуманитарного знания. Включение в работу по изучению проблем российского Кавказа специалистов разного профиля и выход в формат междисциплинарного исследования позволяет сегодня получать достаточно интересные результаты. В российском академическом сообществе формируется соответствующий дискурс, увеличивается число публикаций в профильных изданиях, все активнее обсуждается данная проблематика в общественно-политических журналах, проводятся различного рода научные форумы.

Наглядным показателем возросшего внимания к региону стало также создание десятков институтов и центров по его изучению в разных странах. Западные коллеги проявляют большой исследовательский интерес к данному региону, о чем свидетельствуют зарубежные публикации, оригинальные проекты и научные мероприятия.

Сегодня вопрос о стратегии развития российского Кавказа актуален именно тем, что он находится в плоскости не только научных изысканий, но и современной политики. Это стало закономерным следствием возрас-

тания геополитической роли и значения региона в условиях формирования нового мироустройства. В этом вопросе следует согласиться с К.С. Гаджиевым в том, что в настоящее время Кавказ характеризуется политической дискретностью, мозаичностью и нестабильностью. Здесь множество реальных и потенциальных этнонациональных, территориальных и конфессиональных противоречий и конфликтов проявляется в наиболее запутанной форме, чреватой далеко идущими непредсказуемыми негативными последствиями для всех стран и народов региона. В сложный узел сплетены весьма острые и трудноразрешимые социально-экономические, национально-территориальные, конфессиональные, геополитические и иные проблемы [1], среди которых, на наш взгляд, значимое место занимают вопросы, связанные с изучением модификации идентичности в период трансформаций, когда в социально-политической системе протекают процессы консолидации, конфликта и «гибридизации» идентичностей.

Социально-политические перемены в России и ее регионах явились причиной кризиса мировоззрения, ориентаций, поведения и ценностей. Модель картины мира, включающая концепцию отношения человека к миру в разносторонних ее проявлениях, претерпела существенные изменения, имея свои собственные формы для каждого отдельно взятого этноса и в зависимости от принципов этнической иерархизации ценностей.

Столкнувшись с задачей концептуализации синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на уровне индивидуальном, групповом и социетальном, ученые обратилась к концепту идентичности. Интерес научной общественности Северного Кавказа к данной проблеме обусловлен необходимостью поиска наиболее эффективного пути развития общества в условиях изменений глобальной геополитической структуры. Большинство авторов сходится во мнении о том, что в процессе глобализации роль российской идентичности неизмеримо возрастает. Анализ источников показывает, что пристальное научное внимание к проблемам укрепления российской идентичности связано с необходимостью выработки защитных механизмов, способных обеспечить сохранность исконной ценности нации – социальной стабильности в условиях новых угроз, вызовов и рисков со стороны социокультурной глобализации.

Научная элита Северного Кавказа, с одной стороны, стремится к модернизации и прогрессу российской нации, с другой, традиционно обращается к идентичности, рассматривая ее в качестве гаранта консолидации общества. Деятельность научного сообщества направлена на сохранение и развитие традиций толерантности и взаимоуважения между народами и конфессиями Северного Кавказа.

Тенденция изучения идентификационной проблематики в кавказоведении берет свое начало с первого упоминания о проблемах кавказской идентичности в работах О.Н. Дамения и А.Ю. Шадже [2], по мнению которых, кавказскость – суперэтнически-специфический феномен, составляющий то «особенное», что определяет «лицо кавказца». Она включает кавказский образ жизни, обычаи и общие духовные ценности, идеи диалога, толерантности, гуманизма, добра, которые в совокупности формировали кавказский менталитет и духовное бытие кавказца.

Рассматривая Кавказ в российском и мировом контексте, признанный специалист по Северному Кавказу Ю.А. Жданов выявляет конструктивное содержание кавказской идентичности, помогает увидеть за «лицами кавказской национальности» уникальный географический, геополитический и культурный массив. Отмечая с горечью прошлые и современные конфликты и конфронтации, он отмечал: «Кавказ хранит в себе и ныне мощные исторические традиции. На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов... Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества... Поэтому художественная и научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы» [3].

Одна из первых попыток анализа трансформации системы идентичностей у народов Северного Кавказа была предпринята В.В. Черноусом, который исходил из представления о том, что самоидентификация этноса и регионального социума представляет собой «цепочку идентичностей» с меняющимися под влиянием различных факторов приоритетами [4].

Это начинание не только получило положительный резонанс в нашем регионе и стране в целом, но и имеет свое продолжение. Посте-

пенно в регионе сформировался своего рода «социальный заказ» на разработку вопросов идентификационного профиля, начались первые научные исследования в этой области.

Так, проблема идентичности явилась предметом изучения региональных «интеллектуальных потоков», в которые входят группы ученых из Южного и Северо-Кавказского федеральных округов: Ростовская область (Ю.Г. Волков, Г.С. Денисова, Л.В. Клименко, А.В. Понеделков, В.В. Черноус); Ставропольский край (М.А. Аствацатурова, В.А. Авксентьев, А.Б. Багдасарова, С.Ю. Иванова, М.Е. Попов, В.Р. Чагилов, М.М. Шульга); Краснодарский край (А.В. Баранов, Н.Г. Денисов, Е.В. Морозова, В.Е. Науменко, И.В. Юрченко); Республика Дагестан (А.-Н.З. Дибиров, А.А. Магомедов, М.З. Магомедова, М.М. Магомедханов, С.И. Муртузалиев, Г.И. Юсупова); Кабардино-Балкарская Республика (А.Х. Боров, Р.Х. Кочесоков, А.М. Кумыков, Х.Г. Тхагапсоев); Республика Адыгея (З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Х. Тлеуж, Р.Д. Хунагов, А.Ю. Шадже); Республика Северная Осетия – Алания (С.Д. Гуриева, В.Д. Дзидзоев, Х.В. Дзуцев, А.Г. Плиев, А.А. Цуциев); Карачаево-Черкесская Республика (С.А. Абдоков, К.М. Гожев, В.Ш. Нахушев, Т.А. Узденов); Чеченская Республика (В.Х. Акаев); Республика Ингушетия (И. Кодзоев, М. Барахоев, И. Базоркин).

Как видно из вышеизложенного, проблематика идентичности имеет солидную традицию изучения в различных направлениях социогуманитарного знания: представителями политологической, философско-культурологической, исторической и социологической наук, каждая из которых оперирует универсальными и специальными методами, разработаны конструкты, позволяющие проводить исследование различных типов или уровней идентичностей на полипарадигмальной основе: макросоциальная российская идентичность в парадигме конфликтологии (В.А. Авксентьев); идеологические основы национальной идентичности (Ю.Г. Волков); различные аспекты региональной идентичности (Г.С. Денисова); факторы, влияющие на формирование позитивной общегосударственной идентичности (С.Ю. Иванова); векторы развития российской идентичности в контексте национальной безопасности (М.Е. Попов); социально-философская концепция конструирования российской коллективной идентичности (А.Х. Тлеуж); личность и цивилизация в мире аутентичности и

идентичности (Р.Д. Хунагов); идея «цепочки идентичностей» с определением в ней места российской (В.В. Черноус).

Отдельный вектор научного поиска фокусирует интерес на особенностях идентификационного выбора в ЮФО и СКФО и представлен в работах М.А. Аствацатуровой, Ю.Г. Волкова, Г.С. Денисовой, И.П. Добрава, А.В. Понеделкова, В.В. Черноуса, внимание которых сосредоточено на анализе «окружных» идентичностей и формировании российской идентичности [5].

Большой интерес представляет специальный выпуск в 2011 г. одного из самых авторитетных научно-гуманитарных изданий в России – журнала «Философские науки», координатором которого выступил Х.Г. Тхагапсоев. Ученые Кабардино-Балкарии посвятили аналитические материалы актуальной проблеме – роли и месту этнического фактора в формировании российской идентичности. Они исходят из того, что возрастающая интенсивность и многообразие связей с окружающей регион экономической, социально-политической, информационной средой при неизбежной смене поколений будут приносить в процессы регионального развития элементы неопределенности и непредсказуемости, определенную напряженность между необходимостью соответствовать требованиям открытого и конкурентного мира современности и потребностями сохранения своей культурной идентичности [6].

Большая группа публикаций связана с изучением идентичности населения многосоставного российского общества. Здесь можно выделить направление исследований, которое концентрируется на различных аспектах общегражданской идентичности. Оно представлено в работах Ю.Г. Волкова [7]. Особое место в этом направлении занимает проблематика взаимодействия социальной и этнической идентичности в сознании россиян, и связанная с этим вопросом перспектива формирования мультикультуральной доминанты идентичности (работы М.А. Аствацатуровой, А.В. Авксентьева, А.В. Баранова, Е.В. Морозовой и др.) [8].

Проблемы интеграции полиэтничных территорий Северного Кавказа и идентичности его населения представлены преимущественно исследованиями конфликтогенных процессов, дестабилизирующих макро-регион и размывающих единство социетальных ценностей в условиях этнокультурной гетерогенности. Такой подход характерен работам

А.В. Авксентьева, Г.Д. Гриценко, Л.Л. Хоперской, А.А. Цуциева, В.В. Черноуса, И.П. Добаева.

Тема «Российская идентичность в полиэтничном регионе: противоречие национального, регионального, этнического и локального уровней» относится к основным научным направлениям, которые разрабатываются в Институте социологии и регионоведения ЮФУ. В рамках реализации темы разработан многомерный конструкт междисциплинарного научного исследования общероссийской идентичности как социальной реальности, а также рассмотрены реальные социальные практики построения национально-государственной и этнической идентичности на Юге России. Сформирован комплекс рекомендаций по развитию гражданской социализации и формированию гражданской идентичности в рамках научно-исследовательской работы учащейся молодёжи [9].

В последнее десятилетие постепенно расширяется обсуждение специфики региональной идентичности населения Северного Кавказа и формирования на этой основе общероссийской социальности. В центре внимания ученых находится проблема сочетания общегражданского, этнического и регионального компонентов идентичности. К этому направлению можно отнести работы А.В. Бедрик, Ю.Г. Волкова, А.Н. Дьяченко, А.В. Лубского, А.В. Серикова, Г.С. Денисовой, Л.В. Клименко и др. [10].

В свете обсуждаемой темы обратим внимание на то, что одной из инновационных «площадок» для разработки данной проблематики стала «Лаборатория этнокультурных проблем» НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета. Исследовательская группа (Р.Д. Хунагов, З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшева, А.Ю. Шадже) плодотворно занимается изучением этнокультурной идентичности на Юге России и осуществила комплексный подход в анализе разных уровней идентичности. Коллективные монографии «Многоуровневая идентичность» и «Российская идентичность на Северном Кавказе» [11] посвящены междисциплинарному осмыслению многоуровневой идентичности, анализу проблемы формирования национальной идентичности в полиэтноконфессиональном регионе в условиях модернизации России. С учетом особенностей северокавказского региона авторы рассматривают трансформацию идентичности в условиях активизирующейся гло-

бализации. Коллектив, опираясь на исторически сложившиеся социально-культурные традиции в регионе, делает попытку осмыслить современную реальность и наметить контуры будущего через идентичность. В трудах А.Ю. Шадже определяются концептуальные основы укрепления российской идентичности на Северном Кавказе; обосновывается положение о сосуществовании российской национальной и этнокультурной идентичностей [12]. В последнее время структура идентичности изменилась содержательно, она трансформировалась, а потому и изменились представления о ней. К числу исследований, во многом проясняющих контуры предметной области данной проблематики, относится монография «Северный Кавказ в фокусе российской идентичности», в которой впервые исследована идентичность в контексте постнеклассической науки; применена социальная синергетика к исследованию российской идентичности на Северном Кавказе [13]. В монографии З.А. Жаде проведено исследование геополитической идентичности России как реального политического феномена и теоретического конструкта [14]; она также является соавтором ряда коллективных монографий [15].

В монографии Р.Д. Хунагова «Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности» рассматривается актуальная проблема современной социально-гуманитарной мысли – личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности современного сложного информационного общества. Одной из заслуг автора является то, что он одним из первых в отечественной литературе предпринял попытку раскрыть сущность взаимосвязи аутентичности и идентичности и показать роль этой взаимосвязи в социальной динамике. По его мнению, «анализ идентификационных процессов, имеющих место на полиэтничном Северном Кавказе, опирается на констатацию «предельной выраженности» этнического и конфессионального разнообразия у населения региона. Конфигурация групповой и индивидуальной идентичности, а равно и идентификационные процессы выглядят как множественные, многоуровневые, эклектичные, фрагментирующиеся на всех уровнях. Регулярно возникают новые идентификации ...» [16].

Наглядным показателем возросшего внимания к данной проблеме явилась Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности»,

состоявшаяся в 2014 году в Адыгейском государственном университете, по итогам которой издан сборник материалов [17]. В Адыгейском государственном университете защищен ряд диссертаций по данной проблематике [18].

Не развивая эту тему дальше, отметим, что обзор подходов к использованию концепта идентичности выявил проблему выстраивания предметного поля исследований, наряду со стремительным возрастанием публикаций, посвященных различным аспектам идентичности. Анализ показывает, что, изучая идентичность, каждая наука опирается на свое видение этого феномена, свою методологию и методику: в рамках политологического подхода в центре внимания – гражданская идентичность; социологи обращают внимание на социокультурные особенности идентичности; социально-антропологическое и этнологическое изучение формируется в контексте этнической проблематики идентичности; культурологи при определении сущности идентичности стремятся увязывать ее содержание с особенностями национальной культуры; философы трактуют идентичность в терминах принадлежности к социальной группе; философско-антропологический подход опирается на анализ социокультурных типов идентичности в контексте взаимодействия человека, культуры и социальной общности. Представляется, что методологически корректная соотнесенность концепций и положений разных дисциплин позволит рассмотреть одни и те же проблемы с различных позиций, будет способствовать осмыслению идентичности в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. Именно возможности междисциплинарного анализа, на наш взгляд, позволят вписать идентичность в контекст российских и глобальных изменений.

Возрастающий интерес к вопросам динамики идентичностей расширяет предметное поле социогуманитарной науки и делает его перспективным направлением научных разработок. Для научного сообщества Северного Кавказа осмысление проблемы идентичности стало одним из ключевых вопросов, как научной теории, так и реальной практики, о чем свидетельствует проведение в регионе ряда научных форумов. С профессиональной точки зрения большой научный интерес представляют сборники материалов названных конференций [19].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в последние годы в кавказоведении сформировалось новое и перспективное направление научных исследований, связанное с изучением сложных проблем идентичности. Имея в виду значимость осмысления проблем идентичности, представляется необходимым, чтобы ученые приложили усилия для поддержания совместного научного поиска. При этом важно помнить, что ведущая роль в укреплении российской идентичности принадлежит интеллектуальной элите, создающей соответствующие «объяснительные проекты», которые, постепенно становясь частью институциональной традиции, обретают статус объективной реальности для членов общности. Поэтому нашей общей задачей является поиск новых характеристик идентичности – ее креативность и инновационность, а также раскрытие специфических и универсальных компонентов формирования и конструирования новых идентичностей в новой парадигме развития. Исследования проблематики идентичности носят стратегический характер, поскольку они могут стать важным инструментом в процессе консолидации народов Северного Кавказа вокруг идеи системного и стабильного развития интеграционных процессов в России.

Литература

1. *Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения.* – М., 2010. – № 2. – С. 71.
2. *Дамениа О.Н.* К проблеме идентификации кавказской культуры // *Вестник Адыгейского государственного университета.* 1998. – № 1; *Шадже А.Ю.* Кавказская идентичность в современной России // *Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи».* – СПб.: Скифия, 2000.
3. *Жданов Ю.А.* Солнечное сплетение Евразии. – Ростов-на-Дону – Майкоп: Адыг. респ. изд-во, 1999. – С. 23.
4. *Черноус В.В.* Становление самоидентификации народов Северного Кавказа и геополитические утопии на Кавказе // *Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственных интересов России.* – Ростов-н/Д.: СКНЦ ВШ, 1998. – С. 36.
5. *Аствацатурова М.А.* Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). – М.: Московское

бюро по правам человека, 2011; Добаев И.П. Северо-Кавказский федеральный округ: проблемы региональной идентичности на Юге России // <http://www.kavkazoved.info>; Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-н/Д.: ЮРФИС РАН, 2011; Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. – М.: Альфа-М, 2010; Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ). – Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009; Черноус В.В. Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России // Южно-Российский Форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. – № 1.

6. *Карамурзов Б.С.* Миссия университета и проблемы формирования российской социально-культурной идентичности // *Философские науки.* – 2011. – № 1.

7. *Волков Ю.Г.* Креативность в контексте формирования российской идентичности // *Гуманитарий Юга России.* – 2014. – № 1; Он же. Образы будущего в формировании российской идентичности // *Социально-гуманитарные знания.* – 2019. – № 1.

8. *Аствацатурова М.А.* Проект российской гражданской идентичности в контексте нациестроительства: северокавказские проекции // *Гуманитарий Юга России.* – 2016. – Том. 22. – № 6; *Авксентьев А.В.* Идентичность и политика идентичности в России: проблемы и риски // *Сотис – социальные технологии, исследования.* – 2018. – № 1; *Баранов А.В.* Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в.: (по материалам социологических исследований) // *Научная мысль Кавказа.* – 2014. – № 1; Он же. Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией // *Научная мысль Кавказа.* – 2014. – № 4; *Морозова Е.В.* Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // *Человек. Сообщество. Управление.* – 2012. – № 1.

9. *Волков Ю.Г., Лубский А.В., К.В. Воденко, Г.С. Денисова, Войтенко В.П.* Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2018; *Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков.* – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.

10. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. – М.: Альфа-М, 2010; Бедрик А.В., Дьяченко А.Н., Сериков А.В. Славянские народы Юга России: особенности воспроизводства и тенденции идентификации // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 6; Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Дьяченко А.Н. Этноконфессиональная идентичность населения Юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 6; Денисова Г.С., Лубский А.В., Войтенко В.П. Российская идентичность как предмет научно-исследовательских практик // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение». – 2018. – № 4.

11. Жаде З.А., Куква Е.С., Ляужева С.А., Шадже А.Ю. Многоуровневая идентичность. – М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006; Они же. Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп ООО «Качество», 2010.

12. Шадже А.Ю. Российская идентичность в контексте постнеклассической науки // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение». – 2011. – Вып. 3; Она же. Российская идентичность в синергетической парадигме // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4.

13. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2011.

14. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. – Ростов-н/Д.: ЮФУ; Майкоп: ООО «Качество», 2007.

15. В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности / Под общей редакцией В.В. Рудого, А.В. Понделкова, Р. Крумма. В 4 т. Том 2. Юг России – Северный Кавказ. – Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010; Проблема идентичности российского социума в условиях глобализации. – Магнитогорск: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

16. Хунагов Р.Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности. – Ростов-н/Д.: Антей, 2012. – С. 188.

17. Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. / Отв. ред. Р.Д. Хунагов. – М. – Майкоп – Ростов-н/Д.: Изд-во АГУ, 2014.

18. Гучетль А.Р. Социокультурная идентичность обучающейся молодежи: на примере среднего профессионального образования Республики Адыгея: автореф. дис. ... к. социол. н. Майкоп, 2017; Тлехатук С.А. Социокультурное измерение региональной правовой идентичности молодежи: на примере

Республики Адыгея: автореф. дис. ... к. социол. н. Майкоп, 2018; Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность современной молодежи: социокультурный анализ: на примере Республики Адыгея: автореф. дис. ... к. социол. н. Майкоп, 2010.

19. Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского научно-методологического семинара / Под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. – Краснодар: КубГУ, 2004; Вектор идентичности на постсоветском пространстве: Сборник научных статей по итогам Международного круглого стола. – Ростов-н/Д. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007; Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: Материалы междунар. науч. конф. – Ставрополь: СГУ, 2008; Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Кавказ). Сборник материалов Международной научной конференции. – Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009; Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сб. науч. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: ООО «Альфа-Полиграф+», 2009; Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI веке: сборник научных статей. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010; Формирование российской идентичности и гражданского патриотизма как консолидирующей основы полиэтничного социума: сборник научных работ. – Ростов н/Д. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010; Гуманитарные технологии укрепления российской государственности на Юге России: сб. науч. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Ред. колл. Н.Г. Денисов и др. – Краснодар: «Альфа-полиграф+», 2010; Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы: материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Р. Чагилов. – Невинномысск: НГГТИ, 2010; Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI веке: сборник научных статей. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2011; Культура как стратегический ресурс укрепления общероссийской идентичности: сб. науч. ст. по матер. Международной. науч.-практ. конф. / Ред. колл. Н.Г. Денисов и др. – Краснодар: «Альфа-полиграф+», 2011; Общероссийская и национальная идентичность: материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.З. Акопян. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012; Юг России: социогуманитарное моделирование и технологии укрепления общероссийской гражданской идентичности: сб. науч. ст. по матер. V региональной науч.-практ. конф. / Ред. колл. Н.Г. Денисов. – Краснодар: «Альфа-полиграф+», 2012; Социальные идентичности в глобализирующемся мире: содержание, типы, механизмы

трансформации: материалы международной научно-практической конференции / Глав. ред. В.Р. Чагилов. – Невинномысск: НГГТИ, 2012; Социально-культурная консолидация в условиях модернизации современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Р.Д. Хунагов. – М. – Майкоп – Ростов-на-Дону: Изд-во АГУ, 2013; Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. / Отв. ред. Р.Д. Хунагов. – М. – Майкоп – Ростов-н/Д.: Изд-во АГУ, 2014.

Аристава Орнелла Валиковна

студентка 1 курса магистратуры,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В АБХАЗИИ

Одним из современных трендов политики является кризисная неустойчивость общественно-политического развития, связанная как с естественными, так и общественно-политическими процессами и явлениями. Глубокие политические трансформации, радикальные перемены в ряде стран вызывают потребность в анализе и прогнозировании политических изменений. В данной работе будет рассматриваться так называемая турбулентность политических процессов в Абхазии. Но для полного погружения в истоки «неустойчивости» необходимо изучить государственное устройство республики.

Абхазия по форме правления является президентской республикой. По конституции президент обладает широкими полномочиями: самостоятельно формирует правительство, назначает глав исполнительной власти в городах и районах страны. Он избирается сроком на 5 лет, при этом, согласно выше упомянутой документу, президентом может быть только этнический абхаз. Заместителем главы государства является вице-президент.

Законодательным органом является Народное Собрание Республики Абхазия – парламент, состоящий из 35 депутатов.

К полномочиям органов местного самоуправления относятся: утверждение местного бюджета, налогов и их сборов, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, обеспечение охраны общественного порядка, определение своих внутренних структур.

Главные проблемы, выделяемые в системе местного самоуправления, – недостаток финансирования и тотальная зависимость от центра.

В силу неразвитости партийной системы и органов местного самоуправления значительную роль в жизни Абхазии занимают неформальные институты. В республике очень развит клиентелизм. Однако это не некая централизованная система, а конкуренция нескольких лоббистских групп или кланов.

На локальном уровне очень распространена «инициатива снизу»: семья, друзья и соседи выдвигают компетентных молодых людей в качестве депутатов в региональные советы. Такие кампании не требуют серьезных денежных затрат, так как кандидат обычно хорошо знаком избирателям.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы о специфике политических институтов Республики Абхазия:

- сильная президентская власть, истоки которой лежат в конфликтном прошлом республики;

- слабость политических партий в силу несовершенства системы парламентских выборов, что делает беспартийное выдвижение не менее, а зачастую и более выгодным методом приобщения к власти, нежели выдвижение от определенной партии;

- неразвитость системы местного самоуправления в силу несовершенства законодательства и сравнительно малых полномочий местных депутатов;

- подмена слабых формальных институтов неформальными: распространение nepотизма и клиентелизма.

В частности, последний пункт описывает «фасадность» политических институтов в государстве. Все значимые процессы происходят в соответствии с неформальными договоренностями кланов. Более мелкие дела решаются посредством закона или в судах, но задачи более крупного порядка являются результатом отдельных договоренностей конкурирующих сторон, в которых зачастую большую роль играют деньги и авторитет.

При таком раскладе политическая ситуация не может быть стабильна: каждая из подобных групп влияния будет лоббировать свои интересы, своих кандидатов и обязательно попытается устроить политический переворот. Что собственно и произошло и еще, вероятно, будет происходить в Абхазии. Об этой нестабильности и неустойчивости и пойдет речь.

В названии настоящей работы есть термин «турбулентность». Концепцию турбулентности в политике предложил американский политолог Джеймс Розенау в 1990 году.

Согласно концепции, турбулентность – это неустойчивость, проявляющаяся в технологических новациях, кризисах власти, нарушениях согласия, конфликтах на разных уровнях, революционных переворотах и других процессах и явлениях, изменяющих человеческую жизнь.

Главной характеристикой турбулентной политики является неопределённость, которая представляет собой результат противоборства между силами, сохраняющими существующий порядок, и силами, тяготеющими к преобразованиям.

Для наглядности подобной неустойчивости и неопределенности в Абхазии дана хронология политических потрясений в государстве. С начала 2000-х годов и до настоящего времени республика пережила несколько серьезных внутриполитических кризисов и массовых беспорядков:

- в марте 2003 года союз ветеранов абхазской войны 1992-1993 годов «Амцахара» организовал в столице несколько многотысячных митингов с требованием отставки правительства во главе с Геннадием Гагулия, обвинив его в провале социально-экономических реформ. Президент Владислав Ардзинба на фоне непрекращающихся протестов был вынужден пойти на уступки митингующим, отправив правительство в отставку. Кабинет министров возглавил первый вице-премьер, министр обороны республики Рауль Хаджимба.

- 29 октября 2004 года в Сухуме снова начались массовые беспорядки, спровоцированные сторонниками проигравшего кандидата на пост президента республики, премьер-министра страны Рауля Хаджимбы. На выборах 3 октября он занял второе место с результатом 35,6%, уступив Сергею Багапшу - 50,08% голосов. Сторонники Хаджимбы захватили здание Верховного суда республики и вынудили суд признать выборы несостоявшимися. Впоследствии митингующие заблокировали здание парламента и удерживали его под своим контролем в течение двух недель. Конфликт был улажен при посредничестве России: 6 декабря стороны достигли договоренности о проведении новых выборов. В них соперники должны были участвовать в тандеме: Багапш как кандидат в президенты, Хаджимба - в вице-президенты. 12 января

2005 года Сергей Багапш был избран президентом республики, Рауль Хаджимба стал вице-президентом.

- 28 февраля 2013 года состоялся многочисленный митинг оппозиции против повышения тарифов на электроэнергию, организованный Форумом народного единства, Народной партией и одной из ветеранских организаций республики. Представители оппозиции также потребовали отправить в отставку правительство Леонида Лакербая и заявили, что в случае отказа будут добиваться отставки президента республики. 11 марта протестующие вновь вышли на митинг. В итоге президент Александр Анкваб поддержал их требование о снижении тарифов на электроэнергию, однако правительство в отставку не отправил.

- 27 мая 2014 года абхазская оппозиция, собравшаяся на многотысячный митинг в столице, потребовала отставки президента Александра Анкваба, правительства республики, генпрокурора и глав восточных районов Абхазии. Митингующие обвинили действующего главу государства в нежелании отправлять в отставку правительство и проводить конституционную реформу, которая привела бы к передаче части полномочий президента парламенту. 1 июня 2014 года Анкваб подал в отставку, обязанности главы государства были возложены на председателя парламента республики Валерия Бганбу. На внеочередных выборах 24 августа 2014 года победу одержал Рауль Хаджимба.

- 5 июля 2016 года начались массовые беспорядки, организованные сторонниками партии «Амцахара». Оппозиция потребовала перенести на осень референдум о досрочных выборах президента республики из-за нарушений в его организации, и отправить в отставку министра внутренних дел Леонида Дзапшбу, которого обвинила в произволе и беззаконии. Митингующие попытались взять штурмом здание МВД республики. На следующий день президент Рауль Хаджимба заявил, что референдум перенесен не будет. Глава МВД был отстранен от должности. Референдум, прошедший 10 июля, был признан несостоявшимся из-за рекордно низкой явки - 1,23% голосов избирателей.

- 3 и 5 января 2018 года в Сухуме перед зданием президентской администрации и парламента прошли многочисленные несанкционированные митинги протеста оппозиции с требованием отставки Рауля

Хаджимбы. Акции протеста начались после помилования главой государства члена грузинской преступной группировки «Лесные братья» Георгия Лукава. В декабре 2017 года он был передан Грузии в обмен на граждан Южной Осетии, осужденных после событий 2008 года. 18 января президент заявил, что не намерен уходить в отставку.

- 9 января 2020 года недовольные общей ситуацией в стране граждане вышли на митинг в Сухуме. Через несколько часов после начала акции, митингующие двинулись к Администрации президента и взяли здание штурмом. Протестующие снова начали высказывать требования об отставке Рауля Хаджимба и проведении новых выборов. Итоги предыдущего голосования, которое прошло в сентябре, были отменены Верховным судом республики. Это было одним из главных требований оппозиции. На фоне массовых протестов парламент Абхазии выступил за отставку Хаджимбы, однако тот отказался принимать соответствующее решение и заявил о возможном введении в стране чрезвычайного положения. Еще одной причиной протестов стал скандал вокруг убийства криминальных авторитетов Астамура Шамбы и Алхаса Авидзбы. Их застрелили в ресторане на набережной Сухума в конце ноября прошлого года.

12 января 2020 года Центральная избирательная комиссия, на основании решения Верховного суда, назначила дату повторных выборов - 22 марта. По итогам повторного голосования, Президентом Республики Абхазия был избран Аслан Георгиевич Бжания.

В заключении, можно сделать вывод, что турбулентность является неотъемлемой частью политических процессов в государстве. Относительно спокойные периоды сопровождаются затем протестной активностью оппозиционных сил. Одной из причин этих потрясений, на мой взгляд, является архаичный уклад общественно-экономической и политической жизни, который является методом саморегулирования абхазского общества, так как «фасадные» институты не могут в должной мере функционировать и обеспечивать благополучие государства. До тех пор, пока конституция и законодательство являют собой лишь атрибуты современного государства, не может быть и речи о политической стабильности.

Литература

1. Епифанцев А.А. Абхазия: прошлое, настоящее и будущее // Постсоветский материк. - 2015. - № 5.

2. *Петрова С.В.* Внешняя политика непризнанных государств (на примере Республики Абхазия) // Вестник СГУТиКД. - 2011. - № 2 (16). С. 233–236.

3. *Платонова М.* Президентские и парламентские выборы в республике Абхазии после признания независимости // Политика. 2013. № 1. С. 117-126.

4. *Rosenau J. N.* Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990.

5. *Скаков А.* Выборы – 2017 в Абхазии и Южной Осетии // Россия и новый государства Евразии. 2017. № 2. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2017_02/Vybory2017_Skakov.pdf (дата обращения: 09.02.2021 г.)

6. *Хинтба И.* Президентские выборы в Абхазии: изменяющееся общество в застывшем контексте // Абхазская интернет-библиотека. URL: http://apsnyteka.org/602-khintba_i_izbrannye_stati.html#3 (дата обращения: 10.02.2021 г.)

7. Конституция Абхазии // Государственное информационное агентство республики Абхазия. URL: <http://www.apsnypress.info/apsny/constitution/> (дата обращения: 28.01.2021 г.)

Бабаян Георгий Артурович

Магистрант 1-го курса

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

ТУРИСТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ БОЛЬШОГО КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С АЗЕРБАЙДЖАНОМ И ГРУЗИЕЙ)

Большой Кавказ простирается более чем на 1150 километров с северо-запада на юго-восток, от района Анапы и Таманского полуострова до Апшеронского полуострова на побережье Каспия. Этот регион не раз становился предметом споров в международных дискуссиях, был и остается ареной противодействия и соперничества многих крупных держав. На современном этапе напряженными остаются взаимоотношения Рос-

сии и Грузии, а Армяно-Азербайджанские отношения продолжают носить враждебный характер, обострение конфликта в НКР привело к войне, остановить которую удалось лишь при содействии Российской Федерации.

Таким образом, у жителей соперничающих стран, начинает возникать предвзятое отношение к гражданам страны-соперника, к их культуре, нравам и обычаям, разумеется, речь не идет об открытых военных конфликтах, где появление такого отношения становится закономерным результатом активной фазы конфронтации, а в случае Армении и Азербайджана конфликт подогревается правительствами обеих стран на протяжении многих лет. Существует множество способов урегулирования проблем на официальном уровне, но отношение людей сложно изменить резкой сменой политического курса. Таким образом, на первый план в стабилизации и гармонизации межгосударственных отношений выходят культурная, и туристская дипломатия.

Туристская дипломатия включает в себя множество аспектов культурой дипломатии и служит весьма эффективным способом сглаживания «острых углов» во внешней политике по нескольким причинам:

Туристы – обычные граждане той или иной страны, встречающие таких же людей за границей, впечатление о культуре народа, его обычаях и людях формируется не на основе тех или иных традиционных стереотипов, а на базе собственных впечатлений и ощущений;

Развитие туризма ведет за собой рост узнаваемости страны, а популяризация туристических маршрутов ведет за собой приток иностранных инвестиций, именно поэтому все страны заинтересованы в развитии этой отрасли.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что туризм является одним из важнейших инструментов публичной дипломатии. Для полного осознания перспектив развития туристкой дипломатии в регионе необходимо рассмотреть существующие формы её применения.

На примере взаимоотношений России и Азербайджана можно убедиться в эффективности туризма как формы дипломатии. В 2019 году Азербайджан посетило более 932 198 тыс. российских туристов, а прогнозируемое число гостей из России на 2020 год превышало миллион че-

ловек. На территории Азербайджана действует более 340 школ с обучением на русском языке, русский язык активно используется в СМИ, таким образом, российскому туристу сложно остаться непонятым. Весьма теплый прием, гостеприимность и вежливость азербайджанцев, а также культурное и уважительное поведение российских туристов является своеобразным опровержением существующих стереотипов. Таким образом межгосударственные отношения не осложняются предрассудками и предвзятым отношением народов обеих стран. Именно по этой причине власти Азербайджана стараются прислушиваться к мнению России по ряду стратегически важных международных вопросов. Одним из самых ярких примеров такого сотрудничества может считаться окончание войны в Нагорном Карабахе, где гарантом сохранения мира и посредником между враждующими сторонами стала Российская Федерация, несмотря на то что Азербайджан находится под достаточно сильным влиянием Турецкой Республики.

Необходимо подчеркнуть, что не во всех случаях положительные впечатления о любом народе, сформировавшиеся на территории его страны автоматически указывает на столь же положительное отношение к представителям тех или иных национальных диаспор.

Туристская дипломатия безусловно является важным инструментом сближения и укрепления сотрудничества между государствами, но также она может стать эффективным способом защиты национальных интересов. Ярким примером обеих функций может служить развитие Российско-Грузинских отношений после войны 2008 года. После признания специальной комиссией Евросоюза по расследованию обстоятельств вооруженного конфликта Грузии инициатором боевых действий, было прекращено авиасообщение между Россией и Грузией, вводились новые ограничения на грузинский импорт, дипломатические отношения между странами были разорваны.

Единственным способом начать постепенное восстановление отношений стала туристская дипломатия. В 2012 году Грузия ввела безвизовый режим для российских туристов, что сделало страну более привлекательной для посещения. В 2014 году Россия сняла эмбарго на ввоз грузинских товаров и восстановила прямое авиасообщение с Грузией. Количество российских туристов с каждым годом увеличивалось, принося

больше доходов и инвестиций. Имидж Грузии в глазах россиян стал постепенно меняться в положительную сторону. Ситуация кардинально изменилась на фоне антироссийских выступлений в июне 2019 года. Президент России Владимир Путин отменил прямое авиасообщение с Грузией. С учетом того, что еще до акций протеста 2019 года Грузию посетили 1 миллион 509, 7 тысяч российских туристов, отмена прямого авиасообщения имела самые негативные последствия для целой отрасли: курс грузинского лари снизился до исторического минимума – 2,96 лари/долл., общий ущерб экономике составил около 300 миллионов долл. Эта ситуация привела к первой за 10 лет встрече министров иностранных дел России и Грузии, а антироссийские настроения пошли на спад.

Подводя итог, можно с уверенностью считать, что туристская дипломатия играет весьма заметную роль в развитии и укреплении взаимоотношений между странами региона, а также может играть роль инструмента защиты национальных интересов государства. В современном мире большую роль в формировании межгосударственных отношений играют не только чиновники и политики, но и люди – граждане тех или иных стран, мнение которых может и не совпадать с официальной повесткой государства. Публичная дипломатия помогает выстроить дружественные отношения на неофициальном уровне, что является фундаментом успешного межгосударственного сотрудничества. Туристская дипломатия – инструмент публичной дипломатии, а также перспективное направление внешней политики, которое, несомненно, должно развиваться и приобретать новые формы реализации.

Литература

1. *Боришполец К.П.* «Вклад публичной дипломатии СНГ а интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов» (электронный ресурс) // <https://mgimo.ru/upload/iblock/c2e/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf>

2. *Боришполец К.П.* «Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденции развития» (электронный ресурс) // <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-na-prostranstve-eaes-osmyslenie-fenomena-i-tendentsiy-razvitiya>

3. *Табаринцева-Романова К.М.* «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 26–37. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10302

4. В Грузии число туристов из РФ в 2020 году сократилось в семь раз (электронный ресурс) // <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/76003/>

5. Российские туристы в Азербайджане заняли первое место по количеству // (электронный ресурс) <https://www.tourprom.ru/news/44739/>

6. *Торосян В.Г.* «Туризм как форма «народной дипломатии»» (электронный ресурс) // [5_Torosyan.pdf](https://yandex.ru/pdf/5/Torosyan.pdf) (yandex.ru)

7. Туризм в Евразии: смена ценностей и новые формы сотрудничества (электронный ресурс) // Туризм в Евразии: смена ценностей и новые формы сотрудничества - Ритм Евразии (ritmeurasia.org)

8. *Черевичко Т.В.* «Туризм как инструмент публичной дипломатии» (электронный ресурс) // <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-kak-instrument-publichnoy-diplomatii/viewer>

*Борисенко Кирилл Сергеевич,
Голотвин Григорий Григорьевич,*

магистранты

Института социологии и регионоведения

Южного федерального университета

«РОЛЬ И МЕСТО «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ»

На территории земного шара различные субъекты международных отношений длительное время боролись за распространение своего влияния, пытаясь достичь глобального господства. Большую часть истории человечества противоречия между акторами решались посредством применения военной силы. Однако с развитием военных технологий стран и экономических связей между государствами, ростом их взаимозависимости друг от друга, применение новых систем вооружений, в том числе ядерных, может привести к уничтожению человеческой цивилизации. В

силу этого стали появляться и эволюционировать другие способы противоборства на международной арене. Одним из таковых может считаться концепция «мягкой силы», которая стала казаться более актуальной в XXI веке.

Концепция «мягкой силы» была впервые сформулирована американским учёным неолиберальной школы, профессором Гарвардского университета, Дж. Наем в 90-ые годы XX века. Её суть состоит в том, что внешнеполитическая деятельность должна основываться на гуманитарном сотрудничестве, выстраивании положительного имиджа государства и отказа от применения силовых методов реализации национальных интересов. Но если под «жёсткой силой» Дж. Най понимает насильственное принуждение к тем либо иным действиям при помощи использования военной и экономической мощи страны, то под второй – способность добиваться желаемого результата на основе добровольного участия союзников, повышения уровня привлекательности (в том числе в глазах обывателей) на международной арене. Но если для получения качественного результата при применении инструментов «жёсткой силы» необходимо постоянно поддерживать определённый уровень давления на оппонента, постоянно держа ситуацию в конфликтной фазе, то при использовании инструментов «мягкой силы» такие действия не требуются [5].

«Мягкая сила», как её описывает Най, это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью экономического или политического принуждения. В современном мире «мягкую силу» можно считать особого рода управленческой политикой, что направлена на использование ненасильственных методов воздействия, определённым инструментом и технологией для достижения собственных геостратегических целей [5].

«Мягкая сила» применяется крупными региональными и мировыми акторами в различных точках земного шара. Особенно актуальным практический аспект данной внешнеполитической концепции становится в рамках заполнения вакуума силы на территории постсоветского пространства многими игроками. В том числе стоит отметить Турецкую Республику, занимающую 29 строчку в рейтинге «The soft power 30» [8], который оценивает потенциал «мягкой силы» каждой страны и составляет

рейтинг 30 наиболее влиятельных государств. Порта активно распространяет собственное влияние на территории Южного и Северного Кавказа, а также в Центральной Азии, используя концепции «пантюркизма», «панисламизма» и «неоосманизма» [1].

Пантюркизм является политическим течением, которое подразумевает под собой консолидацию всех тюркских народов на основе религиозной, этнической и языковой общности в рамках единого географического пространства. Неоосманизм подразумевает под собой расширение сферы влияния на сопредельные территории Турции посредством «мягкой силы» при помощи экономического и гуманитарного воздействия, повышения уровня наднационального духа. Её автором считается экс-премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу. Панисламизм же представляет собой религиозно-политическую идеологию, суть которой заключается в единении всех мусульман мира на основе их религиозной принадлежности. Все эти императивы внешней политики Турции активно используются для вовлечения Северного Кавказа в зону влияния Порты [3].

Северный Кавказ является крайне важным геостратегическим регионом, в котором переплелись интересы России, Турции и Ирана, дающим возможность оказывать влияние на процессы, происходящие не только на Большом Кавказе, но и в Центральной Азии, той стране, которая его контролирует. Порта на протяжении нескольких веков считала эту зону своими «северными территориями», которые ранее входили в состав Османской империи. Во время Кавказской войны 1817-1864 гг. турецкие султаны активно поддерживали сопротивление горцев против Российской империи, а после распада Советского Союза Анкара при помощи финансового и военного снабжения незаконных вооружённых формирований и террористов на территории Чечни и Дагестана доставляла неудобства России на её южных рубежах. Однако сегодня лидеры Турции действуют иначе, используя накопленный с 1990-ых годов потенциал «мягкой силы» и воздействуя прямо на население северокавказских регионов России.

На сегодняшний день наибольшую этноконфессиональную близость с Турцией имеют такие народы Северного Кавказа как ногайцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки и турки-месхетинцы, относящиеся к группе тюркских народов. Однако Анкара не думает ограничиваться только

лишь «тюркскими» субъектами России на Северном Кавказе. Так как практически все коренные народы Северного Кавказа являются мусульманами-суннитами (исключение составляют осетины), Порта использует конфессиональную близость в свою пользу. Здесь длительное время после распада Советского Союза действовала запрещённая в России группировка «Нурджулар», созданная Фетхуллахом Гюлленом. Деятельность этой организации была направлена на тщательную работу с молодёжью на основе конфессиональной и этнической близости для возможного формирования в перспективе протурецкого лобби в российских регионах Северного Кавказа. «Движение Гюллена» работало над открытием специальных школ, языковых курсов при университетах и строительством мечетей, пытаясь посредством просвещения привить «тёплое отношение» к Турции и продвинуть свои собственные внешнеполитические интересы в будущем при помощи протурецкого лобби [6]. Однако в 2008 году «Нурджулар» попала в список запрещённых в России экстремистских организаций, в результате чего гюленовцам пришлось свернуть свою деятельность. Несмотря на это Турецкая Республика не оставляет попыток укрепить своё влияние на Северном Кавказе при помощи культурного взаимодействия с народами северокавказских субъектов России. Порта активно спонсирует строительство новых мечетей и школ на территории северокавказских республик, продвигает турецкий язык и культуру, пытается сотрудничать с диаспорами турков-месхетинцев, даёт гранты на обучение в университетах Турции. Так, к примеру, в 2014 году Общественная организация «Союз турецких народов» решила, что может оказать материальную помощь студентам из Чечни для обучения в одном из университетов Турции, покрывая расходы на обучение и проживание, выплачивая студентам дополнительную стипендию. В конце 2018 года в Ставропольском крае глава диаспоры турков-месхетинцев, Одиль Алиев, был снят со своей должности в результате того, что его уличили в получении финансовой выгоды от сотрудничества с организацией Datub (Общественная организация по защите прав турок-месхетинцев) и помощи в продвижении протурецких настроений среди молодёжи Ставрополя [6].

Помимо этого, у Анкары есть ряд организаций-проводников «мягкой силы», которые ведут активную работу на постсоветском простран-

стве, занимаясь организацией культурных мероприятий, научных конференций и молодёжных форумов, а также обучают студентов турецкому языку. Они работают над созданием положительного образа Турции в представлении молодёжи, пытаясь развить идею о Турции как колыбели мира и единстве тюркского мира. К таковым относятся Институт им. Юнуса Эмре, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY). Пока ни одна из этих организаций официально не работает на Северном Кавказе, однако некоторые «тюркские» субъекты Центральной России (Татарстан, Башкортостан) и Сибири (Якутия, Тыва, Хакасия) имеют статус наблюдателя в TÜRKSOY, что уже говорит о поступательной работе в направлении расширения влияния Турции на тюркскую молодёжь России [4]. Институт им. Юнуса Эмре представлен в Москве и Казани. Однако летом 2019 года председатель института Шереф Атеш на встрече с журналистами, прибывших в Турцию по приглашению Российско-турецкого форума общественности, заявил о заинтересованности Анкары открыть филиалы института в республиках Северного Кавказа, заявив: «Конечно, нам бы очень хотелось устанавливать отношения с теми регионами Кавказа, где проживают родственные и дружеские народы. На первом этапе мы могли бы сотрудничать с университетами, которые работают в этом регионе» [7]. Кроме организаций-проводников «мягкой силы» Турция активно использует современный кинематограф, создавая исторические сериалы с сильными и мудрыми султанами Османской империи, фальсифицируя историю в свою пользу. Так турецкий кинематограф создаёт положительное впечатление об истории и культуре Порты, что активно встраивается в сознание молодёжи.

Таким образом, Турецкая Республика сегодня активно применяет инструменты «мягкой силы» для проведения своей внешней политики, заключающейся в расширении её влияния на сопредельные территории путём использования этноконфессиональной близости и общего исторического прошлого. Северный Кавказ является важным регионом, который соединяет Чёрное и Каспийское моря, а также открывает широкие возможности для влияния на территорию Центральной Азии. Так как на территории Северного Кавказа проживает большое количество мусуль-

ман-суннитов и представителей тюркских народов, возможности воздействия Турции здесь возрастают. Для предотвращения усиления влияния Порты в этой точке, укрепление которого противоречит интересам России, необходимо активно использовать российскую «мягкую силу» в культурном и образовательном пространстве.

Литература

1. *Аватков В.А.* Неосманнизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В.А. Аватков // Свободная мысль. - 2014. - № 3. - С.71-78.

2. *Алиева А. И.* «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции / А. И. Алиева // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63 – 88.

3. *Сафонкина Е.А.* Турция как новый актер политики «мягкой силы» / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 145 – 166.

4. *Стародубцев И.И.* Россия – Турция: 500 лет беспокойного соседства / И. И. Стародубцев. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 416 с.

5. *Нью С.Д.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990.

6. «Тюркская карта» Турции на Северном Кавказе: угроза стабильности региона? [Электронный ресурс] – URL: <https://newstracker.ru/article/general/10-07-2019/tyurkskaya-karta-turtsii-na-severnom-kavkaze-ugroza-stabilnosti-regiona> (дата обращения: 01.02.2021)

7. Филиалы турецкого института им. Юнуса Эмре могут появиться на Северном Кавказе [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6612364> (дата обращения: 08.02.2021)

8. The Soft Power 30. Portland, 2019. [Электронный источник] – URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).

Глазов Александр Алексеевич,

Студент,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Что есть Кавказ? Какого его определение? Это понятие можно расписать по-разному. Кавказ – это рудник стратегически ценных природных энергоресурсов – газа и нефти. Кавказ – это область пересечения двух уникальных видов цивилизаций – христианской и мусульманской, с разными системами духовных ценностей. Он, находящийся на стыке Азии и Европы, является комфортным плацдармом для продвижения вглубь территорий Ближнего и Среднего Востока, а также в воды Средиземного, Каспийского и Чёрного морей. Северный Кавказ имеет богатую историю, пережив огромное количество войн и нашествий, конфликтов между различными кланами, племенами, религиозными конфессиями, государствами и империями. Сейчас, значимость Северного Кавказа еще более возрастает в эпоху глобализации, в эпоху общепланетарного взаимодействия.

Процесс интеграции Кавказа в государственное пространство России был долгим, сложным и противоречивым. Некоторые исследователи считают, что впервые начало продвижения России на Кавказ случилось конце десятого века, в то время, когда князь Святослав Игоревич разгромил Хазарский каганат и перенес границу Руси на Кубань. Так появилось Тмутараканское княжество. В последнее время политика России на Северном Кавказе носила непоследовательный характер. Развал Советского союза вызвал всплеск национального самосознания, который, к сожалению, будучи пущен на самотек, был использован в своих интересах националистическими, сепаратистскими движениями и вылился в ряд вооружённых конфликтов [3]. Первостепенной целью урегулирования геополитической обстановки на Северном Кавказе в двадцать первом веке стала политика укрепления и защиты территориальной целостности РФ

в регионе, решительное пресечение сепаратизма и религиозного экстремизма [8]. Так накануне силовики ЧР уничтожили группировку Аслана Бютукаева. Он считался главой террористического движения на территории РФ после ликвидации главы запрещенной группировки «Имарат Кавказ». Главной задачей этих бандформирований было продвижение мыслей религиозного экстремизма и создание государства с законами шариата. Важными факторами геополитики в наше время стали информационно-сетевые возможности, которые финансируются международными фондами.

Как отмечает Дугин, пространство Северного Кавказа является приоритетной областью ведения сетевых войн. Глобальная информационная война стала эффективным инструментом против России в геополитической конфронтации [6]. Поэтому важной задачей управленческих органов по противодействию информационной агрессии является создание мощного информационного пространства, которое делает международную реальность отвечающей интересам нашего государства [8]. Политика, проводимая в наше время федеральным центром, имеет курс по проведению практических мер по повышению устойчивости развития и стабильности региона. Также проводится комплекс мероприятий, которые ориентированы на улучшение целостности государства, борьбу с экстремизмом [9].

Также Соединённые штаты Америки неоднократно объявляли весь Кавказ зоной своих стратегических интересов и начали осуществлять соответствующую политику в южной части этого региона. Это заявление, определяет современное направление геополитики США на Кавказе и имеет экономическое основание – Каспийский энергетический проект, т.е. план вывода нефти и газа, залегающих в недрах Прикаспия, на мировой рынок энергоносителей. Практика говорит о том, что следует проводить геοэкономическую политику, а не политику в её чистом виде. Борьба за энергоресурсы является чётким тому доказательством. Повышение зависимости большинства государств от поступления нефти и газа объясняют повышенный интерес мировых игроков к Каспийскому региону. Ценность лежащих там запасов углеводородов (по оценкам экспертов – до 4% от мировых) обуславливается, помимо прочего, их выгодным расположением. Важность Каспия, как источника добычи углеводородов

повышается из-за роста нестабильности на Ближнем Востоке, превращая данный регион в своеобразный противовес зависимости от ОПЕК. Также каспийская нефть сможет заменить как нефть, находящуюся в Северном море, когда та пойдет на убыль, так и в РФ. Это говорит об увеличении роли каспийских энергоносителей в мировой экономике в ближайшие десятилетия [7].

Несмотря на то что на территории Северного Кавказа наступила более-менее стабильная обстановка, сохранилось немало препятствий эффективного использования геостратегического положения в политической и социально-экономической сферах: коррумпированность, этноклановость власти, экономическая отсталость, безработица, социальное расслоение, деградация инфраструктуры, хотя сейчас данные проблемы активно решаются.

Таким образом, геополитика РФ на Северном Кавказе должна и дальше носить взвешенный и последовательный характер. Необходимо выработать эффективные механизмы политической и социально-экономической стабилизации обстановки в области данного региона, предотвращения дальнейших возможных вооруженных конфликтов, активного привлечения республик СК в общенациональные процессы модернизации, трансформации российского общества. Нужно сохранить политическое и культурное единство Северного Кавказа, используя грамотную государственную политику, направленную на гармонизацию межнациональных отношений; улучшение ситуации в регионе, развитие демократических институтов правового государства. И очень важно понимать, что когда государство выпускает политику из своих рук в силу тех или иных причин, ее обязательно берет кто-то другой и пользуется по своему усмотрению, как правило, в антигосударственных интересах.

Литература

1. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. - М., 2003, С. 9-10
2. *Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект/ Под ред. А.И. Шаповалова.* -Армавир: Издательство АГПИ, 2002. -С.43
3. *Матвеев В.А.* «Смотря по желанию...». Неучтённые детали трагедии// Родина, 2000, № 1-2. -С. 145
4. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска.–М., 1999, С. 150

6. *Дугин А.* Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007, С. 57
7. Актуальные проблемы всеобщей истории. «Кавказ в геополитике великих держав». Каф. сб. №1. - Махачкала, 2000
8. Военно-политическая обстановка в зоне Южного Федерального округа России // Журнал теории и практики евразийства. -2000. - №12. - С. 24-58.
9. Геополитика современности и геостратегия России. - М: Росспен, 1996.
10. Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей / Северокавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В.В. Черноус. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.

Гугулян Ашот Дживанович,

Студент,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ 2020: ОТГОЛОСКИ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ДОКТРИНЫ ПАНТЮРКИЗМА

Пантюркизм – это идеология, по которой все тюркские народы должны жить вместе и иметь общие границы, политическую общность, однородность в культурном отношении. Основной целью пантюркизма является создание некой империи, под названием “Великий Туран”. Она должна простираться от Европы до Алтая и объединять все без исключения тюркские народы. Изначально же «Тураном» в среднеиранской литературе называлась страна, расположенная к северо-востоку от Ирана и населённая кочевыми иранскими племенами, однако уже в средние века топоним приобрёл современное значение. А учитывая, что достаточная часть проживала на территории Российской империи, главным средством для достижения этой цели стало её ослабление и постепенное разрушение. Были времена, когда турецкие шпионы сознательно расшатывали образ жизни российских мусульман и превращали некоторых из них в фанатиков-сепаратистов [14].

В 1911 году в Стамбуле была издана газета-листочка «Тюрк юрду» («Турецкая Родина»). Основные принципы были сформулированы социологом Зия Гекальпом. Он отошел от принципов исламизма и сформулировал националистические принципы. Основным был принцип "одна страна – один народ". То есть в Турции все должны быть турками, а так как уже был принят тезис Измаила Гаспринского о том, что все тюрки это по сути один народ, то следовал и логический вывод, что все они должны быть объединены в единое государство, а все национальные меньшинства или ассимилированы или изгнаны. В то же самое время, видные турецкие авторы, в том числе и Халиде Эдиб Адывар, стали авторами романа «Ени Туран» (1912; «Новый Туран»), где в героической форме прославлялось прошлое и будущее тюркской расы. Символом тюркской расы стала волчица (Боз Гурд, Bozkurt), обозначенная как мать нации, и перед которой поклонялись тюрки перед принятием Ислама. Так в пантюркизме появилась политическая составляющая, которая как раз и настораживает все соседние державы. Пантюркистские настроения обострились во время Первой мировой войны. Младотурецкий триумvirат, состоящий из Талаат-Паши, Энвер-Паши и Джемаль-Паши в своих секретных телеграммах приняли решение об уничтожении и изгнании малых народов: армян, понтийских греков, ассирийцев, езидов и русских молокан.

Теперь же, на наших глазах выстраивается новая конфигурация расстановки сил на Южном Кавказе. И след турецкой внешней политики виден достаточно отчетливо. Новый толчок пантюркизму дал распад СССР, в состав которого и входили большинство тюркских народов. И если до этого Турция была единственным тюркским государством, то в 1991 году появилось еще пять - Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Азербайджан и Туркмения, что дало возможность свободно вести на их территории турецкие культурные и идеологические проекты, что Советская власть категорически пресекала. К тому же свободней стало с такой деятельностью и в среде тюркских народов оставшихся в составе России.

Турция и Азербайджан

Пожалуй, самым ярким примером наращивания турецкого контингента является Азербайджан. Турция публично выступала с поддержкой Азербайджана в Нагорно-Карабахском конфликте. И дело не только в

том, что турецкий народ хочет помочь своим братьям по крови. Географическое расположение Азербайджана очень важно для успешного осуществления внешней политики Турции. Во-первых, это плацдарм для развития как военных, так и культурных связей со странами Средней Азии, во-вторых, это постройка новой инфраструктуры, для поставки энергоносителей Азербайджана, через Турцию в Европу, это прямая выгода британским добывающим компаниям, например, British Petroleum, которые уже не одно десятилетие осуществляют там свою работу.

Кроме того, журналист-расследователь газеты New York Times Кристиан Триберт опубликовал в Twitter спутниковое изображение от 3 октября, на котором, по его словам, видно, что на территории аэропорта в азербайджанской Гяндже размещены как минимум два истребителя F-16.

Газета “Коммерсант” также разместила [10] схему расположения военных баз на территории Азербайджана, ключевой зоной является Нахичеванская автономная республика, где проходит турецко-азербайджанская граница. Другим важным фактором являются турецкие “прокси” в виде запрещённых в России террористических организаций, которые принимали участие в прошедшей войне на стороне Азербайджанских военных сил, это подтвердил директор Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин [15].

А сбитие вертолётa ВС России на территории Армении с территории Нахичеванской автономной республики и вообще можно считать за попытку втягивания России в открытый конфликт, крушение российского Ми-24 перекалифицировали на часть два статьи сто пять «Умышленное убийство двух или более лиц» [17].

В сеть Интернет также попало изображение шеврона, на котором отмечены три точки – военные базы Турции, которые будут построены в будущем.

Начиная с июля 2020 года, когда были локальные столкновения Азербайджана с Арменией, в Баку собралось достаточно большое шествие с лозунгом “русские, персы и армяне – враги”, а после заключения трёхстороннего соглашения о прекращении огня в Нагорном Карабахе, также звучали лозунги о выводе миротворческих войск. Всё это отдельные части пантюркистских настроений, которые навязываются извне.

Турция и Украина

Хоть Украина и не входит в предполагаемый проект “Турана”, украинская и турецкая стороны имеют несколько точек соприкосновения и все они связаны с Россией. В частности, с помощью турецких Байракатар ТБ2 Украина хочет продвинуться в военном плане на Донбассе, подыскивая территорию для размещения производства летательных аппаратов, и приглашая турецких советников [16]. Фактор крымских татар достаточно давно является желанным объектом внешней политики Турции.

Татарские организации Крыма, действующие на Украине, и различные деятели считают, что только Турция может стать державой “регионального баланса” в северном бассейне Черного моря. Как сообщает «Арменпресс» со ссылкой на публикацию турецкого агентства “Анадолу”, председатель Меджлиса крымско-татарского народа (UTM) Рефат Чубаров и депутат Национального собрания Украины Руستم Умеров придают важность турецко-украинским отношениям и роли Турции в Крыму. Правительство Украины поддерживает создание международной площадки в Крыму, куда оно перенесёт обсуждение крымского вопроса.

Выводы

Подводя итог стоит ещё раз обозначить, что внешняя политика Турции во многом подражает своему Османскому прошлому, это отражается в действиях как в Сирии, так и в Ливии, а в 2020 году добавился и Южный Кавказ, который был, есть и будет сферой интересов России. Из наиболее существенных форм постепенного окутывания соседних государств и народов Турцией, стоит выделить:

1. Образование армии турана с участием стран Средней Азии, в которых происходит обучение турецких солдат [19]
2. Совет тюркских государств, как пример создания площадки для развития всестороннего сотрудничества, в том числе и военного [20]
3. Использование мягкой силы. Например, в Пакистане – для получения информации и ресурсов в развитии ядерной энергетике [20]

Литература

1. *Аватков В.А.* Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // *Мировая политика*. – 2019. – №. 4.
2. *Васильева С.А.* Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // *Социум и власть*. – 2011. – №. 3.
3. *Сваранц А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. – *Akademiia gumanitarnykh issledovaniï*, 2002.
4. *КАРЯКИН В.* Пантюркизм как цивилизационный проект современной Турции // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2020. – Т. 23. – №. 3. – С. 33-39.
5. *Надеин-Раевский В.А.* Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. – М.: Издательство “Русская панорама”, 2017 – 316 с.
6. *Шкура Н.В.* Пантюркизм, пантуранизм, «неоосманизм» и экономические интересы России и Турции // *Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена*. – 2014. – №. 165.
7. <https://newsland.com/community/8521/content/turtsiia-vedet-peregovory-s-pakistanom-o-sozdanii-iadernogo-oruzhiia-smi/7303930>
8. <https://infoteka24.ru/2020/10/28/73521/>
9. <https://zen.yandex.ru/media/resparm/turciia-posredstvom-tatar-sama-sebia-priglashaet-v-krym-5fa3cfb5b1fbcf2e23f2d723>
10. <https://www.kommersant.ru/doc/3918454>
11. <https://www.business-gazeta.ru/news/381865>
12. <https://www.youtube.com/watch?v=DjtUaDAT0yk&feature=youtu.be>
13. <https://rusvesna.su/news/1604766142>
14. <https://www.youtube.com/watch?v=eZRCP9o-zuU>
15. <https://ria.ru/20201006/naryshkin-1578477893.html>
16. <https://svpressa.ru/war21/article/288253/>
17. <https://lenta.ru/news/2021/01/04/vertolet/>
18. <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/01/armia-velikogo-turana-realnost-zavtrashnego-dnya-52169.html>
19. https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml
20. https://ru.qaz.wiki/wiki/Turkic_Council
21. <https://zvezdaweekly.ru/news/20211111055-dl094.html>

Зарбалиев Вадим Загиддинович,

аспирант,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРА

Характер двусторонних отношений в определенной степени зависит от содержания и количества межправительственных документов. Договор об основах современных отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 1992 года [1] представляет собой правовую базу отношений между государствами. Согласно сформулированным принципам данного документа, «Российская Федерация и Турецкая Республика рассматривают друг друга как дружественные государства и строят отношения между собой на основе добрососедства, сотрудничества и взаимного доверия». Изначально были согласованы временные рамки действия договорных обязательств, они составляли 20 лет. В то же время, предусматривается автоматическое продление договора каждый раз на очередные пятилетние периоды, при условии, что ни одна из Сторон не проинформирует другую Сторону в письменном виде за один год до истечения согласованного срока о собственном намерении прекратить его функционирование.

К важным межправительственным документам следует отнести также «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о создании Смешанной межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству от 1992 года» [2]. Также стоит отметить о Международном соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма от 24 марта 1995 года [3].

В начале XXI века количество договоров между РФ и Турцией значительно расширилось. Основу составляют документы об экономиче-

ском, энергетическом, гуманитарном и военно-техническом сотрудничестве. Все вышеназванные документы указывают на заметное расширение и углубление двустороннего сотрудничества между нашими государствами.

Отношения России и Турции кардинально испортились вследствие уничтожения ВВС Турции российского военного самолета в воздушном пространстве Сирии 24 ноября 2015 года. Семь месяцев двусторонние связи были фактически "заморожены". В июне 2016 года президент Турции в послании президенту Российской Федерации выразил заинтересованность в нормализации отношений и принес извинения в связи с гибелью российского пилота. 29 июня после телефонного разговора между Владимиром Путиным и Реджепом Тайипом Эрдоганом был запущен процесс поэтапного восстановления двусторонних отношений. В развитие достигнутых договоренностей министры иностранных дел двух стран провели 1 июля рабочую встречу в Сочи [4].

В августе 2016 г., когда президент Турции Р. Т. Эрдоган нанес визит в Санкт-Петербург, состоялась первая встреча лидеров государств с момента начала кризиса. Стороны обсудили ключевые вопросы, находящиеся на повестке дня, в том числе и вопрос восстановления двусторонних отношений. По итогам переговоров было объявлено о решимости и стремлении сторон вывести отношения на докризисный уровень, а также было принято решение возобновить реализацию крупнейших совместных экономических проектов – газопровода «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» [5].

Следует отметить, что практически на всех переговорах турецкой стороной поднималась тема антитурецких санкций. Особенно Турцию беспокоили экономические ограничения, в частности, эмбарго на турецкие томаты, однако Россия не торопилась снимать их. В ответ на это Турция отменила беспошлинный ввоз в страну российской пшеницы — крупнейшей статьи экспорта России в Турцию, фактически сделав данные поставки невыгодными и невозможными для российской стороны [5].

На встрече двух президентов в Сочи в мае 2017 г. Турция добилась отмены санкций в отношении всех товаров, кроме томатов, и, в свою очередь, отменила введенные ранее пошлины на пшеницу. Ограничения на

томаты снимались российской стороной постепенно, и окончательно были отменены только годом позже — в мае 2018 г [5].

В настоящее время страны активно реализуют совместные проекты. Так, в 2018 г. завершилось строительство морской части «Турецкого потока». В 2019 году завершено строительство приёмного терминала и сухопутного участка на территории Турции. 1 января 2021 года был запущен в эксплуатацию Балканский поток, являющийся продолжением «Турецкого потока», для Болгарии и Сербии. Также в апреле 2018 года президентами государств был дан старт строительству атомной электростанции «Аккую», первый энергоблок которой планируется запустить уже к 2023 г. – столетию Турецкой Республики. Не менее важным стало укрепление военно-технического партнерства Турции и России. Как известно, стороны подписали контракт на поставки российских зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф», несовместимых с комплексами НАТО [5].

Турция, вероятно, убедилась в том, что Россия на протяжении всей истории двусторонних отношений являлась одним из тех немногих союзников, которые были готовы учитывать не только свои собственные интересы, но и интересы партнеров, чего нельзя было сказать о Западе во главе с США. Именно по этой причине потепление двусторонних отношений Москвы и Анкары сопровождалось активным взаимодействием по ключевым внешнеполитическим вопросам [5].

Современные преобразования в раскладе геополитических сил связаны с развитием Китая и Индии, которые обладают самыми большими демографическими ресурсами и входят в семерку самых крупных стран мира по площади. Эти государства поэтапно достигают высоких результатов в экономической и военно-политической сферах, при этом обладают ядерным оружием.

Особое место в изменении расклада сил в мировой геополитике занимает возвышение России, имеющая ощутимые ресурсы для поддержания за собой статуса великой державы. Более того, по количеству ядерных боеголовок Россия и США занимают лидирующие позиции и между ними существует ядерный паритет.

По всей видимости, объединения регионального уровня, создающиеся на базе экономических интересов, не будут представлять из себя за-

мкнутые блоки. Такому процессу станет оказывать препятствие увеличивающаяся экономическая взаимозависимость разных регионов мира, соображения привлечения зарубежного капитала и т. д. Иначе говоря, главным путем усовершенствования нынешнего мира является глобализация и интернационализация. Становление полицентрической системы, в которой присутствуют государственные и негосударственные акторы в значительной степени уменьшило вероятность сохранения или продвижения одного государства в роли единоличного гегемона на международной арене.

Литература

1. Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901926138> (дата обращения 05.03.2021).

2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о создании Смешанной межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901912708> (дата обращения 05.03.2021).

3. Международное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/902042717> (дата обращения 05.03.2021).

4. Межгосударственные отношения России и Турции // РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200108/1562874724.html> (дата обращения 05.04.2021).

5. *Аватков В.А.* Внешняя политика Турции. 2002-2018: учебное пособие для вузов / В.А. Аватков. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 145 с. – (Высшее образование). Текст: непосредственный.

Кочергин Максим Константинович,
студент 3-го курса,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

РОЛЬ ТУРЦИИ В НАГОРНО-КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Ситуация в Нагорном Карабахе стала одним из первых конфликтов на постсоветском пространстве. За тридцать лет он превратился в долговременный международный конфликт с весьма туманными перспективами. С распадом СССР два новых независимых государства Армения и Азербайджан оказались вовлечены в военно-политическое противостояние. Помимо этих двух государств, в конфликте косвенно принимают участие еще несколько крупных геополитических игроков. Одним из таких игроков является Турция, так как одна из ее основных целей – расширение влияния на «Большом Кавказе» и в Азии.

Одной из сторон в Нагорно-Карабахском конфликте является Азербайджан, на стороне которого как раз и находится Турция по принципу «два государства – одна нация», что в очередной раз указывает на историю взаимоотношений этих двух народов. Не стоит недооценивать особо важный момент. На сегодняшний день Турция старается воплотить в жизнь давнюю идею – возрождение сильного турецкого государства на основе неоосманизма и неопантюркизма [1]. Помимо этого, Турция считает исключительно себя лидером «тюркского» мира и стремится к расширению своего влияния и территорий. Однако Турции по-прежнему не хватает политических и экономических ресурсов для реализации столь амбициозного геополитического проекта.

«Карабахский вопрос» в векторе внешней политики Турции играет ключевую роль. Об этом свидетельствует следующий факт. Провозгласив безоговорочное освобождение Армении от «оккупированного Нагорного Карабаха», Турция готова зайти достаточно далеко в отношениях с Евросоюзом и НАТО – своими недавними партнерами. Оставаясь членом НАТО и «неприемлемым членом ЕС», Турция намерена следовать своей собственной геополитической линии независимо от интересов своих

партнеров и необходимости согласовывать с ними свои следующие шаги. Турция начинает позиционировать себя как независимый игрок на Кавказе, не нуждающийся в чьих-либо рекомендациях.

Несомненно, влияние Турции на Кавказе постоянно растет. Близкая «дружба» Реджепа Эрдогана и Ильхама Алиева дает заметные плоды. На ловах, сотрудничество Анкары и Баку не выходит за пределы политической поддержки и совместных учений (последние прошли в июле-августе 2020 года). Но на деле, участие Турции в делах Азербайджана оказывается существенно более серьезным. Как передает издание "Коммерсант", ссылаясь на свои военно-дипломатические источники, по завершении очередных учений на территории Азербайджана якобы осталась значительная группировка вооруженных сил Турции, которая и была призвана сыграть координирующую и направляющую роль в планировании и проведении наступательной операции в Нагорном Карабахе.

Известно, что около 600 военнослужащих [5] были рассредоточены по различным военным базам Азербайджана, из которых 250 человек – это тактическая группа и инструкторы, в Нахичевани, 90 военных советников в Баку, 20 человек там же, на военно-морской базе и в военном училище имени Гейдара Алиева; 120 человек летно-технического состава на авиабазе Габала; операторы беспилотников на аэродроме Далляр, инструкторы на аэродроме Евлах и в 4-м армейском корпусе, который расквартирован в районе села Пирекешкюль. Теоретически, все эти люди были размещены в Азербайджане в конце августа 2020, за месяц до начала обострения ситуации в Нагорном Карабахе. Помимо этого, Турция поставляла в Азербайджан военную технику, оружие и не только.

Турция усиленно стимулировала развитие Нагорно-Карабахского конфликта. Ей это нужно не только ради помощи Азербайджану, но и для того чтобы «бросить вызов» России, оспорить ее контроль на Кавказе. Но тем не менее, Турция делает это осторожно, ведь у страны есть острая нужда в сохранении сотрудничества между Анкарой и Москвой, которое, несмотря на некоторые расхождения в недавнем прошлом, все-таки хорошо наладилось по Сирии, Ливии и другим вопросам.

Конечно, Турция всегда играла важную роль в карабахском конфликте. Продажа оружия Баку, обучение азербайджанских военных и постоянная дипломатическая поддержка - все это продолжается уже много

лет. Но на этот раз амбиции Эрдогана идут еще дальше - он прямо заявляет, что хочет сломать старое и установить новую норму присутствия Турции в регионе *sahada ve masada* («как на поле, так и за столом») [3].

Исходя из последних событий, можно сделать вывод о том, что Турции все же удалось достичь свои геополитические цели в Карабахе. Несмотря на то, что Россия пытается не допустить расширения турецкого влияния, Турция сумела закрепиться в данном регионе, о чем свидетельствует ее активное участие в рамках переговорного процесса.

По мнению турецкого политолога Керима Хаса, Анкара пытается увеличить свою роль в Закавказье и добиться того, чтобы Россия вела диалог напрямую с ней, как это происходит в Сирии или Ливии. Азербайджан, несмотря на тесное взаимодействие с Анкарой, пока не идет на поводу у этого сценария и реализует независимую политику.

Литература

1. *Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А.* Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // OF HUMANITARIAN EDUCATION. – 2020. – №. 3. – С. 72.

2. *Маркедонов С.М.* Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. №2.

3. *Маслакова-Клауберг Н. И., Садыкова Э.Л.* Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2020. – Т. 11. – №. 3. – С. 51-57.

4. *Шахназарян Н.Р.* Фактор «Карабах»: диспозиции России и других международных игроков.

5. *Попов М.* «Роль Турции в конфликте между Азербайджаном и Арменией» <https://www.vesti.ru/article/2473413>

Майдибор Ольга Александровна,
Студент 3-го курса,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИРАНА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Кавказский регион является уникальным геополитическим и этно-географическим анклавом. Именно эти обстоятельства влияют на его конфликтный потенциал и на распределение в нем силовых центров. Историческая особенность разделения Кавказа на Северный и Южный определила и формы взаимодействия внутри этого региона, и его место в отношениях внешних сил.

После прихода к власти в Исламской Республике Иран Махмуда Ахмадинежада в 2005 г., геополитические процессы внутри страны резко изменились: некоторые исследователи считают, что до Ахмадинежада правительство Ирана достаточно невнятно отстаивало национальные интересы страны на мировой политической арене. Иран во главе с М. Ахмадинежадом начал активно осуществлять свои представления о национальных интересах в международных отношениях, при нем получила дополнительный импульс «ядерная программа» по освоению энергии «мирного атома», началась активная политика в нефтяном бизнесе и в газовой сфере [1].

Однако полностью утверждать о том, что до президентства Ахмадинежада страна не вела активной внешней политики, все же не представляется возможным. Ведь после распада СССР Исламская Республика Иран (ИРИ) была одной из первых стран, которые признали государственную независимость новых государств на постсоветском пространстве (Азербайджан, Армения, Грузия). Хотя в тот период ИРИ рассматривала данные страны не в качестве открытия для себя новых возможностей и перспектив, а скорее как угрозу собственной безопасности.

Позиции Ирана в регионе в 1995-2000 гг. существенным образом не укрепились. Следует отметить, что Тегеран особенно и не пытался акти-

визировать отношения с центрально-азиатскими государствами. Серьезным ограничителем при этом оставалась проводимая США в отношении Ирана политика его международной изоляции [4].

Столкнувшись с решимостью США не допустить широкомасштабного политического и экономического проникновения Ирана в Центральную Азию, ИРИ проводила в этом направлении довольно осторожную политику. В рамках контактов с центрально-азиатскими республиками Тегеран не преследовал цели подорвать устои правивших режимов или экспортировать сюда идеи исламской революции [3].

В период с 2000 по 2004 г. Исламская Республика больше занята решением своих внутренних проблем. Интересы этого государства приобретают все более сегментарный характер, оно все меньше и меньше проявляет масштабные амбиции в отношении Центральной Азии.

На сегодняшний же день ИРИ является одним из активных игроков как в Центральной Азии, так и на Каспии и Кавказе.

Современный Азербайджан является одной из ключевых стран постсоветского пространства на Кавказе. Он не только обладает большими углеводородными ресурсами, но и занимает весьма выгодное положение в отношении транспортировки нефти и газа с территории всего Каспийского бассейна в западном направлении. В этой стране заметно влияние ультранационалистических политиков, которые выступают за объединение южных районов Азербайджана и северных провинций Ирана. Очевидно, что попытки реализации этих замыслов возможны только при поддержке их извне, со стороны государств, которые в этом могут быть заинтересованы.

Азербайджан - государство, где, как и в Иране, доминирует шиитское исламское вероучение (хотя соотношение шиитской и суннитской части населения в Азербайджане постепенно меняется). Тем не менее партнерство Баку с США, Турцией (многовековым оппонентом Персии, а затем и Ирана на Кавказе и Ближнем Востоке) и Израилем заставляет Тегеран отложить в сторону идеи регионального сотрудничества. Отношения между Азербайджаном и Ираном на рубеже XX-XXI столетий отличались высокой степенью конфликтности. Азербайджанские лидеры регулярно критиковали Иран за поддержку радикальных исламистов в

Азербайджане и попытки заменить светскую модель власти в этом государстве Южного Кавказа на исламское государство.

Другой «болевым точкой» во взаимоотношениях постсоветского Азербайджана и Исламской Республики Иран является проблема Южного (Иранского) Азербайджана. Сегодня на территории Ирана проживают, по разным оценкам, от 25 до 35 млн. этнических азербайджанцев («азербайджанских тюрок»), что составляет более трети населения всего Ирана. Азербайджанское население Ирана в три раза превышает численность населения самой Азербайджанской Республики. Третья проблема - вопрос о статусе Каспийского моря. По словам известного бакинского политолога Арифа Юнусова, «в июле 2001-го обе страны едва не оказались на грани войны: иранские истребители и морские корабли регулярно препятствовали разработкам нефтяных месторождений вблизи границы» [2].

Следующее государство постсоветского пространства, которое необходимо рассмотреть в рамках нашего анализа, - Армения. На сегодняшний день современные геополитические процессы в вышеупомянутой республике сложны и многогранны. Так же как и Грузия, политическая элита Армении все больше и больше тяготеет к Западу, однако внешнеполитический «крен» в эту сторону сейчас еще мало заметен. Армения на данный момент больше сотрудничает с Ближним Востоком, с Исламской Республикой Иран: не так давно был открыт газопровод Армения-Иран, с появлением которого Армения обеспечила себя природным газом на 20 лет вперед взамен на энергоносители. Конструктивный диалог между Российской Федерацией и Арменией подвергается воздействию ряда негативных факторов, что вызывает опасения о том, что Россия в своем региональном внешнеполитическом курсе может потерять эту страну.

Наибольшей интенсивностью в постсоветский период отличались армяно-иранские отношения, причем религиозный фактор не играл определяющей роли. Иран объективно является важным фактором вывода Армении из геополитической изоляции.

Грузия, несмотря на все антиамериканские выступления Махмуда Ахмадинежада и, напротив, последовательную проамериканскую риторику президента М. Саакашвили, не ушла из поля зрения Тегерана полностью. Действительно, по сравнению с Арменией и Азербайджаном

контакты между Грузией и Ираном в 2005-2010 гг. были минимальны. И тем не менее во время топливного кризиса, возникшего в Грузии в феврале 2006 г., Иран оказал этой кавказской республике определенную помощь. Более активно контакты между Тбилиси и Тегераном стали развиваться на рубеже 2010-2011 гг., что связано, в частности, с заключением соглашения о безвизовом режиме и достижением ряда иных договоренностей.

Сегодня можно определить следующие иранские приоритеты на Большом Кавказе.

Во-первых, Тегеран крайне болезненно относится к появлению по соседству тех или иных внешних игроков.

Иран не заинтересован в разрешении конфликта в Карабахе, при котором предполагалось бы введение в регион международных миротворческих сил. По мнению представителей Тегерана, в регионе должны присутствовать лишь региональные силы – Армения, Азербайджан, Грузия, Россия, Иран и Турция. При этом необходимо отметить, что РФ и Турцию в Тегеране воспринимают как партнеров и конкурентов одновременно [6].

Особенно болезненно Тегеран реагирует на проникновение на Кавказ Израиля. Здесь показательна реакция иранского истеблишмента на визит в Баку президента еврейского государства Шимона Переса. Как только в мае 2009 г. весть об этом достигла иранской столицы, начальник Генштаба Хасан Фирузабади заявил, что визит Переса создаст проблемы во взаимоотношениях Ирана и Азербайджана и что необходимо закрыть посольство Израиля в Баку. В начале апреля 2010 г. в парламент Ирана был представлен специальный доклад о проникновении Израиля в страны Южного Кавказа [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что Южном Кавказе Тегеран выступает сторонником сохранения (там, где это возможно) статус-кво. Резкие движения (такие, как поддержка этнополитического самоопределения, изменение межгосударственных границ) иранские власти не приветствуют. И если в своем стремлении «держать и не пущать» внешних игроков политика Тегерана нацелена против США, Израиля и ЕС, то в действиях по «заморозке» всего, что можно заморозить, иранские власти иной раз выступают оппонентами Москвы.

Литература

1. *Дехгани-Фирузабади, С.Д.* Внешняя политика Исламской Республики Иран [Текст] / С. Д. Дехгани-Фирузабади — Тегеран, 2009/2010.- 1388с.
2. *Драганов А.А.* Иран как региональный геополитический игрок // Современный Кавказ: геополитический выбор: сборник научных статей. - М.; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. - С. 242-247.
3. *Евсеев В.* Американо-иранские отношения в контексте региональной безопасности // Кавказ и глобализация. – 2012. – С. 75-87.
4. *Зоуки И.* Факторы, воздействующие на внешнюю политику Ирана // История внешней политики. Ежеквартальный журнал. — Тегеран: Центр документации и истории дипломатии МИД ИРИ. — 2000. — № 1.— С. 99—110.
5. *Умнов А.* Иран в современной мировой политике // Россия и мусульманский мир. – 2013. – С. 103-112.
6. *Сулейманов А.* Политика Турции и Ирана в Закавказье: сопоставительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. – С. 53–61.

Марченко Глеб Сергеевич,

студент 3 курса,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА КАВКАЗСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Северный Кавказ характеризуется как один из самых проблемных и противоречивых регионов России на протяжении всей ее истории. Эта территория является нестабильной по многим показателям: политическим, экономическим, социальным, этноконфессиональным, и что важно при этом подчеркнуть, в это же время Северный Кавказ выступает как один из ключевых объектов в обеспечении национальной безопасности нашей страны.

Эта прекрасная древняя земля переплетена не только со многообразными культурами, этносами, языками, но и со множеством других

стран, а именно: странами Южного Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Все противоречия, войны и социальные потрясения обязательно найдут свой отклик на Северном Кавказе, этот немаловажный факт стоит учитывать России и ее политикам, стремящимся обеспечить стабильность не только на Юге страны, но и по всей России в целом.

Ключевым событием, приведшим к серьезнейшим изменениям для России на Кавказе, стал распад СССР. Крушение биполярной системы мира, распад социалистического блока и независимость бывших советских республик сделали Кавказ настоящим краеугольным камнем России. Теперь это наша пограничная территория, где сталкиваются интересы и стремления множества стран, в том числе и западных [3]. Трансформация государственных границ и возрастание числа стран-соседей создают новые угрозы безопасности. Безвизовые мигранты из стран СНГ на законных основаниях пересекают границы Российской Федерации, избегая регистрации и пополняя затем ряды незаконных мигрантов. Иммиграционный поток в Россию постоянно растет, составляя десятки миллионов въезжающих по различным причинам, включая и криминальные. Весьма серьезными остаются угрозы, связанные с международным терроризмом, трансграничной организованной преступностью и нелегальной миграцией. Эти явления в наибольшей степени характерны как раз для пограничного пространства Северо-Кавказского федерального округа. Большой экономический ущерб России наносят противоправные действия отечественных и иностранных криминальных групп, которые специализируются на браконьерстве и расхищении морских биологических ресурсов [1].

Еще одним плачевным последствием распада СССР для Кавказа стало возрождение дремавших до сих пор этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов, которые начали проявляться в наиболее запутанной форме, чреватой далеко идущими, трудно прогнозируемыми негативными последствиями для всех народов. В данном случае специфика Кавказа состоит в том, что он на долгое время превратился в настоящую зону нестабильности и угрозу национальной безопасности России. Этнические противоречия, обострившиеся после распада СССР служат сильнейшим катализатором для

появления новых конфликтов и обострения существующих. Об этом свидетельствуют две чеченские войны, а также агрессия Грузии против Южной Осетии в 2008 г. [1]. Можно напрямую утверждать, что Кавказ выступает в качестве источника таких процессов и событий внутри- и внешнеполитического характера, которые в свою очередь создают прямую угрозу национальным интересам и безопасности в целом России, и в особенности – народов самого Северного Кавказа. Подобные неурегулированные конфликты в дальнейшей перспективе становятся инкубаторами, рождающих террористов и боевиков, которые больше не знают иного вида деятельности кроме грабежа, разбоя, бандитизма и терроризма и являются прямыми источниками угрозы национальной безопасности [1].

Дополнительно к этому стоит отметить то, что через территорию Северного Кавказа проходят маршруты вывоза газа и нефти на мировой рынок. Этим объясняется тот факт, что Северный Кавказ и Кавказский регион в целом превратились в зону острого соперничества и стратегического противоборства мировых держав и региональных государств, которые предпринимают попытки ослабления России, в первую очередь на Кавказе. В условиях выдвижения на передний план мировой политики проблем, связанных с обеспечением экономики энергетическими ресурсами и обострением соперничества и борьбы между ведущими державами за право контролировать углеводородные месторождения и трубопроводы. Северный Кавказ играет ключевую роль как форпост обеспечения национальной безопасности и защиты национальных России в обширном Кавказско-Каспийском и Ближне-Средне-Восточном регионах. Он важен для России с точки зрения доступа к важнейшим транспортным коммуникациям и выхода на Средний и Ближний Восток, обеспечения устойчивых связей через Черное Каспийское моря с остальным миром [1]. Несмотря на имеющиеся успехи правительству России предстоит еще немало работы для обеспечения безопасности на кавказских рубежах. Религиозного экстремизма, терроризм, наркоторговли, этнические и социальные конфликты являются основными проблемами, которые необходимо решить России для полной стабилизации ситуации на Северном Кавказе [2].

Таким образом, Северный Кавказ является важнейшей территорией Российской Федерации, которая имеет определенные географические,

политические, этнические и другие особенности. Данный регион отмечается как весьма уязвимая территория для России где возможно нанести достаточный ущерб нанесению ущерба национально-государственным интересам России. Потеря в этом округе, даже малой части территории может привести к распаду всего Северного Кавказа, а впоследствии и всей России. Поэтому Федеральному центру необходимо проводить выверенную и более взвешенную политику на данной территории с тем, чтобы прекратить вооруженный конфликт, стабилизировать общественно-политическую ситуацию и учитывать интересы субъектов федерации и других участников которые участвуют в политических процессах на Северном Кавказе.

Литература

1. *Эмиров Р.М.* К вопросу о национальной безопасности России на Северном Кавказе // *Власть*. – 2013. – №. 4.
2. *Энеев Д.О.* Интересы Западных стран на Северном Кавказе как угроза национальной безопасности России // *Вестник евразийской науки*. – 2014. – № 3 (22).
3. *Бжезинский З.* Геостратегия для Евразии // *Независимая газета*. – 1997. – Т. 24. – С. 5.

Мындру Максим Петрович,

студент 3-го курса,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В ФОКУСЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Геополитика – направление политической науки, исследующее деятельность государств как главных акторов международных отношений в географическом пространстве, целью которых является реализация национальных интересов.

Географически регион Южный Кавказ, известный как Закавказье среди отечественных исследователей, располагается на границе Восточной Европы и Юго-Западной Азии, южнее Главного хребта Большого Кавказа. На севере регион граничит с Северным Кавказом, входящим в состав Российской Федерации, на юге — с Турцией и Ираном, а морские границы Южного Кавказа проходят по Чёрному и Каспийскому морям [1]. Регион является стратегически важным транспортным узлом, местом пересечения коммуникаций и торговых путей с Востока на Запад (древний Шёлковый путь) и с Юга на Север. Во времена советской эпохи в рассматриваемом регионе были довольно хорошо развиты автомобильные и железные дороги, морские порты, промышленность, добыча нефти, минералов, руд, судоходство, сельское хозяйство и туризм; в настоящее время государства Южного Кавказа стремятся к восстановлению экономического потенциала и стабильного развития уже в постсоветских условиях.

Важно понимать, что для ЕС Закавказье представляет среду для извлечения экономических выгод и созданию бизнес-климата, привлекательного только для европейских стран. Также лидеры европейских государств связывают с данным регионом перспективы по увеличению нефтедобычи в бассейне Каспийского моря и управлению новыми путями транспортировки в Европу каспийской нефти, что несомненно связано и с политическим влиянием [2]. Для Соединенных Штатов Америки, континентально удаленных от Европы с проблемами её государств, важно поддержание имиджа России как архиврага, угрожающего всей западной цивилизации, и сейчас нельзя поддаваться на блеф американских и европейских политиков о том, что Запад видит большую угрозу в Китае, нежели в России, хоть КНР и стремительно развивается в XXI столетии. Казахстан не собирается размещать у себя формирования НАТО, Крым в результате всенародного референдума вошёл в состав России, в результате чего нестабильный Южнокавказский регион со всеми имеющимися ресурсами видится хорошим плацдармом как для последующей «осады» Ирана и Среднего Востока, так и для размещения НАТО и вооружений непосредственно у границ России, вследствие чего ведется гибридная война за влияние, территорию и полезные ископаемые. Также

важны фактор Ирана, весьма претенциозного и требующего к себе уважения государства, и фактор Турции, регионального соперника как Ирана, так и России, а также амбиции пантюркизма в современном пространстве. Таким образом, обособляется роль Южного Кавказа в фокусе геополитических интересов Российской Федерации.

Важной вехой по реализации геополитических интересов РФ в Закавказье является подписание 15 мая 1992 года Договора о коллективной безопасности в Ташкенте с последующим созданием Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) - региональной международной организации, задачей которой является защита территориально-экономического пространства государств - членов организации совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от действий внешних военно-политических агрессоров, а также в борьбе с терроризмом [3]. Из государств Закавказья, каждое из которых проводит многовекторную внешнюю политику, лишь Армения сохранила свое членство в ОДКБ с самого начала создания организации, что связано с уверенностью армянской стороны в защите территориальной и государственной целостности со стороны России, так как ОДКБ, в отличие даже не от НАТО, а от натовской программы «Партнерство ради мира», нацелено не на защиту интересов сторонних государств, а на обеспечение безопасности непосредственно государств - членов ОДКБ, то есть РФ видится и как надёжный защитник, помимо хорошего экономического партнера.

Другой важный момент связан с Южной Осетией и Абхазией. В 1774 г. Осетия, не разделенная на Северную и Южную, вошла в состав Российской империи, а в 1843 г. на южной части Осетии в составе Тифлисской губернии был образован Осетинский округ. После распада Российской империи в 1917 г. вышедшей из её состава Грузия была предпринята попытка аннексировать территорию Южной Осетии, что повлекло за собой волну выступлений протеста осетинского народа [4]. После установления в Грузии Советской власти и в результате создания Юго-Осетинской автономной области был разделен осетинский народ, который оказался в двух республиках - РСФСР и Грузинской ССР. 9 марта 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР принял постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии», в котором при-

знал, что ввод войск Советской Россией в Грузию в феврале 1921 г. являлся оккупацией, объявил незаконными и недействительными Союзный рабоче-крестьянский договор между ГССР и РСФСР от 21 мая 1921 г. и Союзный договор об образовании Закавказской СФСР от 12 марта 1922 г. 20 июня 1990 г. Верховный Совет внес дополнения в названное постановление и объявил недействительными все акты, упразднявшие политические и другие институты меньшевистской Демократической Республики Грузия. Отменив действие всех законодательных актов после 1921 г., Грузия фактически аннулировала декрет Всегрузинского ЦИК и СНК Грузии от 20 апреля 1922 г. об образовании автономной области Юго-Осетии и Закон Грузинской ССР от 12 ноября 1980 г. «О Юго-Осетинской АО». Верховный совет Грузии разрушил четкую правовую базу статуса Южной Осетии, признав незаконными все законодательные акты после февраля 1921 г. Вооружённый конфликт в Южной Осетии 2008 г. забрал множество невинных жизней и стал «точкой невозврата» в отношениях между Грузией и Южной Осетией. В это же время произошла эскалация конфликта между Абхазией и Грузией, а также последовал разрыв дипломатических отношений между Россией и Грузией.

Доктрина международного права различает конститутивную и декларативную теории признания государств. Конститутивная теория: международная правосубъектность государства зависит от его признания другими государствами, для осуществления международной правосубъектности достаточно признания хотя бы одного субъекта международных отношений. Согласно декларативной теории, новое государство обретает правосубъектность в силу самого факта своего существования. С учетом особенностей международного права и косовского прецедента последовало признание Россией Южной Осетии и Абхазии как независимых суверенных государств. Осенью 2008 года были подписаны и ратифицированы договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи РФ с Абхазией и Южной Осетией. 5 марта 2015 года вступил в силу договор между Республикой Абхазия и Российской Федерации о союзничестве и стратегическом партнерстве. А уже 18 марта 2015 года Россией и Южной Осетией был подписан Договор о союзничестве и интеграции. С учётом изначальной при распаде СССР антироссийской риторике со стороны Грузии, воздействия «сил вне региона», России было важно сохранить

позиции в Закавказье. Вопреки всему, Грузии немаловажны экономические отношения с Россией, но ещё более важна незыблемая позиция России по отношению к Южной Осетии и Абхазии, а также воссоединение разделенного осетинского народа и укрепление российского культурного (цивилизационного) кода.

Несмотря на многовекторность внешней политики Азербайджана, с данным государством у России установлены предсказуемые партнерские отношения. В июне 2019 года Азербайджан впервые принял участие в международном военно-техническом форуме "Армия-2019". На полях форума Россия и Азербайджан подписали меморандум о сотрудничестве в военно-промышленной сфере. Кроме того, Азербайджан поддерживает межрегиональные связи с 78 субъектами Российской Федерации.

Вторая Карабахская война, произошедшая в 2020 году, охарактеризовалась, с одной стороны, отрезвлением армянских властей относительно перспектив сотрудничества со своими западными партнерами, осмыслением обратной стороны медали ведения недостоверной информационной деятельности, когда армянские СМИ сообщали о череде побед, итогом которых стало разгромное поражение, а также пониманием того, что Россия выполнит возложенные по ОДКБ обязательства при непосредственной угрозе суверенитету самой Республики Армения. С другой стороны, Азербайджан, окрыленный победами, поддержкой Турции и дискредитацией властей и СМИ Армении, вернул занятые Арменией «для обеспечения безопасности Карабаха» во время войны в 1990-е азербайджанские районы, не принадлежавшие советской Нагорно-Карабахской области, но вместе с тем Азербайджан взвешенно оценил ситуацию и не пошёл на возможную конфронтацию с Россией.

10 ноября было опубликовано совместное заявление Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева, Премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна и Президента Российской Федерации Владимира Путина о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта. 11 января 2021 года в Москве прошли переговоры между лидерами трёх государств, важным результатом которых стала договоренность относительно развития транспортных коммуникаций. Ведь после более чем 30 лет Азербайджан посредством транспортных коммуникаций через территорию Армении

сможет иметь сообщение с Нахичеванской автономной республикой, в то время как Армения сможет через территорию Азербайджана иметь железнодорожные выходы на Россию, Иран и Турцию [5].

Посреднические действия Российской Федерации, когда наше государство выступило медиатором в конфликте между Азербайджаном и Арменией по поводу Нагорного Карабаха, указывают на то, что Россия своевременно и соответствующе оценила европейскую политику соседства на Южном Кавказе, политику США и Турции, будет твердо проявлять свою политическую волю относительно национальных интересов и не допустит развития угроз национальной безопасности. И это при наличии того факта, что Россия способствует развитию экономического потенциала заинтересованных в честном и продуктивном сотрудничестве государств. Таким образом, посредством проведения активного, но в то же время взвешенного внешнеполитического курса в отношении государств Южного Кавказа и выстраивания оптимальной стратегии Российская Федерация будет усиливать свои позиции в геополитически важном регионе - Закавказье.

Литература

1. Станислав Иванов: роль и значение Южного Кавказа в региональной геополитике и экономике. [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-armenia.info/node/57138> (дата обращения: 21.01.2021).

2. Аккиева С.И. Внедрение европейской интеграции на Южном Кавказе: мнение ЕС и России // Общество: политика, экономика, право. 2019. №11 (76). С. 13-18.

3. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201202/odkb-1587065076.html> (дата обращения: 21.01.2021).

4. Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №1 (68). С. 140-146.

5. «Мы настроены на результат»: Путин, Алиев и Пашинян встретились в Москве. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/11_a_13432358.shtml (дата обращения: 21.01.2021).

6. Какие позиции укрепляет Россия в Закавказье и почему? [Электронный ресурс]. URL: <https://russtrat.ru/reports/3-yanvary-a-2021-1750-2597> (дата обращения: 21.01.2021).

7. *Озен М.А.* Стратегические интересы Запада, России, Турции, Ирана на Южном Кавказе в начале XXI в. // *Мировая политика.* 2018. №3. С. 74-87.

8. *Ханалиев Н.У.* К вопросу о геополитических приоритетах России на Южном Кавказе // *Вопросы политологии.* 2016. № 4 (24). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27633387> (дата обращения: 21.01.2021).

9. *Шабанов М.* Южный Кавказ во внешней политике России. Коммуникативный анализ // *Коммуникология.* 2016. №2. С. 80-86.

Палий Владислав Эдуардович,

студент 3-го курса,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И СОПЕРНИЧЕСТВО НА КАВКАЗЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Российско-турецкие отношения насчитывают более чем пятисотлетнюю историю. Это история не только ожесточенных военных конфликтов за обладание территориями на Балканах, Ближнем Востоке и Кавказе, а также соперничества за политическое влияние в мире. Это также история торговых и культурных отношений, ведь несмотря на более чем десятков войн, Россия и Турция остались партнерами в этих сферах. Они всегда взаимодействовали либо соперничали на обширном географическом пространстве, простирающемся от Черного моря до Центральной Азии и от Персидского залива до Средиземного моря. Но, возможно, именно Кавказ является тем регионом, где более всего сталкиваются интересы двух держав.

В XVI–XVIII вв. исторический предшественник Турецкой республики – Османская империя – вела борьбу за доминирование на Кавказе с Персией, а в XVIII – начале XX вв. – с Российской империей. Значительная часть территорий нынешних стран Южного Кавказа в различные периоды входили в состав именного османского государства. В начале XX

в. отношения России и Турции вышли на новый уровень. Перспектива сотрудничества была намного позитивнее военных столкновений для обеих сторон, имевших горький опыт Первой мировой войны, которая также развернулась и на Кавказе, оставшимся за Россией. В 1920 году Россия стала единственной страной, оказавшей безвозмездную финансовую помощь основателю Турецкой республики Мустафе Кемалю Ататюрку, а дипломатические отношения с советской Россией Турция установила 2 июня 1920 года, с СССР – 23 июля 1923 года.

В течение многих десятилетий после создания современной Турции её элита теперь, по сути, игнорировала кавказское направление. Вдохновленная идеями Кемала Ататюрка о том, что ислам и имперское наследие консервируют отсталость и сдерживают модернизацию страны, она была обращена к Европе и США. В итоге Кавказ был отодвинут на задний план турецкой внешней политики. А в годы Холодной войны Турция была лишь натовским форпостом по отношению к южной части Советского Союза, «вероятного противника» Запада.

Однако распад Советского Союза и уход теперь уже России с Южного Кавказа позволил Турции после долгого исторического перерыва заново начать вести свою собственную внешнюю политику в этом регионе, который связан с ней тесными историческими, этническими, культурными, лингвистическими и религиозными узами. А с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития Анкара уже открыто стала оказывать влияние на этот регион, который относится к «историческому османскому пространству». И в целом российско-турецкие отношения на кавказском направлении за последние четверть века переживали и спады, и подъемы. Были и резкие расхождения во время вооруженной фазы Нагорно-Карабахского конфликта (1991–1994) и в период первой анти-террористической кампании России в Чечне; случались и компромиссы, и признание нового статус-кво на Северном Кавказе в начале 2000-х, а на Южном – после 2008 года, в целом выгодного РФ. Несмотря на то, что относительно статуса Абхазии, Южной Осетии и территориальной целостности Грузии, а также Нагорного Карабаха, Москва и Анкара имели разные взгляды, Турция тогда не вступала в открытую полемику по этим проблемам. Но многое изменилось в конце 2015 года, когда произошел

инцидент с российским бомбардировщиком Су-24М в Сирии. Отношения двух стран были испорчены в одно мгновение, что повлияло и на события на Кавказе.

Уже после инцидента турецкий премьер-министр Ахмет Давутоглу заявил, что «для разрешения конфликта в Нагорном Карабахе и мира в регионе необходимо полностью освободить оккупированные азербайджанские земли» [1]. В свою очередь, в конце 2015 года произошло усиление российского военного присутствия в Армении, а в начале февраля 2016 года был опубликован список поставляемых в эту республику российских вооружений. А уже в апреле, после резкого обострения конфликта в Нагорном Карабахе, президент Эрдоган выразил поддержку Баку и соболезнования в адрес азербайджанских военнослужащих, погибших на линии соприкосновения сторон. Также изменилось мнение Турции относительно Абхазии и Южной Осетии в худшую сторону.

Однако в последующем обе страны смогли преодолеть разногласия. За 2019-2020 гг. многие эксперты отметили тенденцию, что Турция, отходя от прозападной линии во внешней политике, двигается в сторону сотрудничества с Россией. Но несмотря на формирование прочного диалога в сфере военно-технического сотрудничества, существуют старые противоречия. Стремление Турции занять ведущие позиции на Южном Кавказе весьма негативно сказывается на двусторонних отношениях. Речь идет о том, что вооружённый конфликт в Нагорном Карабахе в сентябре — ноябре 2020 года, показал, что обе страны используют совершенно разные инструменты урегулирования. Если Россия выступает миротворцем, стремящимся сохранить мир и баланс между Арменией и Азербайджаном, то Турция открыто оказала военную поддержку последней, во многом благодаря которой ей удалось отбить большую часть Нагорного Карабаха. Из-за этого конфликт мог перерасти в настоящую войну, которая затронула бы все страны региона. Но этого не произошло, благодаря совместному вмешательству Турции и России. Обе страны не могли допустить настоящей войны в этом регионе.

10 ноября 2020 года было опубликовано совместное заявление президента Азербайджанской Республики, премьер-министра Республики Армения и президента Российской Федерации о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта с

00 часов 00 минут по московскому времени 10 ноября 2020 года. Соглашение о мире в Нагорном Карабахе, подписанное Арменией, Азербайджаном и Россией, предусматривает ввод российских миротворцев, вывод армянских сил из прилегающих к Нагорному Карабаху районов и оставления под контролем Азербайджана части территории Нагорного Карабаха, в том числе города Шуша. 11 ноября министры обороны России и Турции Сергей Шойгу и Хулуси Акар подписали меморандум о создании совместного центра по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе. По словам Владимира Путина, Турция будет принимать участие в контроле за соблюдением прекращения огня по просьбе Азербайджана. Что касается миротворческой миссии и возможности участия Турции в миротворческих операциях, то, по словам Путина, это могло бы провоцировать армянскую сторону наличием турецких солдат на линии соприкосновения и президент Турции «это прекрасно понимал и понял». 1 декабря, официальный представитель Минобороны России генерал-майор Игорь Конашенков сообщил, что соответствии с меморандумом, подписанным 11 ноября между министерством обороны РФ и министерством национальной обороны Турецкой Республики, достигнуто соглашение по порядку развертывания и функционирования Совместного российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня и всех военных действий. Центр размещен на территории Азербайджана, количество российского и турецкого персонала в организационной структуре совместного центра равнозначно.

Таким образом, России и Турции благодаря взаимным уступкам удалось добиться мира на Южном Кавказе, предотвратив большую войну между Арменией и Азербайджаном. Многие эксперты отмечают, что обе страны равнозначно укрепили свое влияние в этом регионе, и что тенденция наращивания сотрудничества между ними «не иссякнет еще следующие 4 года» [2]. Важно отметить, что по заявлениям официального Баку, благодаря заключенному соглашению 10 ноября 2020 года, они оценивают итоги событий в Карабахе как «конфликта больше нет» [2]. Также стоит упомянуть, что жесткая позиция Турции по Абхазии и Южной Осетии уже таковой не является, что очень раздосадовало официальный Тбилиси, лишившегося поддержки в борьбе с Россией. А последнее заявление ЕСПЧ, признавшего необоснованными обвинения Грузии в адрес

России по 2008 году, окончательно лишили лица грузинское руководство [3]. Многие эксперты уверены, что всякие попытки Грузии дестабилизировать ситуацию с этими непризнанными республиками полностью исключены.

И как итог, мы имеем полное право говорить о том, что в ближайшем будущем на территории Южного Кавказа будет сохраняться мир и налаживаться взаимное сотрудничество России и Турции.

Литература

1. *Гегелашвили Н.* "Нагорнокарабахский конфликт: кто тестирует на прочность статус-кво" // РБК. - 2016. - 04 апреля;
2. *Шарифулин В.* "Конфликта больше нет". Как в Баку оценивают итоги событий в Карабахе // ТАСС. - 2020. - 29 декабря;
3. ЕСПЧ признал необоснованными обвинения Грузии в адрес России по 2008 году // ТАСС. - 2021. - 21 января.
4. *Кудряшова И. В., Матюхин В. В.* Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2017. № 3;
5. *Маркедонов С.* Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности кавказского региона // Валдайские записки. – 2016;
6. *Тренин Д., Каракуллукчу М.* Перспективы сотрудничества России и Турции в неспокойном регионе. М.: Московский центр Карнеги, 2014.

Рожков Дмитрий Егорович,

студент 3-го курса,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ РАДИКАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Исламизм: признаки, причины и условия радикализации

Понятие исламизма. Энциклопедические источники дают следующее определение: Исламизм – это религиозно-политическая идеология

и практическая деятельность, направленные на создание условий, при которых любые противоречия внутри государства, где есть мусульманское население, а также межгосударственные отношения с их участием, будут решаться на основе норм шариата. Поэтому иногда исламизм называется тоталитарной идеологией, предлагающей решение сложных вопросов современной жизни средневековыми методами.

К отличительным признакам исламизма относятся:

- императивное понимание Аллаха как верховной власти;
- требование возвращения к образу жизни и религии в том виде, который был дарован Пророком (без последующих наслоений);
- соблюдение активной веры, обрядов и традиций первоизданной веры предков;
- главенство законов шариата над всеми светскими надстройками;
- неограниченное применение устрашения и насилия для достижения своих целей, включая террор, в силу чего терроризм закономерно ассоциируется с Исламом.

В такой конструкции исламизм противостоит и самому Исламу в его современном виде, приспособленном к условиям более или менее секулярных государств (т.е. свободных от влияния религии). Достаточно сказать, что так называемая "Арабская весна" пришла именно в те государства, в которых уровень светскости по меркам Ислама был превышен. И лишь те из них, в которых модернизация государственно-политического устройства зашла не слишком далеко, – сохраняют пусть и напряжённую, но всё-таки стабильность. Противостоять деструктивному влиянию исламизма на современное мироустройство невозможно без знания причин, его порождающих [1], [3].

Причины радикализации Ислама в новейшей российской истории обусловлены влиянием внутренних и внешних факторов.

К внутренним относятся:

- резкая дифференциация социальных групп после несправедливой приватизации госсобственности; развал производственной сферы, безработица и обеднение населения. Виновниками названы безбожники, неверные, конформистское светское руководство; на их фоне авторитет муфтиев, имамов стал возвышаться над государственными институтами;

- отток русскоговорящего (преимущественно славянского) населения, выполнявшего в полиэтническом обществе связующую роль. По разным оценкам, за 1989-2002 гг. с территории Северного Кавказа выехало 415-420 тысяч человек;

- к причинам радикализации относится отсутствие идеологии и объединяющей национальной идеи;

- обострение взаимных территориальных притязаний внутри мусульманского сообщества; на их почве возникли радикальные настроения и экстремизм;

- коррупция и глухота власти к нуждам простого человека, беззаконие, достигшие запредельного уровня, из-за чего в ряде случаев население требовало управления из федерального центра и не встречало понимания;

- недоговороспособность политических сил, которые за корпоративными интересами не хотят видеть общую угрозу, исходящую от сплочённого и агрессивного исламистского фронта;

- количественный рост мечетей и медресе, "культурных" и образовательных центров, которые подвижничают не только на почве возрождения веры, но способствуют консолидации радикальных настроений, становятся своего рода идеологическими центрами, влияющими на политические процессы в своём регионе.

(Справка: в России за последние 20 лет количество мечетей выросло 72 раза: в Татарстане – их более 1100, в Башкортостане – 470, в Чечне – 465, Ингушетии – 300, в Дагестане – более 2000, в то время как в 1989 г. было всего 27 мечетей. Специалисты считают, что Дагестан является центром исламизма в РФ и продвигает его в другие регионы страны) [2], [4].

Внешние факторы, способствовавшие радикализации Ислама в России:

- свобода передвижения по миру. Открывшаяся картина мира показала мусульманам, что идеалам не соответствует ни одно общество, в котором власть принадлежит "неверным";

- возможность совершать хадж и получить образование за рубежом. Эта сокровенная мечта становится доступной всё большему числу мусульман, т.к. осуществляется на зарубежные пожертвования. Во времена

СССР хадж совершали всего несколько десятков человек со всего Союза, сейчас – десятки тысяч. Например, в 2012 г. паломничество совершили 20,7 тыс. мусульман из 55 регионов России;

- вовлечённость всех мусульман в транснациональный проект – создание всемирного халифата;

- вооружённые конфликты с участием мусульман, по отношению к которым Россия занимает позицию, противоположную или нейтральную интересам "братьев-мусульман"; Эксперты-исламоведы считают, что именно недалёковидная политика федерального центра привела к трансформации обыкновенного сепаратизма в национально-освободительное движение, а религия в регионах быстро радикализировалась, что в истории бывало неоднократно.

Информационное воздействие или пропаганда, применялась в ходе всех конфликтов в военной истории человечества. Иногда правильно и вовремя сказанное слово может заставить пойти человека вперед, почувствовать эйфорию скорой победы, а может навести ужас, заставить вспомнить худшее в жизни человека, заставить его бояться смерти, заставить его поверить в то, что даже если он и пойдет в бой, то он погибнет напрасно. Это и есть психологическая война. Психологическая война – это специально организованное и профессионально осуществляемое воздействие на сознание, чувства и волю противника для достижения политических целей. В течение всего XX века масштабы и значение психологической войны непрерывно возрастали. К настоящему времени она превратилась в одно из наиболее эффективных средств борьбы между государствами, а также между партиями, религиозно-этническими и финансово-экономическими группировками внутри стран.

В прежнее время использовались письма, листовки, агитационные снаряды, громкоговорители и т.д. На современном этапе интернет поглотил человечество, произошла глобализация информационных ресурсов, к сожалению не в пользу нашей страны. Все мировые спецслужбы используют интернет, а особенно социальные сети для противодействия противнику. К сожалению террористические организации, зачастую поддерживаемые и обеспечиваемые разными недружественными нам режимами также используют новые агитационные приёмы и к сожалению

весьма успешно. Наша задача создать им противовес – без всякой жалости уничтожать их самих и распространение метастаз их разрушительной деятельности.

Начиная с XV века, происходит распространение ислама на землях вайнахов - чеченцев и ингушей, однако национальная мусульманская культура этих народов сформировалась только в конце XVIII века и связана с именем шейха Мансура.

Процесс исламизации адыгов, черкесов и кабардинцев начинается с XV века, а в Кабарду ислам проник только в XVI столетии. Причем исламизация этого региона была прямым следствием господства здесь крымских ханов. В XVIII веке из Кабарды ислам распространился и на осетинские земли, однако мусульманами стало только одно из трех крупных осетинских племенных объединений – дигирийцы. Интересно, что в середине XIX века мусульмане-осетины отказались участвовать в боевых действиях против России.

В Средние века и в начале Нового времени на Северном Кавказе нашли широкое распространение, прежде всего в Дагестане и Чечне, суфийские тарикаты (братства, ордена) - Накшбандийя, Кадирия и др. Это были тарикаты преимущественно тюркского происхождения, что делало их в определенной мере проводниками влияния османской Турции. Именно накшбандийские имамы – Гази-Магомед, Хамзат-бег и Шамиль объявили газават России. В середине XIX века влияние приобрел тарикат Кадирия, чье развитие связано с именем Кунта-Гаджи (Кишиева). Он уделял больше внимания духовно-мистической стороне суфизма, проведению "зикра" (специальной практики поминания и прославления Всевышнего, одной из форм которой на Кавказе стал танец). Кунт-Гаджи был арестован российскими властями в 1864 году. На рубеже XIX и XX столетий эти два направления суфизма на вайнахских и дагестанских землях распались на более мелкие направления.

Эта краткая история подводит к следующим выводам. Первый: в Дагестане и некоторых других, прежде всего, адыгско-черкесских регионах исламская культура в меньшей степени формировалась в условиях и атмосфере противостояния с Россией, нежели на вайнахских землях. Второй: не только суннитская ортодоксия, но и суфизм имеют потенциал для

вращения радикализма, непримиримости, этноцентризма и антироссийских настроений. Как будет показано ниже, эти особенности в полной мере проявились в современной ситуации в регионе.

Мусульманский радикализм появился в регионе в общем контексте религиозно-политического возрождения, начиная с рубежа 80-х – 90-х годов XX века. Общими предпосылками зарождения и развития в регионе того явления, которое принято обозначать как "ваххабизм" или "салафизм", эксперты видят следующие. Во-первых, это открытие границ в обе стороны. Люди и, прежде всего, молодежь получили возможность выезжать на хадж, а также на учебу за рубеж и, не в последнюю очередь, в салафитскую Саудовскую Аравию. А миссионеры, в том числе и радикально-салафитские, получили возможность действовать в северо-кавказских республиках, и их деятельность часто подкреплялась значительной финансово-благотворительной поддержкой [8].

Новая «мода» исламистских эмиссаров или «конверты».

Слово «неофит» пришло к нам из греческого языка, оно означает новообращенного в какую-либо религию человека, нового приверженца религиозной конфессии. В православной церковной среде неофитством называется своего рода болезнь новичков. Характеризуется она, прежде всего, излишним рвением в религиозных делах и импульсивностью. Неофит – нередко радикал, который, обретя новый смысл жизни, готов принести в жертву ради него практически всё и всех, включая счастье и благополучие близких.

Известны случаи, когда эти порывы внезапно проснувшейся религиозности разрушали семьи, причиняли значительный вред, в том числе и детям. Неофит – это чаще всего человек, плохо осознающий свою ответственность и слишком сильно полагающийся на волю Божию. Ему не хватает опыта, гибкости ума и мудрости, а потому в своих более умеренных братьях и сестрах он видит едва ли не отступников. Такие люди отличаются максимализмом, что с одной стороны делает их чуть ли не ангелами, а с другой – экстремистами. Они могут безвозмездно помогать нуждающимся и жертвовать огромные суммы, но в то же время с неукротимой ненавистью обрушиваться на всех, кого посчитают врагами религии.

– В западной социологии люди, которые решили сменить веру, называются «конвертами», то есть совершившими «переконвертирование», – говорит кандидат философских наук, член Союза журналистов России, священник Ставропольской и Невинномысской епархии Антоний Скрынников. – Зачастую эти люди принимают радикальные формы ислама. Если мы внимательно присмотримся ко многим известным на Кавказе террористам, то зачастую это были сменившие веру этнически русские люди, многие из них – в прошлом крещенные. К примеру, Саид Бурятский (Александр Тихомиров) – салафитский проповедник и один из идеологов северокавказского вооруженного подполья. Можно вспомнить Аминат Курбатову (Аллу Сапрыкину), актрису русского драматического театра Махачкалы, которая взорвала себя на приеме у известного шейха Саида-афанди. Погиб сам шейх и семь человек в приемной, включая 12-летнего мальчика.

Не так давно внимание общества привлекали Мария Хорошева, Виталий Раздобудько – террористы-смертники, взорвавшие себя в Дагестане, или прогремевшая на всю страну история с Варварой Карауловой. Это красноречиво говорит о том, что проблема существует, и она актуальна по сей день. Уровень радикализма в среде «русских мусульман» очень высок и продолжает расти.

Если говорить о путях вовлечения и обращения русского населения радикалами, то их два. В первом случае парень-ваххабит знакомится с русской девушкой или женщиной, через какое-то время с ее стороны появляются чувства. Когда отношения выходят на серьезный уровень, парень говорит девушке, что очень хочет быть с ней, но его род, тейп, не примут ее, если она не станет мусульманкой. Если она соглашается, то дальше начинается уже собственно религиозная обработка. Второй способ не менее, а, может быть, даже более эффективен: использование социальных сетей. Молодежь сейчас буквально живет в них. Это говорит о том, что нам пора вводить наряду с таким понятием как гигиена полости рта – интернет-гигиену, и приучать к ней наших детей.

На настоящий момент вахабистские эмиссары активно проводят работу через социальные сети, также ведут активную работу по сбору денежных средств, особенно активно такая работа проводится в республиках Северного Кавказа.

Приведем некоторые примеры (октябрь 2019г.):

В результате совместной операции российских силовых ведомств в Дагестане раскрыта ячейка, которая финансировала боевиков «Исламского государства»*. Задержаны две женщины, собравшие для экстремистов не менее 10 млн рублей. По информации следствия, они познакомились с находящимся в международном розыске боевиком, после чего стали помогать переводить средства на нужды бандформирований в Сирии. Возбуждены уголовные дела по статье «Содействие террористической деятельности». Дагестане пресечена деятельность законспирированной ячейки, которая собирала деньги на нужды международной террористической организации (МТО) «Исламское государство»* и переправляла средства боевикам в Сирию. Операцию провели сотрудники Федеральной службы безопасности, Следственного комитета и Министерства внутренних дел России, а также Росинфомониторинга.

Директор ФСБ РФ Александр Бортников сообщил, что в 2019 году благодаря совместной работе спецслужб СНГ удалось пресечь деятельность 13 международных террористических ячеек и 138 боевиков. По его словам, в последнее время активизировались террористические организации Афганистана, поэтому именно южные границы стран СНГ необходимо держать под особым контролем. ФСБ РФ уделяет большое внимание наблюдению за родственниками боевиков и гражданами России, прошедшими горячие точки на Ближнем Востоке. Именно они чаще всего пополняют ряды террористических группировок и проводят вербовку молодёжи. В 2019 году в странах СНГ была пресечена деятельность 13 международных террористических ячеек. Об этом заявил директор ФСБ России Александр Бортников на 47-м заседании Совета руководителей органов безопасности и специальных служб стран Содружества (СОРБ) в Ташкенте.

Директор ФСБ Бортников рассказал, что террористы пользуются уязвимостью определённых слоёв общества для привлечения в свои ряды. Объектами преступников становятся трудовые мигранты, иностранные студенты и заключённые. На молодёжь воздействуют религиозно-экстремистскими проповедями. «Особая группа риска — это молодёжь, подверженная влиянию экстремистских идеологий. Её обработка ведётся в ходе проповедей и лекций радикального духовенства, читаемых

в культовых учреждениях, в основном действующих неофициально», — отметил директор ФСБ России. Для более широкой аудитории лекции выкладываются в интернете. Кроме того, по словам Бортникова, преступники проводят дистанционное онлайн-обучение потенциальных террористов.

«С использованием средств шифрованной интернет коммуникации джихадисты создают закрытые сетевые сообщества, где ведут психологическую обработку неофитов и дистанционно обучают методам ведения террористической деятельности. Участники таких сообществ — прямые кандидаты в террористы одиночки», — подчеркнул он.

Угроза с Запада

Глава ФСБ России отметил, что террористы практически разгромлены в Сирии и Ираке, поэтому они перемещаются в другие регионы, например в Азию и Африку. В Европе же формируется сеть спящих ячеек. По словам Бортникова, следует обратить внимание и на политическую угрозу, которая исходит с Запада. Ряд неправительственных организаций пытается расшатать внутреннюю ситуацию в странах СНГ. «Традиционным инструментом для такого вмешательства во внутренние дела независимых государств являются иностранные и международные неправительственные организации», — подчеркнул он [10].

* «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 29.12.2014.

Выводы

Также необходимо понять, что в идеолого-пропагандистской работе по противодействию исламскому радикализму ставку необходимо делать на сотрудничество с исламским духовенством. Главное отличие нынешней радикально-исламистской пропаганды от того, что происходило пять или десять лет назад — изменение целевой аудитории. На предыдущем этапе идеи радикального исламизма транслировались, прежде всего, в среде этнических мусульман. Сейчас активная джихадистская пропаганда ведется на принципиально более широкую аудиторию, значительная часть которой изначально не является мусульманской.

Говоря о миллионных пабликах в социальной сети ВКонтакте, формирующих «позитивный» образ абстрактного исламистского боевика, террориста под «зеленым знаменем ислама», «героя» в «арафатке» и с

«калашниковым»), противостоящего современному российскому обществу и обществу как таковому под невнятными политическими лозунгами или вовсе без них. Доходит и до прямой рекламы, например Шамиля Басаева, а также других преступников.

Разумеется, работа с целевой, мусульманской аудиторией также не прекращается, однако по соцсетям хорошо видно, что радикальных «русских мусульман»-неофитов — все больше, и они все чаще являются если не лидерами радикальных мнений, то активными участниками соответствующих псевдобогословских дискуссий. История повторяется — все это уже было в двухтысячных. То же можно сказать о представителях Средней Азии (наибольшей оголтелостью отличаются казахстанцы) и Азербайджана. По степени радикализации они в среднем превосходят северокавказцев. Следует отметить, что сейчас в соцсетях редко встречается прямая пропаганда «Исламского государства» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) и крайне редко — «Имарата Кавказ» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) [11].

Рекомендовать средствам массовой информации, получающим господдержку:

Активизировать разъяснительную работу о смысле и целях реализации Федерального закона "О некоммерческих организациях", относящихся к противодействию радикальному Исламу, экстремизму и терроризму. Через многочисленные благотворительные организации и фонды, в том числе и прежде всего через исламистские, поступают средства, которые предназначены для работы против интересов страны. Развенчивать ложный тезис о том, что сообщение о подозрительных людях и их деятельности, является позорным доносом. За рубежом этому уделяется много внимания; от населения спецслужбы получают большую часть нужной информации, благодаря которой предотвращают опасные преступления и происшествия.

Литература

1. Абдухалимов А. Терроризм и экстремизм в политическом конфликте / А. Абдухалимов // Азия и Африка сегодня. – 2005.

2. *Гаджибеков Р.Г.* Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. – № 6.

3. *Добаев И.П., Анисимова Н.А., Гаджибеков Р.Г.* Этапы и перспективы радикализации ислама в Российской Федерации // Научная мысль Кавказа. – 2013.

4. *Добаев И.П.* Идеологические конструкты радикального исламизма с. 121-129 // Гуманитарий Юга России. 2015. №2.

5. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России.

6. *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // «Советская этнография». № 1. М., 1961. С. 41.

7. *Иванов И.Е.* Психология терроризма: предупреждение и пресечение террористических актов / И.Е. Иванов ; С.-Петербург. гос. ин-т психологии и социальной работы. – СПб. : Камя, 2005.

8. *Лаумулин М.* Арабская весна 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия.

9. *Библер А.* НАТО и транснациональный терроризм / А. Библер // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 10

10. <http://www.fsb.ru/fsb/press.htm>

11. <https://antiterrortoday.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/severnyj-kavkaz-rf/956-islamskij-radikalizm-na-severnom-kavkaze>

Тутин Сергей Михайлович,

студент 3-го курса,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ СЕТЕВЫХ ВОЙН В ЗАКАВКАЗЬЕ

Сетевые, или, как их еще называют, сетцентричные войны представляют собой новейшую технологию захвата территорий, отторжения пространства в свою пользу, перевода его под свой контроль, частным случаем является, например, смена правящего режима в государствах.

Особенностью же сетевой операции является то, что она осуществляется преимущественно без использования обычных вооружений. В этом заключается главная цель сетевых войн (являющихся новейшей разработкой Пентагона) - увеличить пространство контроля, не вовлекаясь по возможности в открытую горячую фазу противостояния с противником, хотя она не исключена [1]. Сеть, по которой протекает информация любого толка – от бытовой, общественно-политической, энергетической до военно-стратегической, – постепенно из чисто технического средства становится главной жизненной артерией современного общества. Различные сетевые структуры – к которым относятся, и средства связи, и масс-медиа, и транснациональные корпорации, и религиозные организации, и НПО, и политические ячейки, и спецслужбы различных государств – постепенно интегрируются в общую чрезвычайно гибкую и разнородную структуру, где прямое соотношение между собой вступают элементы, которые никогда прежде не соприкасались.

Технология так называемых цветных революций была описана Джином Шарпом еще в конце 1980-х. В середине первого десятилетия XXI века с удивлением обнаружили реализацию этой же технологии на постсоветском пространстве. Значительную роль в начале «цветных революций» сыграли появление и распространение из-за рубежа программ по продвижению демократии. Импортированные программы поддержки и развития демократии, реализуемые в основном иностранными и местными неправительственными организациями (НПО), обеспечивали оппозиции поддержку в областях, где она была достаточно слаба: электоральный мониторинг, развитие оппозиционных СМИ, мобилизационные возможности для протестов и т. д. На самом деле, обличавшие правящие режимы и пропагандировавшие стандартный набор ценностей либеральной демократии (свобода личности, свобода прессы, свобода политической деятельности, свободные равные выборы и т. д.) неправительственные организации при поддержке с Запада появились и развернули активную деятельность в Закавказье.

Грузия стала одной из первых стран постсоветского пространства, на которой западными политтехнологами был успешно реализован сценарий «цветной революции» [2]. На 2003 год в Грузии были запланиро-

ваны парламентские выборы. Президентом страны был Эдуард Шеварднадзе, который ещё в 2002 году заявлял о своем намерении уйти после завершения президентского срока правления в 2005 году. Незадолго до выборов службой социальных и маркетинговых исследований BSG при финансовой поддержке фонда «Открытое общество — Грузия» были опубликованы результаты соцопросов. Среди основных претендентов в электоральной гонке из оппозиционных избирательных блоков были названы: «Национальное движение» с её лидером — проамериканским кандидатом Михаилом Саакашвили, «Бурджанадзе — демократы» и «Лейбористская партия Грузии». Одним из фаворитов также являлся правительственный блок «За новую Грузию», возглавляемый действующим президентом страны Эдуардом Шеварднадзе.

В ходе проведения «цветной революции» в Грузии были широко задействованы всевозможные неправительственные организации, эффективно решающие задачи массовой мобилизации протестного потенциала на местах. В 1990-х — начале 2000-х годов западные политтехнологи занялись активным продвижением своих инструментов сетевой дестабилизации, что нашло свое отражение в учреждении на территории республики нескольких тысяч НПО. Активная деятельность данных структур и их местных ответвлений непосредственным образом повлияла на слабое грузинское правительство, стимулируя общественное недовольство, которое пришлось на парламентские выборы 2 ноября 2003 года, предтечи «революции роз» [3].

Свою работу в Тбилиси и других регионах страны развернули Агентство США по международному развитию (USAID), действующее в тесной координации с посольством США в столице Грузии, Национальный демократический (National Democratic Institute, NDI) и Международный республиканский (International Republican Institute, IRI) институты — структурные подразделения Национального фонда поддержки демократии (National Endowment for Democracy), «Институт свободы» (Georgia Liberty Institute), по некоторым сведениям, финансирующийся Госдепартаментом США. Также были задействованы многочисленные «частные» организации — Freedom House, фонд «Открытое общество» Дж. Сороса и другие.

Кроме того, следует указать на наличие традиционной составляющей в сценарии «цветных революций» — участие молодежи, студенчества [4]. «Кмара» — молодежное оппозиционное движение, которое появилось в

апреле 2003 года, детище «Института свободы». Ядро движения составляли студенты. Финансировалось со стороны Open Society Institute (OSI) Фонда Сороса. О масштабах финансирования Джорджа Сороса «Кмары» стало известно благодаря одному документу, который оказался в распоряжении российской газеты «Московский комсомолец». Документ представляет собой черновик заявки на грант и был озаглавлен «Кмара-03. Кампания за свободные и справедливые выборы». В нем говорилось, что OSGF (Open Society — Georgia Foundation), то есть грузинский Фонд Сороса, в преддверии ноябрьских парламентских выборов планировал оказать финансовую поддержку «Кмаре» и Международному обществу справедливых выборов (ISFED). В задачи «Кмары» входила мобилизация избирателей (программа «Иди на выборы»). Задачей второй организации был мониторинг выборов. Проект предусматривал и создание компьютерных списков избирателей. На это дело закладывалось 300 тысяч долларов. В списке были и забастовки всех видов, голодовки, «оккупация ненасильственными методами», «представление поддельных документов», «блокирование информационных линий», «снятие указателей», «бойкот выборов», «отказ от уплаты налогов», «отказ от должности и работы с правительством». В списке есть и такой метод, как «восстание».

Часть молодых грузинских оппозиционеров «Кмары» проходила специальную подготовку в Белграде. Об этом, в частности, сообщила немецкая газета «Франкфуртер альгемайне». По её данным, активистов оппозиционного молодежного движения «Кмара» обучали сербские коллеги из движения «Отпор!» («Сопротивление»), которое ранее успешно реализовало «бульдозерную революцию» в Сербии вынудившую президента Слободана Милошевича уйти в отставку. Следуя образцу сербского движения, «Кмара» позаимствовала и известную эмблему — сжатый черный кулак на белом фоне, что свидетельствовало о дальнейшем распространении брендов «цветных революций» на постсоветское пространство. Действуя по стандартной схеме, данное грузинское протестное движение отметилось провоцированием правоохранительных органов на применение против молодежи силовых приемов, которые затем средствами ангажированных СМИ получили широкий резонанс как неопровержимое доказательство «преступных» действий властей [5].

Таким образом, сетевая война становится объективным фактором современной геополитики и существенным элементом подготовки, организации и проведения государственных переворотов на постсоветском пространстве с использованием внешнего организационного и внутреннего человеческого ресурсов. Противостоять концепции сетевой войны, успешно апробированной в Грузии, чрезвычайно сложно. Зачастую средства сетей разнообразны и более чем достаточны, делая сети прочными и гибкими перед угрозой нападения и противодействия им. Однако, необходимо задуматься о создании на Северном Кавказе параллельных про-российских сетевых организаций и НПО способных эффективно противостоять деструктивной деятельности сетевых структур наших геополитических конкурентов. Их деятельность должна быть направлена на формирование единого информационного и социокультурного пространства для развития и поддержания межкультурного диалога по вопросам предупреждения и преодоления конфликтов, возникающих на национально-этнической почве. Эти организации должны взаимодействовать с национальными и региональными учебными заведениями, научно-исследовательскими центрами в области религиоведения, национальных культур, этно-конфессиональных отношений с целью недопущения возникновения и эскалации межнациональных и межэтнических противоречий.

Литература

1. The International Institute for Strategic Studies [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iiss.org/topics/terrorism-and-security/cyber-space-and-future-conflict> (дата обращения 06.02.2021).
2. Прокофьев А.В. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI века на примере Грузии, Киргизии и Украины. Сравнительное исследование. Казань: Издательство Казанского университета, 2011. С. 68.
3. Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб.: Алетейя, 2013.
4. Крылов А. Кто делает «цветные революции»? // Новая политика [Интернет-журнал]. 15.10.2007. URL: www.novopol.ru/-kto-delaettsvetnyie-revolyuitsii--text28692.html (дата обращения 06.02.2021).
5. Стариков Н. Антология цветных революций. Часть первая. [Электронный ресурс]. – URL: https://antimaidan.ru/article/12300?amp&__twitter_impression=true (дата обращения 06.02.2021).

Уразов Фуркат Тоирович,
студент 3-го курса,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

ЧЕЧЕНСКИЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

С началом перестройки многие республики изъявили желание получить независимость, в этот список вошла и Чеченская республика. Летом 1990 года прошёл Чеченский национальный съезд, в котором участие принимала интеллигенция республики под председательством Джохара Дудаева. На повестке дня был поставлен вопрос об обретении суверенитета Чечено-Ингушской Республики. Уже в ноябре Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР под давлением Национального съезда и народных митингов принял Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. Известный политолог и этнополитолог В. В. Черноус отмечает: «И вот уже на митингах в Грозном вместе с танцующими джигитами чаще стали звучать лозунги «Русские в Рязань, ингуши — в Назрань, армяне — в Ереван». Медленно, но верно русские (как и представители других этнических общностей — армяне, греки, евреи) начинают распродавать свою недвижимость и убираться подобру - поздорову, кто в Рязань, а кто в другие места необъятной России» [1].

Все войны имеют экономический характер. Когда речь идет о миллиардах долларов прибыли, забывают о правах человека, нерушимости границ и различном вероисповедании. Чечня не стала исключением из общего правила.

Одним из причин образования конфликта служит, противоборство интересов крупных мафиозных группировок центра и Чеченской республики. В первую очередь из-за нефти. В Чечено-Ингушской АССР к 1991 г. ежегодно добывалось до 4.1 миллионов тонн высококачественной нефти, а перерабатывалось с учетом завоза до 19 миллионов тонн в год (за рубежом Грозненская нефть высоко ценилась) [2].

При СССР Чечня давала 6% совокупного ВВП, а при РФ цифры выросли до 10-11 %. Это связано с тем, что после развала Советского Союза общий потенциал страны упал в три раза. Также важно отметить, что через Чечню проходят нефтепроводы к Чёрному морю, включая от Тенгизского месторождения нефти – крупнейшего в Содружестве независимых государств.

Война в Чечне созрела довольно своеобразно. Буквально 3 года назад чеченцы не имели своих вооруженных сил, боевой техники и оружия, институтов по подготовке и управлению военных. После распада Советского Союза Москва потеряла свои военные гарнизоны, огромное количество оружия, техники, боеприпасов. Все эти потери создали условия для борьбы против центра. Фраза, произнесенная Борисом Ельциным: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» послужило стимулированию националистического экстремизма, сеянию зёрен несогласия и вражды, чем и воспользовался Джохар Дудаев [3].

С 1992 г. в решениях Москвы можно выделить милитаристское направление: использование силовиков для предотвращения митингов и демонстраций. Милитаризация вела к увеличению роли военных сил в урегулировании возникших проблем. После событий октября 1993 года – расстрел российского парламента, стало понятно, что уже главную силу в руках власти стали играть военные, затмившие все другие государственные институты. Политика властей становилась все более насильственной. Большая ставка на военных привели к войне в Чечне.

Стремление России к маленькой, но победоносной войне хорошо видна в деятельности властей, особенно в 1994 году: создание антидудаевской вооруженной оппозиции в Чечне, подготовка танкового штурма Грозного 26 ноября 1994 г., очевидный срыв миротворческой операции Р. Хасбулатова, которого поддерживала более 70% населения. В середине 1994 г. Россией была упущена создание политического диалога, проведения референдума в Чечне, избрании правительства народного доверия. Это и многое другое привело к войне в Чечне.

Таким образом, чеченский кризис явился следствием корыстных интересов влиятельных экономических и политических группировок и недалекости политики и политиков России, оказавшихся неспособ-

ными освоить уроки о том, что война перестала быть эффективным средством политики, что те цели, которые раньше достигались при помощи её, теперь куда лучше всех достигаются мирными инструментами.

В 2000 году заместитель начальника Генерального штаба РФ Валерий Манилов заявил: «О планомерном выводе избыточных подразделений и частей наших войск с территории Чечни по мере выполнения ими боевых задач». С этого периода активная фаза заканчивается, и война приобретает повстанческую фазу [4].

В короткий срок России удается заручиться поддержкой со стороны Чечни – их лидером становится Ахмат Кадыров, в прошлом муфтий Чечни, который после окончания войны федеральным руководством был поставлен главой Чеченской республики. Новая власть открыто показывала доверие к России и вела пророссийскую политику. Так в 2003 г. был проведён референдум по принятию Конституции, согласно которой Чечня является субъектом РФ. «За» принятие Конституции высказались 96 % граждан, после чего Конституция была принята. Это упрочило власть в регионе и ясно дала понять миру об однозначном выборе чеченского народа в пользу мира и позитивного развития отношений с Россией. [5].

Однако, оставалось решить проблему с террористическими группировками, которые стали более агрессивными и вели партизанскую войну против федеральных сил, а непосредственно на территории России они проводили террористические акты. Наиболее крупные из них:

1. Терракт на Дубровке (октябрь 2002 г.);
2. Захват школы в Беслане (сентябрь 2004 г.);
3. Взрыв в Московском метро (февраль 2004 г.).

Террористы в данных террористических актах выдвигали требования полного вывода российских войск из Чечни. Кроме того, они несли задачи дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, устрашение населения и дискредитация власти.

В апреле 2009 года на территории Чечни был отменён режим КТО. К этому времени были ликвидированы многие лидеры террористов, среди которых Амир ибн аль-Хаттаб, Аслан Масхадов, Абдул-Халим Садулаев, Доку Умаров, Абу Хафс аль-Урдани и Шамиль Басаев. Президент России Дмитрий Медведев отметил: «Обстановка в

Чеченской республике в существенной степени нормализована, жизнь входит в нормальное русло, строятся современные объекты, решаются социальные задачи» [6].

Последствиями двух чеченских кампаний стало становление Чечни очагом распространения терроризма на Северном Кавказе. Распространению подверглись Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария и др.

Например, только за первую половину 2012 года было совершено 156 терактов. Среди них Дагестан – 156, Чечня – 36, Кабардино-Балкария – 28, Ингушетия – 26. Пятый год подряд на Северном Кавказе совершалось в среднем три теракта в день [7].

Жертвами террористов становились сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и мирные жители.

Финансовую поддержку террористам оказывали международные террористические организации («Аль-Каида», «Братья-мусульмане», «Международный исламский фонд», «Хизбут-Тахрир» и др.

Другим последствием стало большое количество беженцев, которые были вынуждены покинуть родные дома. Согласно Норвежскому совету по беженцам 130 тысяч чеченцев расселились по регионам России. В 2003 году по данным ООН более 30 тысяч граждан РФ (среди которых свыше 90% чеченцы) подали заявления о предоставлении убежища в Евросоюзе. Чеченцы стали наиболее многочисленной группой беженцев в Европейском союзе. Кроме того, беженцы уехали в Азербайджан, Грузию, Турцию и Арабские Эмираты [8].

Таким образом, можно утверждать, что чеченский кризис есть следствие противоборства сильных политических и экономических группировок в первую очередь из-за нефти и недальновидности политики нашей страны, которые привели к огромным человеческим жертвам и дестабилизации ситуации на Северном Кавказе.

Литература

1. Черноус, В.В. КСЕНОФОБИЯ на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления / В. В Черноус. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – 93 с.

2. Dprom.online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dprom.online/oilngas/skolko-nefti-dobyvayut-v-chechne/>. – Дата доступа: 25.03.2020.

3. RG.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/12/29/reg-urfo/eltsin-site.html>. – Дата доступа: 31.12.2013.

4. Newsru.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/30jan2001/general.html>. – Дата доступа: 30 января 2001 г.

5. *Барахова, Алла.* Чеченский референдум: чеченцы вернулись в Россию / Алла Барахова, Мусса Мурадов. – Грозный: Россия и мусульманский мир, 2003. – 39-43 с.

6. Gazeta.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2009/03/27_a_2965575.shtml. – Дата доступа: 27.03.2009.

7. *Баранов, А.В.* Современный терроризм на Северном Кавказе: причины, формы проявления, направления противодействия / А. В Баранов // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 13. – С. 5

8. Wikipedia.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чеченские_беженцы. – Дата доступа: 18.03.2020.

Черевков Олег Сергеевич

ведущий библиотекарь библиотечно-информационного
центра им. академика Д.С. Лихачева
МБУК РЦГБС, г. Ростов-на-Дону

ИСЛАМСКИЙ МОДЕРНИЗМ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

На современном этапе своего развития мировое сообщество, в том числе и российская его часть, столкнулась с проблемой роста уровня экстремисткой и террористической угрозы. Несмотря на то, что крупнейшие государства мира задействуют колоссальные силовые и материальные ресурсы для оказания сопротивления данной угрозе, террористическая активность не только продолжает существовать, но и адаптируется к постоянно меняющимся условиям.

Экстремистская и террористическая деятельность сегодня, главным образом, ассоциируется с деятельностью последователей т.н. «исламского радикализма», «исламизма», «ваххабизма», «салафизма» и т.п. Прежде всего, важно подчеркнуть, что исламизм – не религия, а религиозно-политическая платформа, которая не только берет отдельные элементы мусульманской религии, но и трактует их наиболее выгодным для радикалов образом. Подавляющее большинство наиболее известных террористических группировок, осуществляющих свою деструктивную деятельность на Ближнем Востоке, Центральной и Юго-Восточной Азии, странах Северной Африки, Западной Европы и России, следуют в фарватере религиозно-политической идеологии исламизма. Все это, в свою очередь, негативно сказывается на образе ислама и восприятии последователей данной религии в массовом сознании, росту ксенофобии и обособлению последователей ислама от остального общества, созданию закрытых социальных институтов и другим негативным последствиям.

Следует отметить, что такое отождествление ислама и исламизма, мусульман и экстремистов – не только в корне ошибочно, но и опасно с точки зрения содействия обеспечению государственной и общественной безопасности, развитию гражданского общества и формированию единой общероссийской гражданской идентичности. Однако стоит сказать, что ислам по своей сути не является чем-то монолитным: в нем существует несколько направлений, наиболее известными из которых являются суннизм и шиизм; в каждом из этих направлений существуют собственные богословско-правовые школы (мазхабы); к тому же, в разных регионах России и мира ислам имеет собственные особенности, связанные с существующим на их территории этнокультурным комплексом. Помимо такого разделения, существует так же типологизация исламских течений по тому, каким его идеологи видят облик ислама, его место в обществе и жизни каждого отдельного последователя. В рамках такой типологизации выделяют три вида направлений в исламе: фундаментализм, традиционализм и модернизм. Последователи первого типа апеллируют к «исконным» исламским ценностям времен «золотого века» ислама – периода жизни пророка Мухаммеда и первых праведных халифов; желают «очищения» ислама от многовековых наслоений, привнесенных в него

другими религиями и культурами. Второй путь – путь, характеризующийся определенным синтезом, с одной стороны, исламских духовных практик и этики, с другой стороны – элементов того или иного этнического культурного комплекса. Именно у второго типа ислама, который в средствах массовой информации, а так же ряде академических работ, получил название «традиционный ислам», больше всего последователей в Российской Федерации. «Традиционный» ислам в России имеет ряд отличительных характеристик, прежде всего – богатейший опыт свободного развития в условиях полиэтничности российского общества и соседства с такими религиями, как православие, католицизм, буддизм и др., обязательным элементом которого было и остается взаимное уважение и стремление к мирному сосуществованию.

Однако в рамках данной статьи хотелось бы большее внимание уделить третьему типу – модернизму в исламе. О данном направлении сегодня имеется не очень большое количество работ, мало внимания уделяется ему и в масс-медиа, и в документации, регламентирующей основные направления государственной религиозной политики в нашей стране.

Исламский модернизм как феномен развития не только собственно ислама, но и восточных обществ, стал, своего рода, ответом на экспансию европейских экономических и культурных достижений, образа мысли и действия. Они стали проникать в страны и регионы традиционного проживания мусульман вместе с волной колонизации и политико-экономической экспансии великих империй – Британской, Французской, Российской и др. В определенной степени, такая реакция была обусловлена стремлением мусульманских идеологов попытаться создать основу для адаптации мусульманской религии и общества по отношению к меняющимся социально-экономическим и политическим отношениям, техническому прогрессу. С их точки зрения, пришедшие с Запада модели развития государства и общества, социальных и экономических отношений воспринимались как безусловно более прогрессивные и развитые, нежели те, что бытовали в мусульманской среде того или иного региона.

Хотя первые попытки осмысления и внедрения западных интеллектуальных достижений в почву ислама предпринимались, или, по крайней мере, предполагались еще в XVII в., период же наиболее активной деятельности последователей исламского модернизма относится к XIX веку.

Именно в этот период, с одной стороны, основная часть мусульманского мира оказалась, в той или иной степени, под властью европейских держав, с другой – произошли события, которые постепенно качественно меняли систему общественных отношений, например, Великая французская революция и Война за независимость Соединенных Штатов Америки. Вторжение и захват Наполеоном Бонапартом Египта (в то время – номинально части Османской империи) привел значительную часть мусульманской элиты к пониманию военно-технического и социально-экономического превосходства европейцев и осознанию необходимости масштабных реформ, в том числе, и прежде всего – в области ислама. Желание освободить «дар аль-ислам» от контроля иноверцев, прекратить упадок исламской культуры побудил исламских идеологов действовать [1].

Впрочем, они понимали, что нельзя реформировать ислам, игнорируя многовековые обычаи и особенности данного религиозного комплекса, просто внедряя западные стандарты и практики. Поэтому характерной чертой мусульманского модернизма стало избирательное заимствование европейских экономических, научных, технических, культурных и иных достижений, их, с тем, чтобы мусульманский мир, по крайней мере, достиг равного положения с миром западным.

Говоря о развитии модернизма в целом, нельзя пройти мимо фигуры богослова, идеолога реформирования исламской религии, Джемал ад-Дина аль-Афгани (1839-1897), который имел возможность путешествовать не только по странам Ближнего Востока, но и ряду европейских стран, в том числе Российской империи. Он, в основном, работал в Египте, и был основоположником идеологии, которую в XX веке назовут «исламским социализмом». В то же самое время, в его произведениях существенное место занимала идея объединения всех мусульман мира в рамках конфедеративного союза ради противодействия хищническим интересам европейских колонизаторов. В этом будущем конфедеративном союзе общественная жизнь должна строиться на принципах социальной справедливости, равенства и свободы волеизъявления, но с обязательной опорой на ислам в качестве руководящего морально-этического комплекса [2]. Идеи аль-Афгани повлияли на широкий круг исламских общественных и религиозных деятелей, среди которых можно выделить, например, Мухаммада Абдо (либеральный мусульманский реформатор,

один из основателей исламского модернизма в его современном виде, активно выступал за сочетание принципов демократии и парламентаризма с исламскими ценностями), Ахмад Лютфи ас-Саййид (общественный деятель, противник колониализма, первый ректор Каирского университета), Абд ар-Рахман ибн Ахмад аль-Кавакиби (сирийский богослов и реформатор, противник османского режима, один из основоположников панарабизма), Мустафа Камиль (один из основных идеологов национально-освободительного движения в Египте против британской оккупации) и др.

На пространстве бывшей Российской империи исламский модернизм ассоциируется, в первую очередь, с идеями и деятельностью крымско-татарского просветителя, общественного деятеля Исмаила Гаспринского (1851-1914). Он стал основателем специфического направления в исламском модернизме, характерном только для России и сопредельных ей территорий – джадидизма. Джадидизм (от арабского «джадид» - новый) содержал в себе положения о необходимости совершенствования ислама на основе не только чисто мусульманских ценностей, но и общечеловеческих (европейских по происхождению) философских представлений о гуманизме. Его отличительными особенностями от существовавших параллельно ближневосточных модернистских концепций, были следующие: 1) основная масса последователей и идеологов джадидизма в России были по происхождению тюрками (поволжскими, крымскими и кавказскими татарами, кумыками и т.д.), в то время как на Ближнем Востоке к модернизму примыкали в основном арабы, которые сопротивлялись как европейскому, так и османскому диктату; 2) последователи джадидизма жили и отстаивали свои права в рамках преимущественно христианского, православного государства, чьи колониальные амбиции определенным образом увязывались с распространением света цивилизации и христианства в землях Кавказа и Средней Азии; 3) для последователей джадидизма было характерно большое культурное, языковое и этническое многообразие; 4) более терпимое отношение джадидов к мистическим течениям в исламе, принадлежность некоторых последователей джадидизма к орденам суфиев, и т.п. [3].

Среди основных направлений деятельности джадидов, получивших наиболее широкое освещение и распространение, можно выделить, во-первых, исламское образование: последователи джадидизма не только предложили к реализации новую систему организации образовательного

процесса в населенных преимущественно мусульманами регионах Российской империи, открывали новые школы (в первую очередь – в сельских районах), но и выступали за то, чтобы мусульмане не просто заучивали строки священных текстов, но анализировали их, трактовали, переводили на родные языки. Джадиды стремились к внедрению светских стандартов образования в школах, действовавших при культовых сооружениях, в том числе и в первую очередь – в деревнях. Во-вторых, последователи данного направления исламского модернизма выступали за распространение книг, развитие книгопечатанья, большую открытость мусульманского сообщества России идеям, разрабатываемым в других, в том числе мусульманских регионах мира. Джадиды уделяли большое внимание предпринимательской деятельности, открывали новые книжные магазины, в которых были представлены труды как последователей исламского традиционализма, так и модернистских течений из Египта и Сирии. Были в них представлены и труды самих идеологов джадидизма. Не последнюю роль сыграла в распространении идей Исмаила Гаспринского газета «Терджиман-Переводчикъ», которая выпускалась в Бахчисарае до 1918 года и распространялась на территории Крыма, Поволжья, Средней Азии, а также многих стран зарубежья – Франции, США, Османской империи, Египте, Болгарии, Швейцарии и др. Благодаря переводческой деятельности джадидов для широкого круга мусульман Российской империи стали доступны труды европейских философов. Примечательным аспектом активности джадидов было и распространение модного в то время в мире течения – феминизма, с мусульманской спецификой: так, в 1891 году появилось новое приложение к «Терджиману» под названием «Кадын» (по-русски – «Женщина»). Помимо всего прочего, джадиды выступали за объединение всех тюркских народов в конфедеративном формате (что перекликалось с идеями аль-Афгани, но для мусульман вообще) на основе исламских реформированных ценностей и стремления к прогрессу и переменам. Такая конфедерация должна была охватывать большие евразийские просторы, от Крыма до Джунгарии, от Восточной Фракии до территорий Южной Сибири [4].

Взгляды джадидов были относительно популярны на Кавказе, в частности, на территории современного Азербайджана, где главным последователем Исмаила Гаспринского был Али-бек Гусейнзаде (1864-

1940), врач и философ, а также в населенных преимущественно кумыками землях Дагестана, где проводником идей джадидизма выступал Нухай Батымурзаев (1865-1919), журналист, писатель и просветитель, основатель кумыкской письменной прозы [5].

Мощный импульс деятельности джадидов в России придало поражение России в войне с Японией 1904-1905 гг. Это была одна из первых побед неевропейской державы над одной из самых больших европейских империй того времени, и придала уверенности деятелям многих национально-освободительных и реформаторских движений в странах Азии. События Первой русской революции позволили джадидам активно включиться в российскую политику. Джадиды пытались продвигать свои взгляды, участвуя в деятельности мусульманской фракции Государственной Думы России, а затем – в работе органов новообразованных государств на руинах бывшей империи.

Тем не менее, события, развернувшиеся уже после окончания Первой мировой войны, оказались не вполне благоприятными не только для развития собственно джадидизма, но и исламского модернизма в целом. На ближнем востоке реформаторы столкнулись с еще более усилившейся экспансией Великобритании и Франции на территории бывшей Османской империи. В России власть в свои руки постепенно брали большевики. На начальном этапе Гражданской войны джадидам удалось установить контроль над некоторыми территориями, в частности, в Азербайджане и Центральной Азии, затем – вступить в союз с коммунистами против антибольшевистских сил, большинство из которых ассоциировалось со старым царским режимом. Политика большевиков в тот период времени характеризовалась симпатиями по отношению к политическим и общественным течениям окраинных народов России, к тому же, в некоторых аспектах взгляды коммунистов и джадидов были схожи. В 1922 г. пост верховного муфтия даже занял один из лидеров джадидизма, Ризаитдин Фахретдинов (1859-1936). Тем не менее, в дальнейшем, ввиду своего антирелигиозной и антиклерикальной деятельности, большевики отказались от поддержки джадидов, которые сначала были устранены от общественно-политической деятельности, а в конце 30-х годов XX века стали жертвами политических репрессий [6].

К сожалению, действия советской власти по уничтожению влияния джадидизма привели к тому, что на сегодняшний день в России в целом мало знают, говорят и пишут о модернизме в исламе, воспринимают его исключительно как некий «призрак прошлого». Основная ставка российских органов, осуществляющих руководство религиозной и национальной политикой в России в области противодействия исламизму и другим деструктивным религиозно-политическим течениям исламского характера связаны с поддержкой «традиционного» ислама с местной этнокультурной спецификой. Представляется весьма сомнительным, что идеи исламского модернизма в нашей стране обретут хотя бы часть бывшего влияния в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе, и смогут стать сколько-нибудь надежным основанием для противодействия радикалам.

Вместе с тем, важно признать, что несмотря на часто спорный и даже трактуемый в качестве антироссийского характер деятельности российских исламских модернистов (особенно касаясь активно пропагандируемой ими идеи пантюркизма), эти люди были одними из наиболее прогрессивных приверженцев исламской религии, не только в нашей стране, но и в мире, и оказали существенное влияние на дальнейшую историю целых народов, на формирование их современной культуры и морально-этического комплекса.

Литература

1. *Слета А.* Что такое исламский модернизм? [Электронный ресурс] // Сайт «С востока на восток». URL: <https://easteast.world/posts/186> (дата обращения 04.02.2021);
2. *Степаняни, М.Т.* Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX – XX вв.). М.: Наука, 1974. – 190 с.;
3. *Исхаков Д.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Изд-во «Иман», 1997 – 80 с.;
4. *Байрамов, Э.З.* Великий просветитель российских мусульман Исмаил Гаспринский. М.: Экселибрис-Пресс, 2001. – 135 с.;
5. *Khalid A.* The politics of Muslim cultural reform: jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1999 – 335 p.;
6. Три статьи о джадидизме. [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Хуршида Даврона». URL: <https://greylib.align.ru/979/djadidizm-nacionalnaya-ideya.html> (обращения 04.02.2021).

Шкуренко Валерия Сергеевна,

магистрант,

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА

В современном мире, поглощённом глобализацией, любому государству необходимо иметь и поддерживать международное сотрудничество с другими странами для осуществления и поддержания различных целей и интересов, путём становления одностороннего или двустороннего взаимодействия.

Международное сотрудничество определяется как совместная деятельность государств и/или иных субъектов международного права, основанная на общих целях и задачах в соответствии с нормами и принципами международного права, которая имеет различные сферы осуществления, направления и типы, закреплённые в международных актах. Отношения между субъектами международного права в рамках сотрудничества могут осуществляться как двусторонней дипломатией, так и многосторонней, подразумевают подписание различных соглашений и союзов, имеющих различные цели и интересы для всех участвующих сторон. Международное сотрудничество также может осуществляться лишь с одной стороны - оказывать помощь населению другой страны или нескольким странам, не требуя ничего взамен.

В наши дни необходимость в установлении и поддержании совместной деятельности повышается, что является причиной распространения международного сотрудничества на различные сферы: экономическую, политическую, военную, экологическую, информационно-коммуникационную, научно-техническую, культурную и космическую.

Однако, в рамках современных международных отношений, не все государства имеют право свободно вступать во взаимоотношения с

инными субъектами международного права. Существуют политии, которые обладают необходимым и достаточным набором атрибутов государственности, что де-факто делает территорию независимым государством, но в то же время они не имеют возможности официального вступления в международные отношения, так как лишены полного или частичного международного признания, то есть де-юре не существующего. Следовательно, такие государственные образования носят название «непризнанные государства», а их категория, в которую входят государства с частичным признанием - «частично признанные государства».

Образовавшиеся в 1990-х годах, после распада СССР, самопровозглашённые государства Южного Кавказа – Республика Абхазия и Республика Южная Осетия имеют статус частично признанных государств. Поскольку в 2008 году, впервые после провозглашения о своей независимости в 1994 году, Республика Абхазия была признана независимым государством - Российской Федерацией [1]. Независимость республики признана ещё 4 государствами — членами ООН и 4 непризнанными и частично признанными государствами. В этом же году российское руководство признало независимость Республики Южная Осетия [2]. После чего объявили о признании Республика Никарагуа, Боливарианская Республика Венесуэла и Республика Науру, Тувалу и Сирия.

Хрусталеv в своих работах пишет о том, что для таких территориальных образований важнее не процесс их официального признания мировым сообществом, а установление их международного сотрудничества: «Более важно предложить им достойный выход из тени, преодолеть информационную блокаду и найти оптимальную стратегию всестороннего сотрудничества в духе реализма» [3]. Поскольку растёт их потребность в достижении политических и экономических интересов, в повышении конкурентоспособности данных территориальных образований, становлении и ускорении развития своего государства, а также в решении таможенных вопросов, вопросах пограничного урегулирования, использования ресурсов общего предназначения, развития коммуникационных сетей, экологических проблем и многих других.

Частично признанным государствам легче, чем непризнанным государствам, осуществлять международное сотрудничество на междуна-

родной арене, так как взаимодействие с другими странами может осуществляться на официальном уровне, а также отсутствует угроза в блокировке отношений путём наложения санкций, политической блокады или другими мерами.

Так, республика Абхазия поддерживает тесное международное сотрудничество с Российской Федерацией. Межгосударственные отношения поступательно развиваются на основе союзничества и стратегического партнерства. Договорно-правовая база двустороннего сотрудничества включает более 100 двусторонних документов различного уровня, в том числе основополагающие Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 17 сентября 2008 года и Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 года.

Осуществляются контакты на уровне руководителей других министерств и ведомств, развиваются межпарламентские связи.

Российская и абхазская делегации тесно взаимодействуют в ходе Женевских дискуссий по безопасности и стабильности в Закавказье, созданных после событий 2008 года в Южной Осетии. Основной целью этого переговорного процесса является обеспечение прочной безопасности Республики Абхазия и Республики Южная Осетия. В Женеве российские и абхазские представители в духе союзнических отношений выступают с единых позиций по таким важнейшим для безопасности региона вопросам, как заключение юридически обязывающих соглашений о неприменении силы, противодействие конфронтационным шагам грузинской дипломатии на международной арене и милитаризации Грузии в контексте ее взаимодействия с НАТО [4].

Россия предоставляет Абхазии масштабную финансовую помощь, за счет чего формируется около 50% бюджета Абхазской республики [5].

Южная Осетия также поддерживает тесное международное сотрудничество с Россией [6]. 30 июля 2015 г. было объявлено о вступлении в силу «Договора между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о союзничестве и интеграции». Документом предусмотрены открытие границы, повышение пенсий и зарплат, а также обеспечение безопасности Южной Осетии без вхождения в состав России [7].

Российские и югоосетинские делегации плотно взаимодействуют в рамках Женевских дискуссий по безопасности и стабильности в Закавказье.

Последовательно наращиваются межпарламентские связи. 6 сентября 2008 года заключено Соглашение между Советом Федерации РФ и парламентом Южной Осетии. Создана двусторонняя межпарламентская комиссия по сотрудничеству, заседания которой проводятся два раза в год.

Ключевая роль в двустороннем взаимодействии принадлежит Межправительственной комиссии по социально-экономическому сотрудничеству (МПК), образованной в соответствии с Соглашением об оказании помощи Республике Южная Осетия в социально-экономическом развитии от 26 августа 2009 года.

Договорно-правовую базу двусторонних отношений составляют свыше 90 двусторонних документов различного уровня. Россия предоставляет республике финансовую, политическую поддержку и безопасность, таким образом, получив возможность иметь военное присутствие в регионе, что тоже является взаимовыгодным международным сотрудничеством [8].

Из чего следует, что отсутствие полного международного признания не мешает частично признанным государствам Южного Кавказа существовать на политической карте мира, а также выстраивать международное сотрудничество [9]. Частично признанные государства Южного Кавказа стараются использовать инструменты прямого и более интенсивного диалога со странами, которые являются для них центром, находить и предлагать возможные варианты своего участия в международном сотрудничестве и продолжать разрабатывать новые формы взаимодействия. Универсального подхода к сотрудничеству с такими территориальными образованиями в современной мировой политике не существует. Это объясняется тем, что в не оформившейся до конца системе международных отношений слишком много нерешённых правовых и политических вопросов. Взаимодействия частично признанных государств Южного Кавказа с национальными странами и иными субъектами международного права является главным ресурсом их длительного существования в современном мире.

Определяя перспективы международного сотрудничества частично признанных государств Южного Кавказа, можно отметить, что они имеют довольно неплохое будущее во взаимодействии с акторами международных отношений, с которыми уже установлено сотрудничество. Тем не менее данным территориальным образованиям осуществить взаимодействие с иными направлениями в перспективе практически невозможно, в силу отсутствия полного признания.

Так, для Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, Российская Федерация однозначно продолжит быть центром, оказывающим колоссальную помощь и поддержку в миротворческой, гуманитарной и финансовой сфере.

Наиболее важное направление внешней политики Абхазии - это развитие отношений с Российской Федерацией. Следует предположить, что отношения между этими странами будут развиваться на равноправной основе. Необходимо отметить перспективы и важность в развитии международных отношений с другими странами, например, со странами СНГ, с Турцией, с государствами, признавшими Абхазию, а также с Евросоюзом, хотя следует признать, что осуществить взаимодействие именно с этим направлением в перспективе практически невозможно. Следовательно, Республике Абхазия необходимо устанавливать взаимодействия с внешним миром и стремиться расширить круг тех, кто может признать независимость Абхазии, с перспективами на установление международного сотрудничества и с другими субъектами международного права.

Что же касается Южной Осетии, здесь важно отметить, что Россия заинтересована в продолжении взаимодействий с частично признанным государством, в его поддержке, а также в развитии собственной экономики и открытия для неё новых возможностей. Добиться этого в перспективе государство может при системном и обоснованном инвестировании в экономику этой частично признанной республики, что говорит о будущих перспективах развития сотрудничества между странами [10].

Стратегическое геополитическое значение частично признанных государств Южного Кавказа имеют и для других стран: глобальных акторов США, ЕС, региональных держав Ближнего Востока [11]. Важность

региона обусловлена в первую очередь стремлением, так или иначе, влиять на распределение био- и энергоресурсов Каспия [12]. Всё это влияет на удачные перспективы международного сотрудничества данных территориальных образований с другими игроками международных отношений [13].

Таким образом, мы видим, что становление и поддержание международного сотрудничества между частично признанными политическими образованиями Южного Кавказа и другими странами являются результатом их взаимного желания. В целях сохранения и развития перспектив взаимодействия стран, заинтересованные стороны прилагают усилия для того, чтобы ускорить и упростить процесс признания государствами ранее непризнанных государственных образований [14].

Выход на новый уровень международных отношений требует принятия самостоятельных внешнеполитических решений, которые должны соответствовать национальным интересам страны на внешнеполитической арене и одновременно удовлетворять ключевые внутривнутриполитические силы в стране, что является достаточно сложным, когда речь заходит о принятии внешнеполитических решений руководством непризнанного и/или частично признанного государства. Несомненно, реализация таких решений определяет состояние самих частично признанных государств Южного Кавказа, международных отношений, и играет важную роль в урегулировании ключевых, основополагающих проблем в мире [15].

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1260 «О признании Республики Абхазия» [Электронный ресурс] / <http://kremlin.ru/acts/bank/27957> (дата обращения 18.01.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/27958> (дата обращения 18.01.2021).
3. *Хрусталеv И.* Признать или не признать? / И.Хрусталеv // журнал *Международные процессы* Том 12, № 1-2 (36-37). – 2014. - С. 5.
4. Межгосударственные отношения России и Абхазии. 03.03.2020. [Электронный ресурс] – URL:
5. <https://ria.ru/20190806/1557172164.html> (дата обращения: 18.01.2021).

6. Обзор итогов внешнеэкономической деятельности и мер торговой политики Республики Абхазия за 2014. [Электронный ресурс] – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ab/about_ab/ved_ab/ (дата обращения: 18.01.2021).
7. Бюджет Южной Осетии на будущий год. 2015. [Электронный ресурс] – URL: http://sputnikossetia.ru/South_Ossetia/20151223/1058783.html (дата обращения: 18.01.2021).
8. Политологи: вопрос для референдума о присоединении Южной Осетии к России связан с позицией. 2016. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/281315/> (дата обращения: 18.01.2021).
9. Межгосударственные отношения России и Южной Осетии. 24.06.2020. [Электронный ресурс] – URL:
10. <https://ria.ru/20200624/1573365795.html> (дата обращения: 18.01.2021).
11. *Жмилевский, В. Д.* Непризнанные и частично признанные государства: географические аспекты исследований / В. Д. Жмилевский. — Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. — 2016. — № 30 (134). — С. 133-136.
12. *Аванесян А.А.* Абхазия и Южная Осетия в сфере геостратегических интересов России // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №8. – С.239-241.
13. *Маркедонов С.* Полигон этнических конфликтов. 2006. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.apn.ru/publications/article9744.htm>. (дата обращения: 18.01.2021).
14. *Халифаева А.К.* К вопросу о современных проблемах геополитики // Евразийская адвокатура. – 2016. – №1(20). – С.112-116.
15. *Жмилевский В.Д.* Специфические территории и особенности их существования. Справочник по международно-правовой специфике территорий / В.Д. Жмилевский // Казань : Бук, 2018. – С. 123.
16. *Ватаман А.В.* Формирование новой системы международных отношений и непризнанные государства // Власть.- 2015. - №5. - С. 35 - 47.

Для заметок

КАВКАЗСКИЕ ЧТЕНИЯ
(памяти проф. В.В. Черноуса)

Ответственный редактор
И.П. Добаев

Ответственный секретарь:
Зарбалиев В.З.

Сдано в набор 07.12.2021. Подписано в печать 15.12.2021.
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,3.
Тираж 550 экз. Заказ № 197.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111
тел. 8-918-570-30-30.